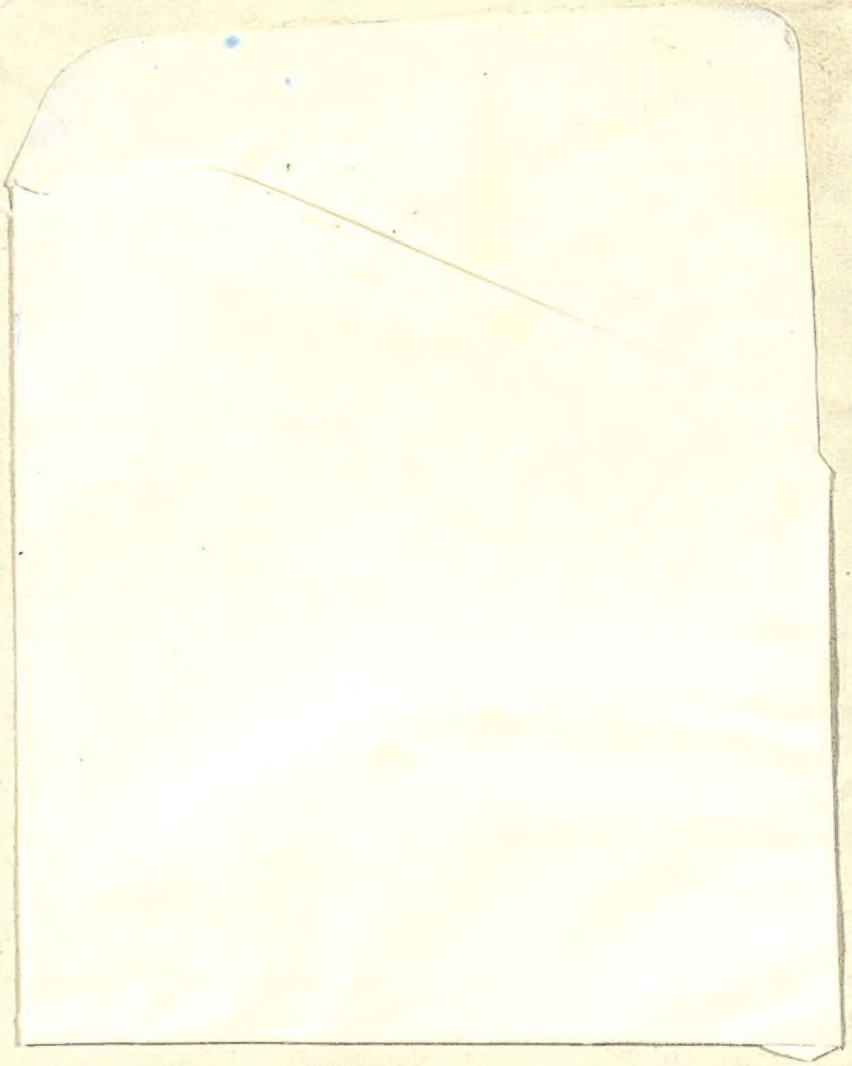
Д231 Эр1 604

Двенадцать смертников.

1



Ф-604
31.5.5/47/:32

ДВѢНАДЦАТЬ СМЕРТНИКОВЪ

СУДЪ НАДЪ СОЦІАЛИСТАМИ-РЕВОЛЮЦІОНЕРАМИ ВЪ МОСКВѢ

БИБЛІОТЕКА
Институт Истории Рос. Революции
37706/8°
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЕДИНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
С.Ф. № 480

ИЗДАНІЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦІИ П. С. Р.
БЕРЛИНЪ.
1922 г.

Московскій судъ и большевизмъ.

Между партіей русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ и партіей соціалъ-демократовъ существуетъ сильное расхожденіе, больше того, противорѣчія въ основахъ міровоззрѣнія и тактики. Несмотря на это, я охотно принялъ приглашеніе написать въ качествѣ введенія къ изложенію Московскаго процесса, издаваемому россійской П. С. Р., нѣсколько словъ для характеристики этого процесса. Больше того, я чувствую, что не только имѣю право, но даже обязанъ написать это введеніе, и именно въ силу исповѣдуемыхъ мною соціалъ-демократическихъ принциповъ. Ибо принципы эти гласятъ, что пролетаріатъ, наиболѣе униженный и порабощенный изъ всѣхъ классовъ, не можетъ освободиться, не освобождая при этомъ всѣхъ порабощенныхъ. Пролетарская соціалистическая партія не можетъ выполнить своей великой исторической задачи, не сдѣлавшись защитницей всѣхъ порабощенныхъ и угнетенныхъ. Поэтому Марксъ и Энгельсъ вступились за угнетенную Польшу и встали на защиту Ирландіи; поэтому, въ области колоніальной политики, соціалъ-демократы всегда стремились къ освобожденію туземнаго населенія колоній. При этомъ они часто поддерживали и не соціалистическіе, буржуазные элементы.

Тѣмъ болѣе обязаны мы заступиться за преслѣдуемыхъ и гонимыхъ, когда они принадлежатъ къ партіи, которая такъ же, какъ и мы, хотя не всегда тѣми же путями, стремится къ освобожденію трудящихся и издавна вела самую рѣшительную беззавѣтную борьбу съ закля-

тымъ врагомъ мірового прогресса, съ русскимъ деспотизмомъ. Борьба, которую нынѣ ведутъ соціалисты-революціонеры, есть только продолженіе этой старой борьбы. Вѣдь нѣтъ существенной разницы въ томъ, является ли самодержавная власть наслѣдственной или созданной вновь, властвуетъ ли «законный» царь или клика случайно выдвинувшихся людей, родился ли тиранъ во дворцѣ или онъ использовалъ, для того чтобы подняться въ Кремль, рабочую и крестьянскую революцію.

И именно то обстоятельство, что новый русскій деспотизмъ не царистскій, а бонапартистскій, дѣлаетъ особенно необходимымъ, чтобы соціалистическія партіи міра вступились за преслѣдуемыхъ имъ русскихъ соціалистовъ. Ибо этотъ бонапартизмъ хочетъ сдѣлать соціалистовъ всего міра сообщниками его политики преслѣдованій, чего, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, царизмъ никогда не пытался дѣлать. Большевистскіе властители хотѣли бы, чтобы соціалисты всего міра рукоплескали предпринимаемымъ ими гоненіямъ на соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ. Но прошли тѣ времена, когда они могли разсчитывать на то, что ихъ заявленія будутъ приняты безъ всякой критики.

Они стараются представить свою политику, какъ единственно-правильное примѣненіе марксизма, какъ строгое проведеніе принциповъ классовой борьбы. Но съ этими принципами совершенно не совмѣстимы тѣ грубыя преслѣдованія и гоненія, которымъ соціалисты опредѣленнаго направленія подвергаютъ рабочихъ, за то лишь, что эти рабочіе признаютъ соціализмъ въ иномъ толкованіи, чѣмъ они. Мы, соціалъ-демократы марксисты, въ согласіи со всѣми почти остальными соціалистами, требуемъ демократіи и этимъ самымъ возможности свободной пропаганды для всѣхъ политическихъ партій. Эту возможность ничѣмъ нестѣсненной пропаганды мы должны прежде всего потребовать для всѣхъ соціалистическихъ партій Россіи.

Совершенно неизбѣжно, что различныя соціалистическія партіи часто сильно борются другъ съ другомъ, но борьба эта должна быть только борьбой аргументовъ, борьбой за душу пролетаріата. Соціалисты, которые борются при помощи штыка, пулемета, Че-ки и тюрьмы противъ соціалистическихъ воззрѣній, расходящихся съ

ихъ взглядами, чинятъ этимъ огромное насиліе надъ пролетаріатомъ и надъ идеей классовой борьбы.

Это чувствуютъ даже сами большевики. Поэтому они стараются оправдать свой режимъ насилія въ глазахъ соціалистовъ всего міра, утверждая, подобно волку въ извѣстной баснѣ, что ягнята кощунственно мутятъ воду, которую они, большевики, хотятъ сохранить въ чистотѣ. Убѣдить въ этомъ міръ — было главной цѣлью московскаго процесса. Этимъ путемъ большевики желали уничтожить не только физически, но и морально наиболѣе выдающихся соціалистовъ-революціонеровъ. Но процессъ далъ обратные результаты. Онъ привелъ къ моральной побѣдѣ обвиняемыхъ, къ моральной казни обвинителей.

Большевизмъ первый примѣнилъ насиліе по отношенію къ другимъ соціалистамъ. Онъ разогналъ Учредительное Собраніе не для отпора насильственнымъ актамъ меньшевиковъ и эсэровъ, но потому, что призналъ свое безсиліе привлечь на свою сторону большинство пролетаріата и крестьянства при помощи пропаганды, наравнѣ съ другими соціалистами. Отсюда переворотъ, направленный противъ большинства представителей революціонныхъ рабочихъ и крестьянъ; отсюда лишеніе правъ всѣхъ соціалистовъ, не склонившихся передъ коммунистическимъ кнутомъ; отсюда созданіе политическаго положенія, при которомъ оппозиціи остается только одна форма открытаго политическаго выступленія — гражданская война.

Соціалъ-демократія никогда не отрицала примѣненія силы для преодолѣнія насильственнаго угнетенія, она только ставила это примѣненіе въ зависимость отъ соображеній цѣлесообразности, отъ возможности разсчитывать на успѣхъ. Если она въ этомъ отношеніи расходилась иногда съ с.-р., то это было не по принципіальнымъ, а лишь по тактическимъ соображеніямъ. Но, если я хорошо освѣдомленъ, то по этому пункту въ настоящій моментъ нѣтъ существенныхъ разногласій между меньшевиками и эсэрами: и тѣми и другими признано, что анти-большевистское возстаніе въ настоящій моментъ не можетъ быть успѣшнымъ и даже, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ привести къ ложному шагу обращенія къ иностранной или реакціонной помощи. Вооруженное возстаніе противъ большевиковъ привело бы

въ данный моментъ только къ замедленію процесса, совершающагося въ Россіи и чреватаго большими послѣдствіями,—отхода пролетарскихъ и крестьянскихъ массъ отъ большевизма и устремленія ихъ къ другимъ соціалистическимъ теченіямъ. Въ этомъ процессѣ заключается смертельная опасность для большевистской диктатуры. Истинное преступленіе, въ которомъ эсэры дѣйствительно повинны передъ большевиками въ настоящее время, состоитъ не въ подготовкѣ террористическихъ актовъ и вооруженныхъ возстаній, но въ томъ, что эсэры, ряды которыхъ быстро растутъ, такъ же какъ и меньшевики, а можетъ быть въ еще большей степени, пріобрѣтаютъ довѣріе рабочихъ массъ Россіи, такъ что въ скоромъ времени за большевиками не будетъ стоять никого, кромѣ нѣсколькихъ капиталистовъ и Красной Арміи, да и эти, пожалуй, останутся съ ними недолго. Ибо военная диктатура требуетъ военныхъ успѣховъ во внѣ, а не только подавленія бунтовъ изголодавшихся крестьянъ.

Напрасно стараются большевики побороть поднимающуюся противъ нихъ волну. Единственное, чѣмъ они владѣютъ въ совершенствѣ, — это искусство уничтоженія противника при помощи насилія и лжи. Зато они обнаружли полное непониманіе условій, при которыхъ возможно соціалистическое производство, и такое же полное отсутствіе проницательности въ опредѣленіи условій, неоходимыхъ для развитія капиталистическаго производства. Въ своемъ стремленіи къ осуществленію соціализма они разрушили весь производительный аппаратъ Россіи, и ихъ попытка починить его теперь при помощи капитализма грозитъ еще большимъ его разрушеніемъ. Но если бы даже имъ удалось создать въ Россіи новый капитализмъ и съ его помощью вновь пустить въ ходъ производство, то это произшло бы при наличіи пролетаріата, котораго сами большевики сдѣлали совершенно неспособнымъ къ борьбѣ.

Въ томъ и другомъ случаѣ, нищета и горе будутъ еще годы царствовать въ русскомъ государствѣ и будутъ порождать, съ одной стороны, апатію отчаянія, съ другой — вызванныя отчаяніемъ возстанія массъ. Московскій процессъ долженъ былъ отвлечь народное возмущеніе отъ большевиковъ и направить народный гнѣвъ противъ соціалистовъ-революціонеровъ. Напрасныя старанія: стрѣла, падая, поражаетъ стрѣлка.

Большевики надѣялись повести процессъ такъ, чтобы представить обвиняемыхъ с.-р. и всю ихъ партію, какъ сообщниковъ контръ-революціи и иностранныхъ державъ.

Для достиженія этой цѣли они не остановились передъ самымъ беззастѣнчивымъ примѣненіемъ всѣхъ грязныхъ методовъ стараго полицейскаго режима и крайнимъ безстыдствомъ превзошли этотъ режимъ, опытнымъ прокурорамъ котораго достаточно было, какъ извѣстно, двухъ строчекъ, писанныхъ рукой подсудимаго, чтобы отправить его на висилицу. И, несмотря на это, обвинители разоблачили въ теченіе процесса лишь одно: собственную низость.

Когда въ маѣ 1849 года Марксовская «Новая Рейнская Газета» была запрещена контръ-революціей, то Фрейлигратъ заклеймилъ это жалкое насиліе пламенными словами. Отъ имени запрещеннаго органа онъ сказалъ:

«Это — не открытый ударъ въ открытой борьбѣ;
«Противъ меня — коварство и низость;
«Противъ меня — пресмыкающаяся подлость.
«Грязной міровой азіатчины».

Обвиняемые въ московскомъ процессѣ также сражены не открытымъ ударомъ въ открытой борьбѣ, но тайной низостью грязныхъ поборниковъ татарскаго или калмыцкаго соціализма.

Но какъ невинна была «пресмыкающаяся подлость», которую бичевалъ Фрейлигратъ, по сравненію съ низостью, выявившейся въ московскомъ процессѣ!

Безстыдная лживость, гнусная трусость и дьявольская жестокость обвинителей, судей и сыщиковъ, проявившіяся въ этомъ дѣлѣ, почти безпримѣрны въ міровой исторіи и должны быть отмѣчены, какъ одна изъ ея позорнѣйшихъ темныхъ страницъ.

Какъ героически возвышаются фигуры подсудимыхъ, мужчинъ и женщинъ, и какое отвратительное и жалкое моральное разложеніе являетъ свора, жадно требующая ихъ крови, ихъ оскорбляющая и преслѣдующая ихъ жестоко, чтобы насладиться ихъ муками!

Моральная высота подсудимыхъ и низость ихъ противниковъ выступили на процессѣ съ такой очевидностью и убѣдительностью, что они произвели глу-

бочайшее впечатлѣніе на всѣхъ, за исключеніемъ своры кровожадныхъ псовъ, которыхъ московскіе палачи наняли для защиты ихъ дѣла въ европейской печати, и которые настолько безстыдны, что пошли на это.

Обвиняемые с.-р. спасли честь соціализма, которую большевизмъ попралъ ногами. Имена Гоца, Тимофеева и ихъ товарищей запечатлѣются въ сердцахъ рабочихъ всего міра, безъ различія партій.

Не всегда большевики стояли на томъ низкомъ уровнѣ, до котораго они упали теперь. Многихъ изъ нихъ мы знали, какъ честныхъ борцовъ и идеалистовъ.

Но переворотъ 1917 года поставилъ ихъ въ ложное положеніе, которое должно было ихъ все болѣе и болѣе развращать.

Съ самаго начала они построили свою власть на лжи и насиліи надъ пролетаріатомъ, на принципѣ, будто для достиженія и удерживанія власти хороши всѣ средства.

Этотъ принципъ всегда ведетъ къ разложенію партіи, которая примѣняетъ его. Онъ развращаетъ однихъ ея членовъ и парализуетъ другихъ, которые не борются съ развращенными элементами.

Партіи, преслѣдующей великую цѣль, позволены лишь тѣ средства, которыя этой цѣлью требуются. Партія, желающая освободить пролетаріатъ, не можетъ употреблять для завоеванія и удержанія своей власти такія средства, которыя дезорганизуютъ и деморализуютъ пролетаріатъ. Но только такими средствами могли утвердиться большевики, и поэтому они предпочли гибель русскаго и ослабленіе мірового пролетаріата соглашенію съ другими соціалистическими партіями Россіи въ цѣляхъ созданія революціоннаго режима, опирающагося на народныя массы и предоставляющаго этимъ массамъ полнѣйшую свободу развиваться духовно и создавать свое экономическое благосостояніе.

Прибѣгая для утвержденія своей власти къ средствамъ, ослабляющимъ и разлагающимъ пролетаріатъ, большевики показали, что они не заботятся о поднятіи и освобожденіи пролетаріата, но что они представляютъ собой клику, знающую одну лишь цѣль: укрѣпленіе собственной власти.

Это свойство большевизма роднитъ его съ наслѣдіемъ французской революціи, бонапартизмомъ. Какъ и этотъ послѣдній, большевизмъ основывается на лжи и насиліи. Но какъ первая, такъ и вторая имперія открыли Франціи эру экономическаго процвѣтанія и могли поэтому опираться на признаніе широкихъ народныхъ круговъ, — не только на капиталистовъ, но и на крестьянъ. Большевизмъ, напротивъ того, разорилъ Россію и возстановилъ поэтому противъ себя весь народъ. Поэтому его ложь и насиліе должны значительно превосходить ложь и насиліе французскаго бонапартизма. Но по этой же причинѣ, несмотря на свою лживость, жестокость и подлость, большевизмъ не сможетъ держаться такъ долго, какъ режимъ Бонапарта во Франціи.

Московскій процессъ былъ отчаянной попыткой большевиковъ опорочить въ глазахъ русскаго пролетаріата и вмѣстѣ съ тѣмъ всего міра ихъ самыхъ опасныхъ въ настоящее время противниковъ, представивъ ихъ, какъ пособниковъ контръ-революціи, и вернуть коммунизму утерянныя имъ симпатіи пролетаріата.

Этотъ процессъ проигранъ большевизмомъ. Не подсудимые, а обвинители, судьи и ихъ наемники вышли изъ этого процесса осужденными въ глазахъ Россіи и за предѣлами ея, заклейменными, преданными глубочайшему презрѣнію. Процессъ этотъ показалъ тѣмъ, кто до сихъ поръ это недостаточно ясно видѣлъ, всю гнилость и разложеніе большевистскаго режима.

Но московскій процессъ есть лишь одинъ изъ сопутствующихъ моментовъ той великой всемірно исторической тяжбы, которую ведетъ большевизмъ. И изъ этого процесса онъ выйдетъ осужденнымъ. Режимъ, подобный большевистскому, созрѣлъ для гибели. Пока еще нельзя сказать, когда и какимъ образомъ онъ падетъ, но одно можно утверждать съ полной увѣренностью и сейчасъ:

Большевизмъ падетъ со стыдомъ и позоромъ, оплакиваемый, быть можетъ, спекулянтами капиталистическаго міра, но сопровождаемый проклятіями всего борющагося за свое освобожденіе пролетаріата. На этотъ конецъ большевистской диктатуры явно указываетъ намъ московскій процессъ, и въ этомъ его историческое значеніе.

К. Каутскій.

СУДЪ

надъ соціалистами-революціонерами въ Москвѣ.

Этотъ судъ, потрясшій совѣсть всего культурнаго міра, сплотившій въ порывѣ негодованія всѣ теченія соціалистической и демократической мысли, всѣ фракціи рабочаго движенія, этотъ безпримѣрный судъ завершился чудовищнымъ приговоромъ.

Двѣнадцать человѣкъ, отдавшихъ всю свою молодость, всю жизнь, всѣ силы, всѣ помыслы дѣлу освобожденія рабочихъ и крестьянъ родной страны, дѣлу россійской революціи и международнаго соціализма, приговорены къ смертной казни судомъ, претендующимъ на роль защитника интересовъ рабоче-крестьянской революціи и соціализма.

Намыленная веревка наброшена на ихъ шею, но тѣ, въ чьихъ рукахъ ихъ жизнь, еще не затянули петли, еще ждутъ...

Ждутъ чего? Того ли, что осужденные, подъ вліяніемъ психической пытки, которой подвергаются они и ихъ близкіе, падутъ передъ ними на колѣни?

Того ли, что партія осужденныхъ, ради спасенія дорогихъ жизней, откажется отъ борьбы съ совѣтской властью?

Нѣтъ! На это большевики не разсчитываютъ. Они просто сохраняютъ за собой **выборъ момента** для совершенія казни.

Идетъ борьба за жизнь **двѣнадцати смертниковъ**.

Цѣль настоящей брошюры — хоть въ малой мѣрѣ способствовать тому, чтобы въ результатѣ этой борьбы восторжествовала **правда**.

На слѣдующихъ страницахъ читатель найдетъ краткія свѣдѣнія объ осужденныхъ, о подготовкѣ и ходѣ процесса, о приговорѣ и объ откликѣ, который онъ получилъ въ Европѣ. Стремясь дать возможно точное изображеніе относящихся къ московскому процессу событій, авторъ пользовался отчетами большевистскихъ газетъ, совѣтскими радіо, сообщеніями

иностранныхъ защитниковъ, участвовавшихъ въ первыхъ засѣданіяхъ суда, свидѣтельствами очевидцевъ, офиціальными документами. Авторъ долженъ признать, что исчерпывающе полной картины эти источники не даютъ. Нѣкоторые, особенно непріятные для совѣтской власти, моменты остаются въ тѣни. Но и того, что, вопреки усиліямъ большевиковъ, пробилось наружу, достаточно для сужденія о московскомъ процессѣ...

Авторъ — соціалъ-демократъ, членъ партіи, тактика которой существенно расходится съ тактикой партіи соціалистовъ-революціонеровъ. И не соображенія партійной политики опредѣляютъ его отношеніе къ московскому процессу, а то представленіе о правѣ, тѣ идеалы, которые должны быть общими у всѣхъ соціалистовъ всего міра.

1. Осужденные.

Кто они, эти двѣнадцать, приговоренные московскимъ трибуналомъ къ смертной казни за контръ-революціонную дѣятельность?

Вотъ ихъ имена — дорогія для всей революціонной Россіи:

1. Абрамъ Гоцъ — съ 1900 г. участникъ революціоннаго движенія, съ 1904 г. — одинъ изъ активнѣйшихъ членовъ грозной для царизма боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ. *)

Въ прошломъ за нимъ Петропавловская крѣпость, ожиданіе смертной казни, военный судъ, 8 лѣтъ каторги, ссылка въ Сибирь, гдѣ и застала его революція 1917 года.

2. Евгеній Тимофеевъ — участникъ революціоннаго движенія съ 1900 года. Въ 1905 году приговоренъ царскимъ судомъ къ 5 годамъ каторги. Передъ окончаніемъ срока заключенія осужденъ вторично, еще на 10 лѣтъ. Изъ каторжнаго централа освобожденъ революціей.

---

*) При непосредственномъ участіи Гоца организовывались покушенія: на министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, на усмирителей московскаго возстанія 1905 г. генерала Мина и полковника Римана, на министра юстиціи Акимова, на московскаго градоначальника Шувалова, на главу политическаго сыска при царизмѣ вице-директора департамента полиціи Рачковскаго.

3. Гендельманъ — вступилъ въ революціонную работу въ 1899 г. Въ 1901 г. за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ сданъ въ солдты. Провелъ въ тюрьмахъ самодержавія около трехъ лѣтъ.

4. Донской — вступилъ въ революціонную работу въ 1897 г. За студенческіе безпорядки былъ сданъ въ солдаты. Три раза подвергался ссылкѣ. Просидѣлъ шесть лѣтъ въ царскихъ тюрьмахъ.

5. Евгенія Ратнеръ — въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ 1903 года. При царизмѣ 8 разъ была арестована, просидѣла въ тюрьмѣ свыше шести лѣтъ.

6. Герштейнъ — самоучка-рабочій, революціонеръ съ 1898 года. Въ прошломъ — $4^1/_2$ года тюрьмы и 5 лѣтъ ссылки.

7. Николай Ивановъ — революціонеръ съ 1906 г. Участникъ боевой террористической организаціи соціалистовъ-революціонеровъ.*) 10 лѣтъ провелъ на каторгѣ. Былъ арестованъ Колчакомъ, спасся отъ разстрѣла лишь благодаря побѣгу изъ тюрьмы.

8. Лихачъ — въ партіи с.-р. съ 1903 года. Въ прошломъ 2 г. тюрьмы и 6 лѣтъ ссылки.

9. Сергѣй Морозовъ — въ партіи с.-р. съ 1905 года. Дважды былъ присужденъ къ каторгѣ, 7 лѣтъ провелъ въ каторжныхъ централахъ.

10. Николай Артемьевъ — въ революціонномъ движеніи съ 1903 года. Отбылъ 4 года ссылки, частью въ Туруханскомъ краѣ, частью за полярнымъ кругомъ.

11. Елена Иванова — въ партіи с.-р. съ 1905 года, участница боевой организаціи.**) Въ 1908 году приговорена царскими судьями къ смертной казни, которая была замѣнена безсрочной каторгой. Освобождена съ каторги революціей.

---

*) Участвовалъ въ подготовкѣ и въ исполненіи террористическаго акта противъ начальника Главнаго Тюремнаго Управленія Максимовскаго, котораго партія соціалистовъ-революціонеровъ приговорила къ казни за жестокое обращеніе съ политическими заключенными. Участвовалъ также въ подготовкѣ взрыва Государственнаго Совѣта въ 1907 году.

**) При ея содѣйствіи былъ убитъ начальникъ тюрьмы Гудима и приставъ Охтенской части Родзіевскій, устроившій пытки рабочихъ въ казематѣ своей части. Она же организовала убійство начальника Петербургской Одиночной Тюрьмы „Крестовъ“ Иванова и участвовала въ исполненіи террористическаго акта надъ начальникомъ Главнаго Тюремнаго Управленія Максимовскимъ.

12. Владиміръ Агаповъ — самый молодой изъ осужденныхъ, въ партіи соціалистовъ - революціонеровъ съ 1909 года, но уже подвергался ссылкѣ при царизмѣ.

Итакъ, за спиною двѣнадцати смертниковъ, въ общей сложности, около 240 лѣтъ революціонной работы и борьбы за освобожденіе Россіи. Въ общей сложности, при царизмѣ они провели за желѣзной рѣшеткой 70 лѣтъ. Пятеро изъ нихъ носили каторжанскія цѣпи. Двое стояли подъ висѣлицей (Гоцъ и Елена Иванова). Двое отбывали каторгу дважды (Тимофеевъ и Морозовъ).

И этихъ людей большевистская власть пытается представить, какъ опасныхъ контръ - революціонеровъ, какъ злѣйшихъ враговъ трудового народа! И готовясь убить ихъ, кремлевскіе самодержцы пытаются увѣрить весь міръ, что крови этихъ людей требуетъ спасеніе революціи!

Но приведенныя мною безстрастныя цифры — столько-то лѣтъ революціонной работы, столько - то лѣтъ тюрьмы, столько-то лѣтъ каторги — холодныя цифры не передадутъ читателю духовный обликъ двѣнадцати смертниковъ.

Всѣ они вступили въ политическую борьбу въ тотъ періодъ русской революціи, когда она не знала ни живущихъ въ царскихъ палатахъ комиссаровъ, ни шумихи газетной рекламы, ни блестящихъ карьеръ, создающихся лестью, угодливостью, жестокостью, наразборчивостью въ средствахъ, когда званіе революціонера не вело ни къ почету, ни къ власти, ни къ матеріальнымъ благамъ, когда долей революціонера были лишенія, униженія, опасности. И они прошли свой путь, ни разу не измѣнивъ себѣ.

Представители соціалистическаго Интернаціонала, встрѣтившіе этихъ людей въ большевистской тюрьмѣ, сразу почувствовали огонь, горящій въ душахъ этихъ двѣнадцати и ихъ товарищей.

Вотъ, что писалъ Э. Вандервельде объ обвиняемыхъ московскаго процесса:

„Почти каждый день мы посѣщаемъ тюрьму, старое зданіе темно-краснаго цвѣта, гдѣ содержатся соціалисты-революціонеры.

„Это вообще одно изъ рѣдкихъ мѣстъ, гдѣ разговариваютъ — и, быть можетъ, единственное, гдѣ я видѣлъ людей, которые говорятъ свободно, весело, не понижая голоса, не интересуясь тѣмъ, подсматриваетъ ли за ними „око Москвы", подслушиваетъ ли ихъ ухо

Чичерина. Имъ угрожаетъ смерть. Передъ ними перспектива длиннаго тюремнаго заключенія, а они смѣются, они веселы, какъ бываютъ веселы люди, которые идутъ на борьбу за дорогое имъ дѣло.

„Нельзя, конечно, разсказать вамъ обо всѣхъ обвиняемыхъ.

„На фонѣ общаго героизма, какъ на золотѣ старинныхъ картинъ, выдѣляется нѣсколько особенно яркихъ фигуръ.

„Евгенія Ратнеръ — одна изъ двухъ женщинъ этого большого процесса. Какъ жаль молодости, проведенной въ стѣнахъ тюрьмы — сначала при царизмѣ, потомъ при Ленинѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какое чудо видѣть въ такихъ условіяхъ это упорство, соединенное съ жизнерадостной граціей, съ этой любовью къ жизни, которая сверкаетъ въ черныхъ глазахъ, и глубокой вѣрой въ будущее дѣла, которому отдана жизнь.

„Тимофеевъ — передъ войной былъ на Сибирской каторгѣ. Тамъ онъ пользовался такимъ вліяніемъ среди заключенныхъ и администраціи, что всѣ называли его „начальникомъ тюрьмы".

„Это ему на предстоящемъ судѣ поручены объясненія по вопросамъ внѣшней политики. Намъ, его защитникамъ, предстоитъ забота его защищать, его спасать, такъ какъ самъ онъ думаетъ только объ одномъ—о нападеніи, о томъ, чтобы использовать процессъ надъ нимъ и его товарищами, чтобы превратить его въ процессъ противъ ихъ враговъ.

„Если Тимофеевъ является въ группѣ обвиняемыхъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, то Гоцъ является руководителемъ общей политики. Я встрѣчалъ его въ Петербургѣ въ 1917 году. Онъ былъ товарищемъ предсѣдателя рабочаго парламента, всероссійскаго съѣзда совѣтовъ...

„Это именно Гоцъ въ нашихъ тюремныхъ совѣщаніяхъ всегда выступаетъ отъ имени всѣхъ своихъ товарищей. Онъ родился въ зажиточной семьѣ и его жизнь могла быть легка: кромѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ 1917 году, онъ провелъ свою жизнь въ изгнаніи или въ тюрьмѣ..." (Брюссельскій „Пепль").

Какъ о герояхъ, говорили и писали объ обвиняемыхъ и другіе ихъ защитники.

„Такихъ людей нѣтъ у насъ!“ съ глубокимъ волненіемъ говорилъ о нихъ Куртъ Розенфельдъ.

Къ этимъ отзывамъ мы хотѣли бы прибавить здѣсь лишь нѣсколько словъ.

Съ нѣкоторыми изъ осужденныхъ автору этихъ строкъ пришлось близко встрѣчаться въ революціонной борьбѣ, съ другими онъ познакомился въ Сибири въ Александровскомъ каторжномъ централѣ.

Тамъ, среди заключенныхъ, были люди различныхъ партій: меньшевики, эсэры, большевики, анархисты. И не было среди насъ ни одного человѣка, который не относился бы съ глубокимъ уваженіемъ и съ теплой симпатіей къ Гоцу и Тимофееву. Оба они были „представителями“ политическихъ каторжанъ во всѣхъ сношеніяхъ съ администраціей, оба считались среди товарищей хранителями лучшихъ революціонныхъ традицій, — безстрашія передъ врагомъ, стойкости при испытаніяхъ, вѣрности общему дѣлу. Не могутъ не помнить Гоца и Тимофеева и большевики, сидѣвшіе вмѣстѣ съ нами въ тюрьмѣ. Почему же эти бывшіе товарищи нынѣшнихъ смертниковъ не возвысили своего голоса въ дни процесса? Почему не крикнули они своимъ единомышленникамъ, опьяненнымъ властью и кровью:

— Остановитесь!

Казалось, хоть въ комъ нибудь изъ большевиковъ должна заговорить совѣсть. Казалось, должны выступить изъ рядовъ правящей партіи хоть тѣ, чью жизнь спасъ тотъ же Гоцъ, когда, рискуя собственной головой, онъ защищалъ большевиковъ отъ разъяренной толпы въ дни іюльскаго большевистскаго выступленія 1917 года

Но нѣтъ! Никто изъ большевиковъ не нарушилъ партійной „дисциплины“. Не заставилъ задуматься коммунистическую партію и голосъ Горькаго, писавшаго одному изъ членовъ московскаго правительства:

> „Если процессъ соціалистовъ-революціонеровъ будетъ законченъ убійствомъ, — это будетъ убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, гнусное убійство. Я прошу васъ сообщить Л. Д. Троцкому и другимъ это мое мнѣніе. Надѣюсь, оно не удивитъ васъ, ибо за все время революціи я тысячекратно

указывалъ совѣтской власти на безсмысліе и преступность истребленія интеллигенціи въ нашей безграмотной и некультурной странѣ.

„Нынѣ я убѣжденъ, что если эсэры будутъ убиты, — это преступленіе вызоветъ со стороны соціалистической Европы моральную блокаду Россіи".

Кровавая расправа съ политическими противниками слишкомъ привычное дѣло для большевистской власти, чтобъ она могла остановиться передъ тѣмъ, что Горькій заранѣе заклеймилъ, какъ „убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ".

Вѣдь это началось не со вчерашняго дня! Вѣдь вотъ уже пять лѣтъ льется въ Россіи кровь крестьянъ и рабочихъ, и — ничего! Все сходило съ рукъ московскимъ самодержцамъ, и, несмотря ни на что, достаточно оставалось въ Европѣ людей, готовыхъ видѣть въ нихъ носителей рабоче-крестьянской власти, знаменосцевъ торжествующей революціи. Что же могло помѣшать большевикамъ сдѣлать еще одинъ опытъ?

Московскій процессъ — послѣднее звено въ длинной цѣпи преслѣдованія соціалистовъ въ совѣтской Россіи. Нѣсколько словъ о характерѣ этихъ преслѣдованій облегчатъ намъ пониманіе того, что представлялъ собой Верховный Трибуналъ, судившій соціалистовъ-революціонеровъ.

2. Преслѣдованія соціалистовъ въ Россіи.

Чуть ли не съ перваго дня послѣ захвата власти большевиками, начались въ Россіи преслѣдованія соціалистовъ. Безпорядочныя, случайныя вначалѣ, эти преслѣдованія вылились впослѣдствіи въ цѣлую систему мѣропріятій, вызвали къ жизни спеціальные государственные органы, стали одной изъ главныхъ заботъ правительственной власти, одной изъ главныхъ функцій комъячеекъ.

Это вытекаетъ изъ самой природы большевизма.

Основная идея большевизма — это диктатура меньшинства надъ большинствомъ, партіи — надъ рабочимъ классомъ и всѣмъ народомъ. Эта идея предопредѣлила жизненный путь большевистской партіи: начавъ съ обоснованія необходимости своей диктатуры интересами революціоннаго освобожденія всѣхъ трудящихся,

партія пришла къ тому, къ чему приходитъ, въ концѣ концовъ, всякая диктатура, — къ деспотизму, къ безпощадному подавленію всѣхъ проявленій самодѣятельности и активности въ народѣ, къ отказу отъ всѣхъ принциповъ во имя голаго сохраненія власти. Такъ правительство, пришедшее къ власти въ ходѣ революціи и сохранившее внѣшніе атрибуты революціонности, на дѣлѣ воскресило всѣ деспотическіе пріемы управленія царизма, уничтожило всѣ завоеванія революціи.

Для большевистскаго правительства нѣтъ большей опасности, какъ пробужденіе классовой сознательности и активности въ широкихъ массахъ крестьянъ и рабочихъ. Ибо народныя массы, сознавшія свои интересы и свою силу, неизбѣжно пожелаютъ взять власть надъ страной въ свои руки и сбросятъ со своей шеи своихъ самодержавныхъ повелителей, — какимъ бы флагомъ они ни прикрывались.

Здѣсь источникъ ненависти большевиковъ противъ соціалистическихъ партій, которыя являются въ Россіи не только защитницами народовластія, демократизма, но и носительницами началъ активности, самодѣятельности трудящихся, крестьянъ и рабочихъ.

Меньшевики ненавистны московскому правительству, какъ партія классовой борьбы пролетаріата; соціалисты-революціонеры, какъ партія, оспаривающая у большевиковъ вліяніе на крестьянство.

Какой врагъ опаснѣе? По этому вопросу давно идутъ споры среди совѣтскихъ охранниковъ.

Одни изъ чекистовъ считаютъ, что всего опаснѣе меньшевики, такъ какъ эта партія можетъ, усилившись, двинуть противъ большевистской диктататуры рабочіе батальоны; другіе полагаютъ, что главная опасность грозитъ со стороны соціалистовъ-революціонеровъ, такъ какъ крестьянская масса, подпавъ подъ ихъ вліяніе, поглотитъ всѣ результаты совѣтскаго строительства.

Обѣ тенденціи находятъ компромиссное рѣшеніе своего теоретическаго спора, преслѣдуя и меньшевиковъ, и эсэровъ, и безпартійныхъ; хватая, запирая въ тюрьмы, ссылая, а порой и разстрѣливая всѣхъ тѣхъ, чья дѣятельность грозитъ усиленіемъ активности, пробужденіемъ сознательности, увеличеніемъ сплоченности крестьянъ и рабочихъ.

Иными словами, совѣтская власть преслѣдуетъ соціалистовъ по тѣмъ же мотивамъ и за тѣ же преступленія, что и царизмъ.

Перемѣнились носители власти, но остался *деспотическій* государственный строй, и потому по прежнему полны тюремныя камеры „политическими", и по личному составу эти „политическіе", въ большинствѣ, при большевикахъ тѣ же, что были при царизмѣ.

Но аресты, тюремное заключеніе, ссылка — являются не единственными пріемами въ борьбѣ совѣтской власти съ крамолой: главное мѣсто среди этихъ пріемовъ занимаетъ **разстрѣлъ, смертная казнь.**

Большевики утверждаютъ, что смертной казнью они пользуются для защиты рабоче-крестьянской революціонной власти отъ посягательствъ со стороны контръ-революціонеровъ, враговъ трудящихся. Этому утвержденію противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ Россіи, со времени установленія надъ ней большевистской власти, не прекращаются массовые разстрѣлы крестьянъ и рабочихъ.

Достаточно напомнить такія событія, какъ разстрѣлъ рабочей манифестаціи въ защиту Учредительнаго Собранія въ Петроградѣ, 5 января 1918 года; астраханскую бойню, во время которой нѣсколько тысячъ рабочихъ было разстрѣляно, зарублено шашками, потоплено въ Волгѣ за то, что они требовали хлѣба, — точнѣе, даже не хлѣба, а возстановленія свободы хлѣбной торговли; разстрѣлъ изъ пушекъ Елисаветполя (Ганджи) въ Азербейджанѣ, при чемъ было убито до 20.000 чел. мусульманъ, въ огромномъ большинствѣ крестьянъ и рабочихъ; многократные разстрѣлы забастовщиковъ почти во всѣхъ крупныхъ городахъ совѣтской Россіи; стрѣльба по рабочимъ митингамъ за вынесеніе антибольшевистскихъ резолюцій; разстрѣлы крестьянъ-заложниковъ за неявку рекрутовъ или за дѣйствія повстанческихъ отрядовъ; разстрѣлы крестьянъ и уничтоженіе цѣлыхъ деревень за невзносъ продовольственнаго налога...

Часто рабочіе и крестьяне, навлекшіе на себя неудовольствіе совѣтской власти, разстрѣливаются (или избиваются инымъ способомъ) вмѣстѣ съ представителями другихъ группъ населенія.

Кто подсчитаетъ, сколько пролилось крови крестьянъ въ тѣ кошмарные дни 1918 года, когда по всей Россіи шли казни заложниковъ въ видѣ репрессіи за покушеніе на Ленина въ Петроградѣ?

Или такой случай. Въ 1921 г. большевики отправили на баржѣ 600 заключенныхъ изъ различныхъ петроградскихъ тюремъ въ Кронштадтъ; на глубокомъ мѣстѣ между Петроградомъ и Кронштадтомъ баржа была пущена ко дну: всѣ арестанты потонули, кромѣ одного, успѣвшаго вплавь достичь финляндскаго берега. Кто сосчитаетъ, сколько крестьянъ и рабочихъ было среди потопленныхъ?

Или другой примѣръ. Въ концѣ 1918 года, въ разгаръ гражданской войны, оставляя Сарапуль и затрудняясь эвакуировать мѣстную тюрьму, большевики рѣшили, въ видахъ экономіи, очистить ее, путемъ разстрѣла всѣхъ заключенныхъ; въ числѣ другихъ былъ убитъ при этомъ одинъ изъ вождей петроградскихъ и уральскихъ рабочихъ членъ Ц. К. соціалистовъ-революціонеровъ рабочій Иванъ Тетеркинъ. Сколько еще рабочихъ погибло вмѣстѣ съ нимъ?

Наряду съ массовыми разстрѣлами идутъ въ совѣтской Россіи и индивидуальныя казни соціалистовъ.

Такъ было разстрѣляно въ 1918 году въ Астрахани 15 человѣкъ соціалистовъ-революціонеровъ, собравшихся на губернскую партійную конференцію*). Такъ, въ знаменитомъ Саратовскомъ „оврагѣ", гдѣ по особымъ спискамъ и безо всякихъ списковъ разстрѣляно за 1918—1919 годы около 1500 человѣкъ — убитъ цѣлый рядъ видныхъ членовъ той же партіи. Такъ, на Кубани въ 1920 г. подверглись разстрѣлу народные вожди въ борьбѣ съ Деникинымъ, крестьяне, вліяніе которыхъ на населеніе тревожило совѣтскую власть. Такъ, въ томъ же 1920 г., послѣ взятія Баку совѣтскими войсками, большевики перебили главарей мѣстнаго рабочаго движенія, при чемъ, въ числѣ другихъ, здѣсь былъ разстрѣлянъ соціалистъ-революціонеръ Зиминъ, тотъ самый Зиминъ, благодаря которому было раскрыто дѣло объ убійствѣ добровольцами 26 большевистскихъ комиссаровъ. (Позже большевики объяснили, что Зимина они убили „по ошибкѣ").

---

*) Меморандумъ, поданный 2-го апрѣля партіей соціалистовъ-революціонеровъ берлинской конференціи трехъ интернаціоналовъ, отмѣчаетъ, что въ этомъ числѣ погибъ старый революціонеръ, членъ партіи с.-р. съ ея основанія Струмило Петрашкевичъ, старый работникъ этой же партіи Александръ Турба, членъ Учредительнаго Собранія изъ крестьянъ Горѣлинъ, извѣстный мѣстный партійный работникъ Тимофеевъ, Ларионовъ, Ливсинъ, Курбатовъ и др.

Впрочемъ, есть ли въ Россіи хоть одна губернія, хоть одинъ городъ, гдѣ не было за эти годы разстрѣловъ дѣятелей соціалистическаго движенія?

Среди разстрѣлянныхъ соціалистовъ можно назвать имена широко извѣстныя въ Россіи.

Онипко — депутатъ первой Думы, герой Кронштадтскаго возстанія 1905 года.

Алмазовъ — крупный культурный дѣятель, писатель.

Коганъ-Бернштейнъ — старый партійный работникъ, соціалистъ-революціонеръ.

Борисъ Флекель — казненный по обвиненію въ томъ, что былъ секретаремъ Керенскаго, (каковымъ, кстати сказать, онъ никогда не былъ).

Самуилъ Файнбергъ — одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ Сибири...

О послѣднемъ я хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ. Товарищъ Гоца и Тимофеева по каторжному централу и близкій ихъ другъ, Файнбергъ, безъ сомнѣнія, былъ бы ихъ товарищемъ и по московскому процессу и вмѣстѣ съ ними былъ бы приговоренъ къ смертной казни, — если-бы большевики уже раньше не разстрѣляли его безо всякаго суда. Они разстрѣляли его, какъ „контръ-революціонера", въ Иркутскѣ, въ томъ самомъ Иркутскѣ, который былъ отбитъ у Колчаковцевъ эсэрами послѣ 2-дневнаго боя, въ томъ самомъ Иркутскѣ, въ который были свезены арестованные большевики чуть ли не со всей Сибири и гдѣ около 1000 заключенныхъ, главнымъ образомъ, большевиковъ, были эсэрами освобождены изъ Колчаковской тюрьмы!

А въ прошломъ, при царизмѣ, у этого человѣка было ожиданіе смертной казни, 15 лѣтъ каторги, долгіе годы заключенія въ самой ужасной изъ всѣхъ царскихъ тюремъ — въ Орловскомъ централѣ...

Нужно ли приводить здѣсь имена разстрѣлянныхъ большевиками рабочихъ — соціалъ-демократовъ, нужно ли перечислять „преступленія", за которыя они были казнены?

Вотъ — Туляковъ — рабочій, депутатъ 4-й Государственной Думы, вождь рабочихъ Донецкаго угольнаго раіона. Разстрѣлянъ по приказу чека въ 1918 году.

Вотъ — Краковскій — рабочій Сестрорѣцкаго завода. Разстрѣлянъ Тамбовской чека, какъ контръ-революціонеръ.

Вотъ — меньшевикъ рабочій Самушкинъ. Разстрѣлянъ въ Витебскѣ въ октябрѣ 1918 г. за расклейку воззванія къ рабочимъ арестованной большевиками мѣстной конференціи представителей фабрикъ и заводовъ.

Вотъ — предсѣдатель Рыбинскаго совѣта профессіональныхъ союзовъ, меньшевикъ Левинъ;

вотъ — секретарь того же совѣта Ромъ;

вотъ — предсѣдатель больничной кассы и Рыбинскаго соціалъ-демократическаго комитета — Соколовъ — всѣ трое разстрѣляны въ сентябрѣ 1918 г. за руководство однодневной забастовкой протеста съ требованіемъ свободы союзовъ, прекращенія террора и измѣненія продовольственной политики.

Вотъ — Мироновъ — рабочій меньшевикъ, депутатъ 2-ой Государственной Думы. Разстрѣлянъ большевиками въ 1918 г. въ Сибири.

Вотъ — Ридникъ — секретарь Нижегородскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. Застрѣленъ большевиками якобы при попыткѣ побѣга...

Еще легче разстрѣливали большевики анархистовъ и лѣвыхъ соціалъ-революціонеровъ, которые въ октябрѣ 1917 года помогли имъ захватить власть.

Это — не перечень погибшихъ въ совѣтской Россіи соціалистовъ. Это лишь нѣсколько строчекъ безконечнаго синодика, — но и этихъ строчекъ достаточно, чтобы понять психологію большевиковъ, недоумѣвающихъ, почему это соціалисты Западной Европы подняли такой шумъ по поводу ихъ намѣренія бросить въ бездонную братскую могилу еще двѣнадцать труповъ соціалистовъ!

Читатель, который пожелалъ бы поближе познакомиться съ этой стороной дѣятельности совѣтскаго правительства, найдетъ подробности въ сборникѣ „Че-ка“, въ меморандумѣ, представленномъ партіей с.-р. берлинской конференціи трехъ интернаціоналовъ, на столбцахъ „Соціалистическаго Вѣстника“, „Революціонной Россіи“ и другихъ зарубежныхъ соціалистическихъ изданій.

Но физическое истребленіе противниковъ не удовлетворяетъ большевиковъ. Они стремятся — употребляя излюбленное ихъ выраженіе — къ „моральному уничтоженію“, къ „моральному убійству“ тѣхъ, кто стоитъ на ихъ пути. Это достигается публичнымъ клеветническимъ шельмованіемъ обвиняемыхъ и арестованныхъ.

Каждый массовый арестъ соціалистовъ, каждый ихъ переводъ изъ одной тюрьмы въ другую, каждая ссылка, каждое избіеніе заключенныхъ, каждая казнь, а въ особенности каждый судъ сопровождаются на столбцахъ газетъ потоками ругательствъ, лжи, клеветы. И никакой возможности защищаться, отвѣчать, ибо всѣ газеты въ Совѣтской Россіи редактируются агентами правящей партіи, и въ ея рукахъ — абсолютная монополія на печатное слово. Ротъ противниковъ совѣтской власти зажатъ разъ навсегда.

То-то раздолье Радекамъ, Стекловымъ, Бухаринымъ! Лги, клевещи, обливай грязью враговъ, — они связаны, они безоружны, они беззащитны, они безгласны, — какъ безгласна ждущая ихъ могила.

Нигдѣ, никогда обманщикъ по призванію, лгунъ по природѣ, клеветникъ по профессіи не былъ вооруженъ такъ, какъ при совѣтскомъ строѣ.

Это — цѣлая система. И подобное „моральное уничтоженіе" противниковъ имѣетъ въ глазахъ большевиковъ слишкомъ большое государственное значеніе, чтобы довѣрить его исключительно прессѣ: рука объ руку съ публицистами Коминтерна работаютъ чекистскіе слѣдователи, прокуроры и судьи.

Напомню большевистскія правительственныя сообщенія о „заговорахъ", — пространныя сообщенія, въ которыхъ имена соціалистовъ умышленно переплетались съ именами реакціонеровъ. Иныя изъ этихъ сообщеній доходили до европейской печати. На Западѣ — въ тѣхъ случаяхъ, когда ложь была черезчуръ очевидна, — объясняли измышленія чекистовъ, какъ маневръ, чтобы оправдать репрессіи: аресты, ссылки, казни — это ц ѣ л ь; сочиненіе заговоровъ — с р е д с т в о.

Но часто связь оказывается обратная: ц ѣ л ь большевистской охранки — забрызгать грязью ненавистную партію; съ этой цѣлью фабрикуется „дѣло"; чтобы замаскировать вздорность выдвинутыхъ обвиненій, обвиняемые приговариваются къ казни; чтобы „дѣло" не всплыло вновь, осужденныхъ убиваютъ въ чекистскомъ подвалѣ.

На судебную трибуну совѣтская власть переноситъ лишь тѣ дѣла, которыя она признаетъ „выгодными въ агитаціонномъ смыслѣ", то есть, пригодными для устройства публичнаго шельмованія подсудимыхъ.

И судьи прекрасно понимаютъ, чего ждетъ, чего требуетъ отъ нихъ правительство. Было бы поэтому наивно

искать въ совѣтскихъ судахъ безпристрастія, независимости, уваженія къ закону.

По моральному уровню, по правосознанію, совѣтскій судья или прокуроръ ничѣмъ не отличается отъ чекистскаго палача. И судья, и обвинитель, и палачъ одинаково получаютъ приказъ „прикончить такого-то", и выполняютъ волю начальства. Разница между ними лишь та, что судья и обвинитель работаютъ при свѣтѣ дня, а палачъ — въ темномъ подвалѣ.

Всѣ отмѣченные здѣсь элементы были на лицо въ московскомъ процессѣ: двойная задача физическаго и моральнаго убійства, объединеніе судебнаго процесса съ газетной кампаніей, судьи — чекисты, прокуроръ съ психологіей палача, глумленіе надъ подсудимыми.

Народу, требующему хлѣба, власть предлагаетъ зрѣлище казней. Этому зрѣлищу придается внѣшняя форма судебнаго разбирательства въ доказательство того, что установленіе „государственной законности" въ странѣ отнюдь не означаетъ разоруженія совѣтской власти въ борьбѣ съ крамолой. Это должно успокоить правящую партію, поднять настроеніе среди ея членовъ, дать „идейную пищу" пропагандѣ. Такъ во всѣхъ деспотіяхъ терроръ имѣетъ свои приливы и отливы, и формы его видоизмѣняются въ зависимости отъ того, усиливается ли или ослабѣваетъ тревога правительства за завтрашній день.

Матеріалъ для процесса былъ доставленъ московскому правительству провокаторами Семеновымъ-Васильевымъ и Коноплевой. На ихъ роли нужно остановиться.

3. Провокаторы на службѣ у совѣтской власти.

Семеновъ и Коноплева, имена которыхъ такъ часто упоминались за послѣднее время въ печати, — люди абсолютно ничѣмъ не замѣчательные, — развѣ лишь болѣзненной жаждой сильныхъ ощущеній и полной аморальностью.

Семеновъ выплылъ на поверхность политической жизни въ 1917 г. Онъ былъ солдатомъ инженернаго полка въ составѣ XII арміи и прошелъ отъ полка въ армейскій комитетъ. Называлъ онъ себя соціалистомъ - революціонеромъ и такъ какъ въ то время — послѣ сверженія царскаго самодержавія и до установленія самодер-

жавія большевиковъ — всѣ партіи дѣйствовали открыто, не провѣряя строго вливавшихся въ ихъ ряды новыхъ членовъ, то и Семенова приняли въ соціалъ-революціонную партію, не спрашивая его, откуда онъ взялся и какимъ путемъ пришелъ къ революціи и соціализму. Дальнѣйшіе этапы его дѣятельности могутъ быть установлены по его покаянной брошюрѣ, изданной большевиками въ Берлинѣ при подготовкѣ суда надъ соціалистами-революціонерами, и по показаніямъ свидѣтелей, частью прошедшихъ передъ судомъ, частью опубликовавшихъ свои объясненія въ зарубежной соціалистической печати.

Во время октябрьскаго переворота, Семеновъ работалъ въ военной комиссіи при Центральномъ Комитетѣ эсэровъ. Здѣсь уже въ концѣ 1917 г. у него не разъ выходили столкновенія съ партіей, такъ какъ онъ то и дѣло требовалъ отъ организаціи активныхъ уличныхъ выступленій, а партія отвергала эти авантюристическіе планы.*)

Послѣ разгона Учредительнаго Собранія, Семеновъ вмѣстѣ съ Коноплевой организовалъ боевую группу, въ которую вошло нѣсколько человѣкъ рабочихъ, изъ зеленой, неустоявшейся молодежи.

Отъ лица своей группы онъ предложилъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ открыть террористическія дѣйствія противъ главарей совѣтскаго правительства. Центральный Комитетъ отвѣтилъ отказомъ.**)

Но несмотря на это, одинъ изъ членовъ сорганизованнаго Семеновымъ кружка, рабочій Сергѣевъ, при случайной встрѣчѣ съ Володарскимъ, убилъ его. Центральный Комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ публично дезавуировалъ этотъ актъ. Семенову было заявлено, что за столь вопіющее нарушеніе партійной дисциплины, при исключительныхъ обстоятельствахъ, переживаемыхъ партіей, виновный подлежитъ самой суровой карѣ.***) Но къ сожалѣнію, партія не избавилась сразу отъ проникшаго въ ея организацію опаснаго авантюриста. Вскорѣ Семеновъ представилъ партіи рядъ новыхъ проектовъ авантюристическаго характера. Каждый разъ партія отклоняла его предложенія. Тогда онъ пускается въ боевыя

*) См. берлинскую брошюру Семенова.
**) Это обстоятельство ясно установлено на судѣ.
***) См. показанія Б. Рабиновича въ № 918 „Голоса Россіи".

предпріятія безъ санкціи партіи и вопреки запрещеніямъ ея отвѣтственныхъ центровъ, при чемъ обманываетъ своихъ товарищей и увѣряетъ ихъ, будто дѣйствуетъ по полномочію Ц. К. *)

Такъ, Семеновъ устраиваетъ экспропріаціи чисто уголовнаго характера, организуетъ и подготавливаетъ новыя террористическія покушенія и т. д. **)

Лѣтомъ 1918 г., въ разгаръ гражданской войны, Семенова арестовываютъ. Въ Чека на Лубянской онъ стрѣляетъ въ одного изъ охранниковъ и пытается бѣжать. Его ловятъ. Смертная казнь для него неизбѣжна. Но онъ обращается съ мольбой о помилованіи къ Ленину, вступаетъ въ сношенія съ шефомъ красной жандармеріи Дзержинскимъ, — и его выпускаютъ на волю. Онъ выходитъ изъ тюрьмы уже, какъ членъ большевистской партіи со спеціальнымъ секретнымъ заданіемъ: работать въ организаціи соціалистовъ-революціонеровъ въ качествѣ освѣдомителя. И несомнѣнно, уже тогда богатую жатву долженъ былъ принести этотъ человѣкъ большевистскимъ палачамъ, совершенно исключительную низость долженъ былъ онъ обнаружить, чтобы получить для себя и для Коноплевой не только амнистію и свободу; но и почетное мѣсто въ рядахъ Россійской Коммунистической Партіи!

Имѣются основанія предполагать, что уже тогда Семеновъ передалъ въ руки совѣтской охранки всѣ подробности убійства Володарскаго и, вообще, весь тотъ матеріалъ, который 3 $^1/_2$ года спустя легъ въ основаніе московскаго процесса. Но въ то время велись разговоры объ отказѣ соціалистовъ-революціонеровъ отъ вооруженной борьбы съ совѣтской властью, о легализаціи ихъ партіи, объ амнистіи — моментъ для использованія показаній предателя былъ неудобный.

Во всякомъ случаѣ, уже тогда большевики оцѣнили, что Семеновъ для нихъ цѣнное пріобрѣтеніе. Напомню, что въ Совѣтской Россіи на провокаторовъ спросъ огромный. Уже въ началѣ 1918 года, большевистская партія пришла къ заключенію, что совѣтская власть должна имѣть провокаторовъ въ эсэровскихъ и меньшевистскихъ

*) Это подтверждено на судѣ всѣми свидѣтелями. Любопытныя подробности имѣются въ показаніяхъ М. Тисленко, напечатанныхъ въ № 923 „Голоса Россіи“.

**) См. берлинскую брошюру.

организаціяхъ. Нѣсколько позже совѣтское правительство создало такую провокаторскую сѣть, о какой департаментъ полиціи при царизмѣ — въ виду скудости кредитовъ — не смѣлъ и мечтать. Вербовали провокаторовъ охранники Коминтерна тѣмъ же способомъ, какъ въ прежнее время дѣлали это царскіе жандармы — посредствомъ угрозы разстрѣломъ. Такъ, особой анкетой, произведенной въ Бутырской тюрьмѣ, установлено, что изъ прошедшихъ черезъ нее съ ноября 1920 г. по февраль 1921 г. 150 слишкомъ человѣкъ, 60 чел. получили предложеніе сдѣлаться тайными агентами Чека и болѣе 50 чел. испытали при этомъ угрозу разстрѣломъ.

Итакъ, у Семенова при поступленіи его въ агенты Чека было много сослуживцевъ-конкурентовъ. Но въ огромномъ большинствѣ, это была мелкота, — людишки, подлые лишь въ той мѣрѣ, въ какой подлость является профессіональнымъ свойствомъ каждаго провокатора.

Семеновъ - Васильевъ (а вмѣстѣ съ нимъ и его подруга Коноплева) быстро выдвинулся въ этой средѣ.

Вотъ, что сообщаетъ „Соціалистическій Вѣстникъ“ объ его дальнѣйшей карьерѣ:

„Во время русско-польской войны Семеновъ, вмѣстѣ съ другими русскими, былъ арестованъ поляками по обвиненію въ шпіонствѣ въ пользу красной арміи. Арестованные вмѣстѣ съ нимъ были казнены, но Семеновъ остался цѣлъ и невредимъ и сталъ агентомъ Бориса Савинкова ..

„Получивъ отъ Савинкова деньги и инструкціи, Семеновъ проникъ въ Москву и... немедленно вошелъ въ сношеніе съ Чекой, которой и заявилъ, что Савинковъ поручилъ ему организовать покушеніе на Ленина. Онъ выдалъ Чека имена другихъ агентовъ Савинкова, а также всѣ планы организаціи взрывовъ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, арсеналовъ и проч.

„И вотъ тогда большевики впервые попытались использовать „чистосердечное сознаніе“ этого провокатора для возбужденія обвиненія противъ эсэровъ! Чека оффиціально заявила, что одинъ „разоблачитель“ (имя котораго опубликовано не было) утверждаетъ о сотрудничествѣ эсэровъ съ агентами Савинкова. Въ виду этого Чека объявила всѣхъ членовъ Центральнаго Комитета партіи с.-р. заложниками и заявила, что въ случаѣ покушенія на кого либо изъ членовъ Совнаркома — всѣ эти заложники будутъ немедленно разстрѣляны.

„Но занесенный нацъ эсэрами ударъ сорвался. Утвержденіе о существованіи заговора эсэровъ съ Савинковымъ, другомъ Врангеля и сумасшедшаго Бурцева, было настолько чудовищно и неправдоподобно, что даже коммунисты не повѣрили этому. Самъ Дзержинскій, глава и руководитель В. Ч. К., лично посѣтилъ въ Бутыркахъ Гоца и другихъ вождей партіи с.-р. и заявилъ имъ, что угроза Чеки ни въ коемъ случаѣ не будетъ приведена въ исполненіе."

Но то, что большевики не осмѣлились предпринять въ 1920 году, они легко рѣшили продѣлать 2 года спустя.

Въ концѣ февраля 1922 г. въ Берлинѣ вышла брошюра Семенова-Васильева, „разоблачающая" военно-террористическую дѣятельность партіи соціалистовъ-революціонеровъ и являющаяся, повидимому, воспроизведеніемъ показаній, данныхъ Семеновымъ Дзержинскому въ концѣ 1918 или въ началѣ 1919 года.

Авторъ кается здѣсь въ своей эсэровской работѣ 1918 года, работѣ, „направленной противъ интересовъ крестьянъ и рабочихъ", и попутно выдаетъ всѣ преступленія враговъ совѣтской власти.

Это—типичное донесеніе полицейскаго агента-провокатора: такъ и мелькаютъ экспропріаціи, убійства, покушенія, а главнымъ образомъ, — имена, имена. Въ общей сложности, въ этой тощей брошюркѣ оговорено не больше, не меньше, какъ 93 человѣка!

Если столькихъ же Семеновъ выдалъ черезъ Савинкова въ Варшавѣ, если столькихъ же онъ оговорилъ по возвращеніи изъ Польши въ Москву, то воистину этотъ человѣкъ достоинъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ вдохновителей московскаго процесса, и правъ былъ Фроссаръ, когда въ своей корреспонденціи въ „Юманитэ" онъ характеризовалъ его, какъ физически и морально совершенный типъ коммуниста!

Общій смыслъ показаній Семенова сводится къ тому, что Ц.К. партіи соціалистовъ-революціонеровъ зналъ обо всѣхъ его, Семенова, боевыхъ подвигахъ и втайнѣ санкціонировалъ ихъ, хотя гласно отъ нихъ отрекался.

Вандервельде далъ въ короткихъ словахъ юридическую оцѣнку этихъ показаній:

A. R. Gotz — А. Р. Гоц

Cette tribune nous l'avons utilisée pour conter à la classe ouvrière notre activité passée. . . .

Et si cette confession que nous faisons est appelée à devenir notre testament, nous accomplirons jusqu'au but notre devoir révolutionnaire.

Oui, hélas! nous n'avons pas signé de pacte avec la victoire, il nous reste, à présent, à signer un pacte avec la mort. . . . .

J'ignore ce que le sort nous prépare: la vie ou la mort. Si c'est la mort, nous mourrons en révolutionnaires, en la regardant vaillamment en face; si c'est la vie, nous continuerons à lutter en socialistes de toutes forces au nom des intérêts de la classe ouvrière. . A.Gotz

---

Diese Bühne benutzen wir, um der Arbeiterklasse von unserer früheren Tätigkeit zu berichten. . . .

Und sollte dieses Bekenntnis unser Testament sein — wir werden unsere revolutionäre Pflicht bis zu Ende erfüllen.

Ja wir haben mit dem Siege keinen Pakt geschlossen und müssen dafür jetzt einen Pakt mit dem Tode schließen. . . .

Ich weiß nicht, was uns das Schicksal beschieden hat: den Tod oder das Leben. Ist es der Tod — werden wir als Revolutionäre sterben, dem Tode kühn ins Angesicht blickend; ist es aber das Leben — werden wir als Sozialisten auch weiter mit aller Anstrengung zugunsten der Arbeiterklasse kämpfen. . . . A. Gotz

---

We have taken advantage of this pulpit to relate the story of our former activity to the working classes. . . .

If this credo is fated to become our legacy, we shall nevertheless do our duty as revolutionaries to the bitter end. Alas! It is true that we had not taken Victory into partnership and therefore now we must pay the penalty of partnership with Death. . . .

I am not sure whether it is Life or Death that Fate holds in store for us. If it be Death, we shall die as revolutionaries looking it straight in the face; if it be Life, we shall work on as socialists straining every effort in the interests of the working class. A. Gotz

---

Эту трибуну мы использовали для того, чтоби разсказать рабочему классу о своей прошлой дѣятельности . . . . .

И если этой нашей исповѣди суждено будеть стать нашимъ завѣщаніемъ — мы выполнимъ свой революціонный долгъ до конца.

Да, — увы! — мы не заключили договора съ п о б ѣ д о й и въ расплату за это намъ остается заключить теперь договоръ со смертью. . . .

Я не знаю, что суждено намъ судьбой: жизнь или смерть. Если смерть, — мы умремъ какъ революціонеры, смѣло глядя ей прямо въ глаза; если жизнь, — мы будемъ и дальше бороться со всѣмъ напряженіемъ силъ какъ соціалисты во имя интересовъ рабочаго класса. . . . А. Гоцъ

Použili jsme této tribuny, abychom pověděli dělnicke třidě o své nekdojší působnosti. . . .

A jestli že teto naší zpevědi bude souzeno, aby se stala naší zavětí, splnili jsme svou revoluční povinnost až do konce.

Ano — Beda my jsme nouzavřeli dohody s V í t e ž s t v i m a odplatou za to jest nam nyní uzavříti dohodu se smrti. . . .

Nevím, co nam osudem bude souzene, zda život nebo smrt.

Jestliže smrt, — zemřeme jake revolucionáři, smele hledece smrti přímo do očí; jestliže život-všemi silami jakožte socialisti i nadále budem zápasiti ve jmenu zajmu dělnicke třídy. . . . A. Gotz

E. M. Timofeeff — Е. М. Тимофеев

Nous avons servi l'avenir et ne voulons servir que lui. Vos lauriers actuels ne nous tentent pas et ne nous ferons pas abandonner notre voie. . . . Timofeev

---

Wir dienten der Zukunft und wollten nur ihr dienen. Eure Gegenwartslorbeeren locken uns aber nicht und ihretwegen werden wir von unserem Wege nicht um Haaresbreite abweichen. . . . Timofejew

---

We have worked for the Future, we intend to work for it and for nothing else; your present power has no attraction for us, therefore we would never go out of our way to attain it. Timofeieff

---

Мы служили будущему и хотим служить только ему. Ваши лавры современности насъ не соблазняютъ и ради нихъ мы ни въ чемъ не отступимъ отъ своей стези. . . . Тимофеевъ

Sloužili jsme budoucnosti a pouze ji chceme sloužiti. Vaše vavřiny přitomnosti nás nelekaji a my pro ni v ničem nesejdeme se své cesty. Timofejev

E. Ivanova - Е. Иванова

E. M. Ratner - Е. М. Ратнер

D. D. Donskoi - Д. Д. Донской

M. I. Guendelmann - М. Я. Гендельман

Il ne me reste que le bonheur de mourir avec ceux que je considère comme mes amis les plus chers et les plus proches. E. Iwanowa

---

Mir bleibt nur das Glück, mit jenen zu sterben, die mir am nächsten stehen und die ich am meisten liebe. E. Iwanowa

---

The only happiness which I have now is to die with my nearest and dearest.

Мнѣ остается только счастье умереть съ тѣми, кого я считаю самыми близкими мнѣ и любимыми людьми. Е. Иванова

Zůstalo mi pouze to štesti, že zemřu s těmi, jež pokládám za lidi mně nejbližši a nejmelejši. E. Ivanova

---

Vous nous accusez de nous placer sur le terrain du socialisme scientifique, — nous acceptons cette accusation et nous sommes prêts à en assumer la responsabilité devant le prolétariat russe et international. E. Ratner

---

Eure Anklage, wir ständen auf dem Boden des wissenschaftlichen Sozialismus, erkennen wir als richtig an und sind bereit, die Verantwortung für dieses Verbrechen sowohl vor dem russischen als auch vor dem internationalen Proletarjat zu tragen. . . . . E. Ratner

---

You are justified in accusing us of Scientific socialism, we admit this accusation of yours and are ready to bear the responsability of it before the Russian and international workers. . . . . E. Ratner

---

Ваше обвиненіе, что мы стомъ на почвѣ научнаго соціализма — мы признаемъ правильнымъ и за это преступленіе готовы нести отвѣтственность и передъ русскимъ и передъ международнымъ пролетаріатомъ. . . . Е. Ратнеръ

Vaše nařknuti, že stojíme na půdě vědeckého socialismu-provažujeme za správné a jsme hotovi nésti za tento zločin zodpovědnost před ruským a mezinárodním proletariáten. E. Ratner

---

Pour la cause de notre parti, pour démasquer votre dictature aux yeux de la classe ouvrière, russe et internationale, pour la cause du socialisme et de la révolution, par ce procès, nous avons fait, nous, prisonniers, plus que nous aurions fait si nous étions libres, et morts nous ferons plus que nous n'aurions pu faire vivants.

A partir du moment où nous sommes tombés entre vos mains, nous étions sûrs d'être condamnés à mort. Il nous est indifférent que vous nous amnistiez ou non. Mais de ce banc vous n'entendrez pas de recours en grâce. Quendelman

---

Für das Werk unserer Partei, für die Entlarvung Eurer Diktatur vor dem russischen und internationalen Proletariat, für das Werk des Sozialismus und der Revolution haben wir, Gefangenen, mehr getan durch diesen Prozeß als wenn wir in Freiheit wären; und als Toten werden wir mehr tun als die Lebenden hätten tun können. . . . .

Seit dem Augenblick, wo wir in Eure Hände geraten sind, waren wir sicher, daß Ihr uns zum Tode verurteilen werdet. Uns ist es gleichgültig, ob Ihr uns begnadigen werdet oder nicht. Aber von dieser Bank werdet Ihr eine Bitte um Begnadigung nicht zu hören bekommen. Gendelmann

(Fortsetzung auf dem nächsten Bildblatt — Suite au verso de la prochaine page illustrée)

Un groupe d'accusés avec leur défenseurs.

Die Angeklagten mit ihren Verteidigern.

En haut: 1. M. Védéniapine. 2. N. Artemiev. 3. N. Jdanov (avocat). 4. M. Lvov. 5. A. Wauters (avocat). 6. E. Timofeev. 7. K. Rosenfeld (avocat). 8. P. Zlobin. — En bas: 1. D. Donskoi. 2. E. Ratner. 3. Vandervelde (avocat). 4. A. Gotz.

En haut: 1. D. Rakov. 2. D. Donskoj. 3. F. Fedorovitch. 4. A. Lieberov. 5. N. Jdanov (avocat). 6. Th. Liebknecht (avocat). 7. S. Morosov. 8. L. Rosenthal (traducteur). 9. E. Berg. 10. A. Tagher (avocat). 11. C. Rosenfeld (avocat). — Au milieu: 1. L. Guerstein. 2. M. Likhatch. 3. E. Timofeev. 4. E. Ratner. 5. A. Gotz. 6. G. Gorkov. — En bas: 1. P. Zlobin. 2. M. Lvoff. 3. W. Agapov. 4. B. Outgoff.

(Fortsetzung vom vorhergehenden Bildblatt — Voir au verso de la page illustrée précédente)

Standing as prisoners before this Court, we have done more for the sake of our party, we have accomplished more towards revealing the true nature of your dictatonship in the eyes of working classes at home and abroad, than we could possibly do if we enjoyed liberty; through Death we shall gain more for the common cause, than if we remained alive.

From the very moment we fell into your hands we expected nothing else but a death warrant. We don't care whether you amnesty us or not. But from this bench you will never hear a request for pardon. Gendelman

---

Для дѣла нашей партіи, для разоблаченія вашей диктатуры въ глазахъ русскаго и международнаго рабочаго класса, для дѣла соціализма и революціи мы, плѣнные, этимъ процессмъ сдѣлали больше, чѣмъ если бы находились на волѣ; а мертвые сдѣлаем больше, чѣмъ могли бъ сдѣлать живые. . . .

Съ того момента, какъ мы попали въ ваши руки, мы были увѣрены въ томъ, что вы намъ вынесете смертный приговоръ. Для насъ безразлично, амнистируете ли вы насъ или нѣтъ. Но съ этихъ скамей просьбы о помилованіи вы не услышите. . . .

Гендельманъ

Pro věc naší strany, pro odhalení vaší diktatury před očima ruské a mezinárodní dělnicke třídy, pro věc socialismu a revoluce my, zajatci, tímto procesem jsme udělali více než kdybychom byli na svobodě; a smrti udelame vice, nežbychom mohli udelati jsouce živi.

Od okamžiku, kdy jsme padli do vašich rukou, byli jsme přesvědčeni, že nás odsoudíte k smrti. Je nam lhostejno, zdali nas budéte amnestovati nebo ne. Z těchto lavic prosby o milosti neuslyšite. . .

Gendelman

„Весь оговоръ Семенова, — замѣтилъ онъ, — основанъ на томъ, что онъ якобы съ согласія Ц. К. устраивалъ покушенія, которыя затѣмъ Центральный Комитетъ дезавуировалъ. Однако послѣ этого онъ снова устраивалъ покушенія, партія снова отъ нихъ отрекалась, а онъ, несмотря на такое поведеніе Центральнаго Комитета, продолжалъ готовить новыя покушенія. Правдоподобно ли это? Совершенно очевидно, что все это было придумано Семеновымъ впослѣдствіи, совмѣстно съ тѣми, кто его инспирировалъ."

Заключеніе Вандервельде — „ни одинъ нормальный судъ не могъ бы принять такого показанія."

Но лидеръ бельгійскаго пролетаріата не знаетъ, что въ Россіи подобныя показанія соотвѣтствуютъ старой жандармской традиціи: при самодержавіи жандармскій слѣдователь, рѣшивъ объявить на судѣ имя свидѣтеля-освѣдомителя, всегда норовилъ использовать это имя для возможно большаго числа дѣлъ сразу. Въ Екатеринославской тюрьмѣ авторъ этой брошюры встрѣчалъ одного полуграмотнаго желѣзнодорожнаго сторожа, которому слѣдователь приписывалъ оговоръ 102-хъ анархистовъ (самъ сторожъ фигурировалъ сто третьимъ въ томъ процессѣ). Выходило, что свидѣтель зналъ обо всѣхъ совершенныхъ и подготовляемыхъ въ губерніи экспропріаціяхъ и покушеніяхъ. О каждомъ актѣ ему приходилось бесѣдовать съ кѣмъ-либо изъ руководителей анархической группы и, такимъ образомъ, не оставалось сомнѣній въ томъ, что за каждое дѣло должна отвѣчать группа въ цѣломъ...

Такъ при царизмѣ показанія провокатора подвергались предварительной обработкѣ, подгонялись къ предстоящему процессу. И могла ли большевистская охранка отказаться отъ этого добраго обычая, могла ли она воздержаться отъ предварительной „ретуши" литературной исповѣди своего агента? Разумѣется, нѣтъ. Она обязана была указать ему, какъ группировать, какъ освѣщать факты, что опустить, что прибавить, — вѣдь это такъ легко: два-три слова въ случайномъ разговорѣ доносчика съ членами Ц. К. обвиняемой партіи мѣняютъ всю перспективу... И вполнѣ естественно, что берлинская брошюра Семенова и его судебныя показанія — въ значительной части плодъ коллективнаго чекистскаго творчества.

Но это дѣлаетъ показанія въ цѣломъ неправдоподобными, лишаетъ ихъ всякой цѣнности въ глазахъ нормальнаго суда! — скажетъ товарищъ Вандервельде.

Что дѣлать! Царскіе жандармы подобными показаніями не брезгали. А новая красная жандармерія, какъ показалъ московскій процессъ, отличается отъ старой лишь большимъ невѣжествомъ и безстыдствомъ.

4. Наканунѣ московскаго процесса.

Когда появилось первое сообщеніе изъ Москвы о преданіи 47 соціалистовъ-революціонеровъ суду Верховнаго Трибунала за террористическіе акты, когда начались кровожадныя завыванія большевистской прессы въ Россіи и въ Европѣ, для всѣхъ стало ясно, что въ Москвѣ подготовляется судебное-убійство.

На конференціи исполнительныхъ комитетовъ трехъ интернаціоналовъ въ Берлинѣ (въ началѣ апрѣля) соціалисты потребовали отъ большевиковъ прекращенія террора въ Россіи. Само собой разумѣется, большевики этого требованія не приняли, но такъ какъ они добивались въ то время созданія „единаго фронта“ съ соціалистами, а западные соціалисты, въ силу своей буржуазно-предательской натуры, не соглашались на общій фронтъ съ палачами, то представители Коминтерна, въ концѣ концовъ, подписали вмѣстѣ съ представителями Второго Интернаціонала и Вѣнскаго Объединенія общую декларацію, въ которой говорилось о предстоящемъ московскомъ процессѣ слѣдующее:

„Конференція принимаетъ къ свѣдѣнію заявленіе представителей Коммунистическаго Интернаціонала, что на процессъ противъ 47 соціалистовъ-революціонеровъ будутъ допущены всѣ защитники, которыхъ пожелаютъ подсудимые; что, какъ уже было указано въ совѣтской прессѣ до конференціи, на этомъ процессѣ не будетъ вынесено смертныхъ приговоровъ; и что, въ виду публичнаго разсмотрѣнія дѣла, представители всѣхъ трехъ исполнительныхъ комитетовъ могутъ присутствовать въ качествѣ слушателей, которымъ будетъ разрѣшено вести стенографическіе отчеты засѣданій, съ цѣлью освѣдомленія примыкающихъ къ этимъ исполнительнымъ комитетамъ партій.“

Это соглашеніе, явившееся основой позднѣйшаго участія въ процессѣ представителей соціалистическихъ партій Запада, въ Кремлѣ было принято неблагосклонно. 11-го апрѣля въ московской „Правдѣ" Ленинъ, въ статьѣ подъ заголовкомъ „Мы заплатили слишкомъ много", писалъ:

„По моему мнѣнію, наши делегаты поступили неправильно, когда они согласились на слѣдующія условія: 1) Что совѣтское правительство не вынесетъ ни одного смертнаго приговора въ процессѣ 47 соціалистовъ-революціонеровъ; и 2) что представителямъ трехъ интернаціоналовъ будетъ позволено присутствовать на процессѣ. Эти условія представляютъ собой не что иное, какъ политическую уступку... Какія же уступки дѣлаетъ намъ международная буржуазія? На это одинъ отвѣтъ: никакой уступки... Какіе же выводы можно сдѣлать отсюда? По моему мнѣнію, Радекъ, Бухаринъ и другіе представители Коммунистическаго Интернаціонала поступили неправильно, когда они сдѣлали уступки, не обезпечивъ себѣ уступокъ съ противоположной стороны. Но отсюда не слѣдуетъ, что мы должны разорвать подписанное ими соглашеніе. Этотъ выводъ былъ бы невѣренъ. Отсюда мы должны извлечь лишь тотъ урокъ, что на сей разъ буржуазные дипломаты оказались искуснѣе нашихъ дипломатовъ, и что на будущее время мы должны маневрировать и дѣйствовать искуснѣе."

Итакъ, повелитель совѣтской Россіи, намыливъ голову своимъ неумѣлымъ посламъ, все же призналъ подписанную ими и утвержденную Исполнительнымъ Комитетомъ Коминтерна декларацію обязательной для совѣтской власти.

Но уже въ маѣ на столбцахъ „Роте Фане" началась кампанія въ доказательство того, что берлинское соглашеніе ни мало большевиковъ не связываетъ: большевики, — писала газета, — были бы идіотами, если бы считали необходимымъ выполнить принятыя обязательства относительно допущенія защитниковъ...

Впрочемъ, до поры до времени это оставалось частнымъ мнѣніемъ „независимой" коммунистической газеты. Московское правительство не сразу рѣшилось объявить свои обязательства „клочкомъ бумаги". Оно не рѣшилось на это даже тогда, когда ему пришлось отказаться отъ ли-

цемѣрныхъ попытокъ установленія „единаго фронта“ съ соціалистическими партіями Европы. Такъ, при распаденіи „девятки“ (смѣшанной комиссіи изъ представителей трехъ интернаціоналовъ) делегатъ Коминтерна Радекъ счелъ необходимымъ совершенно оффиціально подтвердить, что разрывъ переговоровъ объ „единомъ фронтѣ“ ничего не мѣняетъ въ той части берлинской декларацiи, которая касается предстоящаго суда надъ соціалистами-революціонерами.

Считая себя связанными этой декларацiей, большевики, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и съ видимой неохотой, должны были допустить на судъ иностранныхъ защитниковъ. Какую роль съ самаго начала они отводили имъ въ предстоящемъ процессѣ, показываетъ передовая статья московской „Правды“ отъ 11-го мая:

„II-й интернаціоналъ прислалъ извѣщеніе, согласно которому онъ требуетъ пропуска 10-ти соціалъ-предателей, лакеевъ буржуазіи, въ качествѣ защитниковъ эсэровскихъ поджигателей и убійцъ. Въ числѣ этихъ молодцовъ находится одинъ бывшій буржуазный французскій министръ, 3 истинно-русскихъ эсэра, которые сами отвѣтственны за измѣну, подлость и предательство своихъ коллегъ по, съ позволенія сказать, „партіи“. Такой „полный“ списокъ самъ по себѣ есть наглый... Пролетарская Россія отбилась отъ всѣхъ своихъ враговъ, но эта пролетарская Россія вовсе еще не гарантирована отъ предательскихъ нападеній изъ-за угла... И если второй интернаціоналъ со своимъ привѣскомъ посылаетъ такихъ людей, какъ своихъ „излюбленныхъ лицъ“, то встрѣча ихъ съ нашей стороны будетъ вполнѣ соотвѣтствовать. По Берлинскому соглашенію трехъ интернаціоналовъ мы обязались пустить свободно избранныхъ защитниковъ для судебнаго процесса. Мы въ точности выполнимъ это обязательство. Но внѣ судебнаго процесса эти господа должны быть поставлены въ такія условія, которыя бы обезпечили нашу страну отъ ихъ военнаго шпіонажа, отъ поджигательской тактики этихъ негодяевъ, которые съ одной стороны убиваютъ рабочихъ вождей, съ другой — трусятъ признаться въ этомъ, виляютъ хвостомъ, поджигаютъ, лгутъ, обманываютъ... тѣхъ своихъ придурковатыхъ

товарищей, которыхъ они посылаютъ на самыя опасныя мѣста".

Трудно представить себѣ что либо болѣе наглое по тону. Но все же, и въ этой статьѣ „Правда" стояла на почвѣ обязательности берлинскаго соглашенія. Это давало возможность продолжать переговоры съ большевиками объ организаціи защиты на предстоящемъ судѣ. Въ концѣ концовъ, Вандервельде, Вотерсъ, Куртъ Розенфельдъ и Теодоръ Либкнехтъ (первые два — представители бельгійской рабочей партіи, послѣдніе два — представители независимой соціалистической партіи Германіи), опираясь на берлинское соглашеніе, выѣхали въ Россію, — прекрасно зная, что ѣдутъ навстрѣчу оскорбленіямъ, униженіямъ, — быть можетъ даже, смертельной личной опасности.

27-го мая представители соціалистическаго пролетаріата Запада прибыли въ Москву.

8-го іюня начался процессъ. Точнѣе: начались одновременно д в а процесса, соотвѣтствовавшіе д в о й н о й задачѣ, которую ставили себѣ большевики, — „моральное уничтоженіе" враговъ и подготовка физическаго убійства. Съ одной стороны, шла газетная и митинговая травля и инсценировка „народнаго гнѣва", съ другой стороны, переплетаясь съ этой травлей, разыгрывалась комедія судоговоренія.

5. Инсценировка „народнаго гнѣва".

Эта кампанія была для большевиковъ не просто подготовкой смертнаго приговора: если бы все дѣло сводилось къ тому, чтобы разстрѣлять еще двѣнадцать соціалистовъ, это можно было бы сдѣлать безъ большого шума, хотя бы подъ видомъ п о п ы т к и к ъ п о б ѣ г у гдѣ нибудь вдали отъ Москвы. Но задача заключалась въ томъ, чтобы з а с т а в и т ь рабочихъ т р е б о в а т ь казни обвиняемыхъ, въ томъ, чтобы, путемъ травли подсудимыхъ и ихъ защитниковъ, поднять духъ въ коммунистической партіи и подогрѣть настроеніе среди безпартійныхъ рабочихъ.

Уже на границѣ совѣтской Россіи представителей Интернаціонала, ѣхавшихъ на процессъ, ждала враждебная

демонстрація; подобныя демонстраціи провожали ихъ до до самой Москвы. Совѣтская печать съ восторгомъ сообщала о свисткахъ и угрозахъ по адресу защитниковъ. Воспроизводить здѣсь эти сообщенія было бы длинно. Ограничимся той характеристикой, которую далъ этимъ инсценировкамъ „народнаго гнѣва" Мартовъ въ № 12 „Соціалистическаго Вѣстника":

„На станціи Себежъ, въ Великихъ Лукахъ, въ Волоколамскѣ, и, наконецъ, на Виндавскомъ вокзалѣ въ Москвѣ толпы согнаннаго властями сброда, чекистская сволочь, совмѣстно со всякаго рода коммунистическими назначенцами, атаковала поѣздъ защитниковъ подъ видомъ „россійскаго пролетаріата", требующаго отъ нихъ отчета въ контръ-революціонномъ поступкѣ защиты обвиняемыхъ эсэровъ. Въ пограничномъ городкѣ Себежѣ, все населеніе котораго, кромѣ мѣщанъ-евреевъ, состоитъ изъ чекистовъ и контрабандистовъ, „работающихъ" съ ними исполу, обнаружился „авангардъ мірового пролетаріата", досконально знакомый со всѣми грѣхами Эмиля Вандервельде и учинившій ему допросъ съ пристрастіемъ по поводу того, что онъ подписалъ Версальскій договоръ. Само собой разумѣется, что этотъ „авангардъ" твердо знаетъ еще до начала суда, что убійство Володарскаго и покушеніе на Ленина организованы именно Ц. К. эсэровъ и что, поэтому, самое желаніе выступить ихъ защитникомъ есть соучастіе въ преступленіи. Не менѣе свѣдущимъ оказался и „пролетаріатъ" въ Великихъ Лукахъ, съ тѣмъ добавленіемъ, что въ этомъ міровомъ центрѣ ему было поручено довести „моральное воздѣйствіе" на 2-й и $2^1/_2$-й Интернаціоналы до вышибанія стеколъ, угрозъ рукоприкладствомъ и, если вѣрить корреспонденту „Дейли Геральдъ", то и до выстрѣла, сдѣланнаго изъ толпы переряженныхъ въ пролетаріатъ чекистовъ".

Въ Москвѣ, на Виндавскомъ вокзалѣ для встрѣчи защитниковъ были сдѣланы болѣе солидныя приготовленія. Заимствуемъ описаніе ихъ изъ „Правды" (№ отъ 27 мая):

„Уже къ часу дня къ Виндавскому вокзалу стали стекаться организованныя группы народа со знаменами, оркестрами и пѣніемъ. Демонстранты несутъ плакаты. На огромномъ полотнѣ нарисованъ бельгійскій король и рядомъ съ нимъ Вандервельде. Подъ портретами аршинными буквами

надпись: „Господинъ королевскій министръ Вандервельде. Когда вы предстанете передъ судомъ революціоннаго трибунала?“

„На другомъ плакатѣ, посвященномъ Теодору Либкнехту, вопросъ: „Каинъ, Каинъ, гдѣ братъ твой Карлъ?“

„На другихъ плакатахъ пестрятъ лозунги: „Долой защиту тѣхъ, чьи руки обагрены рабочей кровью“, „Позоръ Теодору Либкнехту, защитнику убійцъ своего брата“. Надписи на знаменахъ на разныхъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ“.

И тутъ же хоръ, заранѣе разучившій пѣсню, сочиненную спеціально для этого случая какимъ-то казеннымъ поэтомъ и наполненную ругательствами противъ Вандервельде. Я позволю себѣ привести цѣликомъ эту пѣсню, какъ краснорѣчивый показатель культурнаго и моральнаго уровня инсценировавшихъ эту встрѣчу кремлевскихъ диктаторовъ.

„Ѣдетъ, ѣдетъ Вандервельде,
Его встрѣтимъ веселѣй,
Изъ лакеевъ меньшевистскихъ
Всѣмъ лакеямъ онъ лакей.

„Онъ ѣдетъ къ намъ,
Всемірный хамъ.
Конечно, рады мы гостямъ,
Однако, жаль,
Что намъ, друзья,
Его повѣсить здѣсь нельзя.

„Самъ убійца первоклассный,
Сразу понялъ онъ, подлецъ,
Коль засудимъ мы эсэровъ,
Что придетъ ему конецъ.“

Въ хаосѣ криковъ, свистковъ, угрозъ, одному изъ защитниковъ, Курту Розенфельду, удалось поймать руководителя всей этой сцены, который и самъ свистѣлъ изо всѣхъ силъ, заложивъ пальцы въ ротъ: это былъ — Бухаринъ, членъ Соціалистической Академіи Наукъ, одинъ изъ руководителей Коминтерна, одинъ изъ первыхъ са-

новниковъ совѣтскаго государства (и онъ же защитникъ Семенова-Васильева на судѣ) *).

28-го мая, травлѣ соціалистовъ-революціонеровъ и ихъ защитниковъ была придана новая форма.

По всей Москвѣ въ разукрашенныхъ автомобиляхъ разъѣзжали размалеванные клоуны съ балаганами Петрушекъ и въ пошлыхъ куплетахъ выкладывали московской публикѣ „факты" предательства партіи с.-р., „факты" грабежа и убійства ими защитниковъ рабочаго класса.

На публичной эстрадѣ Тверского бульвара, недалеко отъ памятника Пушкина, Петрушка сообщалъ почтенной публикѣ „самые достовѣрные факты" о преступленіяхъ эсэровъ, сваливая въ одну кучу эсэровъ, меньшевиковъ, кадетовъ и черносотенцевъ. Все это подкрѣплялось демонстраціей убіенія преступниковъ здоровеннѣйшей дубиной. Сначала къ Петрушкѣ приводятъ предателя меньшевика Мартова, который тутъ же и убивается дубиной. Затѣмъ ведутъ Чернова и начинается остервенѣлая свалка Чернова съ Петрушкой, при чемъ, конечно, „добродѣтель" торжествуетъ, и дубина Петрушки раздробляетъ черепъ „бандита Чернова". Та же участь постигаетъ Вандервельде и другихъ защитниковъ-иностранцевъ.

Одновременно шли митинги: большевистскіе ораторы — съ Троцкимъ во главѣ — объѣзжали фабрики и заводы, произносили зажигательныя рѣчи, проводили резолюціи съ требованіемъ безпощадной расправы и смертной казни для соціалистовъ-революціонеровъ. Отъ этихъ ораторовъ рабочіе узнавали, что соціалисты-революціонеры затѣяли въ Россіи гражданскую войну, что по ихъ винѣ въ Россіи свирѣпствуетъ голодъ, и что все измѣнится къ лучшему, лишь только совѣтская власть разстрѣляетъ этихъ враговъ трудящагося народа... Впрочемъ, нерѣдко эти сообщенія имѣли лишь второстепенное значеніе: главное было то, что большевистское начальство п р и к а з ы в а л о голосовать за казнь эсэровъ. И на многихъ заводахъ, вмѣстѣ съ кучками фанатизированныхъ и развращенныхъ демагогіей коммунистовъ, покорно подымали руки за предлагаемую имъ резолюцію и безпартійные рабочіе.

---

*) Впослѣдствіи Бухаринъ, какъ передавали европейскіе защитники, признавался, что онъ, дѣйствительно, „былъ" у Виндавскаго вокзала во время демонстраціи; но онъ утверждалъ при этомъ, что въ кошачьемъ концертѣ не участвовалъ.

Такая покорность покажется, быть можетъ, непонятной рабочимъ Западной Европы. Но вы, живущіе въ свободныхъ странахъ, вы, имѣющіе партійныя и профессіональныя организаціи, мѣста для собраній, газеты, вы, обладающіе хоть крупицей человѣческихъ правъ, вспомните, что пролетарій въ Совѣтской Россіи — безправное существо, и что большое мужество требуется отъ него, чтобы, вопреки угрозамъ, осмѣлиться голосовать противъ резолюціи, предлагаемой „самимъ" Троцкимъ, пріѣхавшимъ на заводъ съ чекистской свитой, въ сопровожденіи красноармейскаго конвоя!

Но на митингахъ и резолюціяхъ съ требованіемъ смертной казни соціалистовъ большевики не остановились. Были пущены по заводамъ петиціи, рабочихъ заставляли подписываться подъ состряпанными въ Кремлѣ требованіями крови.

Порою рабочіе отказывались ставить свои имена подъ призывами къ убійству.

— Не хотите подписываться? — спрашивали коммунисты строптивыхъ: А вылетѣть съ завода, а въ Чека прогуляться — хотите?

И петиціи покрывались подписями. И столбцы „Правды" и „Извѣстій" заполнялись кровожадными призывами, скрѣпленными названіями заводовъ, именами рабочихъ, цифрами подписей.

Если бы вы, рабочіе Запада, могли прочесть весь этотъ бредъ, вы подумали бы, что русскіе рабочіе — это сбродъ какихъ то кровожадныхъ дикарей. Но нѣтъ! Эти петиціи — клевета на русскій пролетаріатъ, вопіющее злоупотребленіе его именемъ, подлая ложь. А правда въ томъ, что во всѣхъ деспотіяхъ отъ имени порабощеннаго народа говорятъ тѣ, въ чьихъ рукахъ плеть и ружье.

Неудивительно, что большевикамъ удалось протащить по заводамъ нѣсколько сотъ кровавыхъ резолюцій. Большаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что, несмотря ни на что, изъ среды русскихъ рабочихъ за время этой кампаніи все же раздавались голоса протеста противъ совершаемаго надъ ихъ совѣстью насилія.

Такъ, рабочій Ивановъ на площади у Виндавскаго вокзала, во время манифестаціи противъ европейскихъ защитниковъ, громко протестовалъ, — его тутъ же арестовали и отвезли въ тюрьму.

На митингѣ Богородско-Глуховской мануфактуры, рабочій Терентьевъ обратился къ товарищамъ и къ большевикамъ съ рѣчью, въ которой сказалъ:

„Товарищи, каковы бы ни были эсэры, едва ли бы сгоняли они насъ на собранія, какъ овецъ, подъ угрозой лишенія нашихъ семействъ необходимыхъ продуктовъ изъ государственныхъ лавокъ и кооперативовъ, какъ это сдѣлали съ нами; едва ли требовали бы они отъ насъ штемпелеванія постановленій правительства, состоящаго изъ членовъ правящей партіи, какъ это дѣлаете вы, коммунисты. Я — старикъ, и вы мнѣ не страшны, угрозъ вашихъ я не боюсь, а потому откровенно скажу, что въ 1917 году, когда въ правительствѣ были эсэры, мы, рабочіе, безъ различія партій, чувствовали себя прежде всего гражданами Россіи, а не рабочимъ скотомъ. Тогда насъ не заставляли плясать подъ ту дудку, на которой вы сейчасъ играете въ угоду вашимъ заправиламъ, которые вотъ уже четвертый годъ ѣздятъ на нашихъ спинахъ.“ *)

На цѣломъ рядѣ заводовъ **) рабочимъ удалось собраться тайкомъ отъ большевистскаго начальства и вынести резолюціи протеста противъ подготовляющагося убійства соціалистовъ. Но не было въ Россіи ни одной газеты, въ которой они могли бы огласить свой протестъ!

6-го іюня московскій Совѣтъ обсуждалъ докладъ Радека о предстоящемъ судѣ. Раздавались рѣчи о томъ, что нечего считаться съ берлинскимъ соглашеніемъ, что нужно, безъ долгихъ разговоровъ, разстрѣлять обвиняемыхъ.

Высшей точки эта кампанія достигла двѣ недѣли спустя: на 20-ое іюня, въ годовщину убійства Володарскаго, большевики назначили въ Москвѣ и Петроградѣ уличныя манифестаціи рабочихъ и красноармейцевъ съ требованіемъ казни соціалистовъ-революціонеровъ.

Красноармейцы были выведены на демонстрацію по наряду, какъ на парадъ. Рабочіе и правительственные служащіе получили приказъ явиться къ сборнымъ пунктамъ по именнымъ спискамъ. Было оффиціально объявлено, что участники манифестаціи получатъ дневной заработокъ

---

*) Передаю эту рѣчь по сообщенію собственнаго корреспондента „Голоса Россіи“.

**) „Голосъ Россіи“ отмѣчаетъ такіе протесты на Тульскомъ Гос. Ружейномъ заводѣ, на Николаевскомъ Судостроительномъ заводѣ и другихъ.

(а въ нѣкоторыхъ раіонахъ сверхъ того и горячій обѣдъ). Было дано знать рабочимъ, что назначенная манифестація — провѣрка ихъ благонадежности, и что строптивыхъ ждутъ суровыя репрессіи.

Вотъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ, какъ подготовлялась въ Москвѣ эта манифестація „народнаго гнѣва", и какъ относились къ ней рабочіе:

1. Фабрика „Богатырь". Несмотря на запертыя ворота, большинству рабочихъ удалось съ собранія уйти (прыгали черезъ заборъ, разбрелись по корпусамъ.) Вмѣсто 2500 оказалось 300—400 человѣкъ.

„Кровавая резолюція" собрала 35—40 голосовъ. Остальные просто не голосовали. Директоръ завода вопросъ поставилъ ясно и опредѣленно: „Неявившимся на демонстрацію — вычетъ трехдневнаго заработка". Кромѣ того, былъ распространенъ слухъ объ увольненіи. У рабочихъ забирали контрольныя карточки, какъ это дѣлалось въ рабочіе дни. Но, несмотря на это, въ демонстраціи участвовало не больше 400—500 человѣкъ.

2. Заводъ Калинкина (200 рабочихъ). На собраніи вмѣсто резолюціи было предложено принять оффиціальное воззваніе Р. К. П. по поводу процесса. Аудиторія отвѣтила молчаніемъ, и только раздался одинъ робкій голосъ „проголосовать надо было бы". Но резолюція такъ и не была проголосована.

По вопросу о демонстраціи представители Заводоуправленія и Завкома заявили опредѣленно: кто не явится — будетъ уволенъ. И всетаки, на демонстрацію пошло незначительное меньшинство.

3. Въ Центросоюзѣ за нѣсколько дней до демонстраціи было вывѣшено объявленіе за подписью завѣдующаго хозяйственной частью слѣдующаго содержанія: „Явившимся будетъ предложенъ обѣдъ". Обѣщаніе было сдержано.

4. На собраніи сотрудниковъ и рабочихъ „Транспортнаго отдѣла" Московскаго Потреб. Общества изъ 300 сотрудниковъ присутствовало около 120 человѣкъ. За резолюцію, требующую „безпощадной" мѣры наказанія для обвиняемыхъ, голосовали 9 человѣкъ, причемъ 6 голосовъ принадлежали администраціи. Результаты голосованія привели въ ярость докладчиковъ и вызвали прямыя угрозы увольненіемъ. Послѣ этого резолюція голосовалась еще пять разъ. Но цифра голосующихъ за оставалась неизмѣнной — 9 человѣкъ. Тогда резолюція сни-

мается и голосуется вопросъ объ участіи въ демонстраціи 20-го іюня. За участіе голосуетъ 13 человѣкъ.

5. Фармазаводъ № 2 (120 рабочихъ). За резолюцію, предложенную предсѣдателемъ, голосовало 5 человѣкъ. На собраніи раздавались голоса, требующіе ораторовъ другихъ партій... Въ демонстраціи приняли участіе тѣ же пять человѣкъ.

6. На Электрической станціи бывшей Об-ства 1886 г. За нѣсколько дней до демонстраціи комъячейкой былъ пущенъ для подписей листъ съ резолюціей, требующей смертной казни для эсэровъ. По нѣкоторымъ отдѣламъ съ листомъ ходили члены Завкома и начальство. Несмотря на приставаніе къ каждому рабочему, собрать много подписей не удалось. Въ самый день демонстраціи былъ устроенъ предварительный митингъ. Но изъ 1500 рабочихъ явилось на собраніе 100 человѣкъ. Въ демонстраціи приняли участіе 200—300 человѣкъ.

7. Міусскій трамвайный паркъ. На собраніи раздавались многочисленные протесты: „Мы противъ смертной казни!" Резолюція не голосовалась. На демонстрацію не пошли.

8. Прѣсненскій трамвайный паркъ. Собраніе разошлось, какъ только рабочіе узнали о томъ, что въ повѣсткѣ дня вопросъ о процессѣ эсэровъ. На демонстрацію не пошли.

9. Мастерскія Савеловской жел. дор. (рабочихъ 4.000). Въ свое время рабочіе рѣшительно отказались идти „встрѣчать" Вандервельде. На собраніе по вопросу объ с.-р. пришло очень мало людей. За резолюцію о смертной казни голосовало 19 человѣкъ. Послѣ голосованія резолюцію разносили для подписи по цехамъ, угрожая всевозможными репрессіями. Такъ заполучили 90—100 подписей. Въ демонстраціи участвовало всего 60—70 человѣкъ.

10. Московское интендантство. Въ механическомъ слесарномъ цехѣ, благодаря листовкамъ Р. С.-Д. Р. П., разбросаннымъ среди рабочихъ наканунѣ демонстраціи, единогласно было рѣшено не участвовать въ ней. Когда рабочіе явились на работу 21 іюня, цехъ оказался запертымъ; а помощникъ начальника цеха опрашивалъ каждаго о причинахъ неявки на демонстрацію. Выслушавъ объясненія, онъ заявилъ, что съ каждаго неявившагося будетъ вычтено жалованье за пять сутокъ ($17^1/_2$ милл. руб.). Въ швейномъ цехѣ, комъячейка написала знамя за рабочихъ, никого

не спросивъ о лозунгахъ (въ цехѣ 700 рабочихъ). Подъ знаменемъ шло нѣсколько десятковъ человѣкъ.

11. Фабрика тонкихъ суконъ. На демонстрацію записалось около 40 рабочихъ (изъ 400 человѣкъ). Шли только коммунисты и кандидаты.

12. Фабрика „Майкапаръ". Явившись на работу и увидѣвъ знамя съ требованіемъ смерти с.-рамъ, рабочіе потребовали уничтоженія знамени. Комъячейка отказалась, но зато вынуждена была участвовать въ демонстраціи въ полномъ одиночествѣ.

13. 27-ая типографія М. С. Н. Х. На общемъ собраніи по вопросу объ эсэрахъ, резолюція, предложенная отъ имени комъячейки, не получила ни одного голоса. На слѣдующій день въ „Правдѣ" появилась грозная статья, требующая разогнать „меньшевистское гнѣздо". Сказано, сдѣлано. Назначили новаго начальника типографіи, небезызвѣстнаго Полонскаго, который, несмотря на перегруженность типографіи работой, „отпустилъ 200 рабочихъ (всего въ типографіи 300) „по домамъ" до осени. Послѣ этого, онъ собралъ новое собраніе, на которомъ выступалъ самъ, и такъ таки провелъ резолюцію о примѣненіи къ эсэрамъ „высшей мѣры наказанія".

И, наконецъ, вотъ какъ изображаетъ „Соціалистическій Вѣстникъ", изъ котораго мы заимствуемъ приведенныя свѣдѣнія, манифестацію огромнаго Прѣсненскаго раіона:

„Въ демонстраціи со всего раіона участвовало не больше 4 000 человѣкъ, насильно согнанныхъ разными угрозами. Рабочіе шли въ перемежку съ военными (безъ оружія). Среди нихъ много женщинъ и подростковъ (12—13 лѣтъ). Бросалось въ глаза отсутствіе брянскихъ желѣзнодорожниковъ. Лозунги со страницъ „Правды". Настроеніе самое будничное и унылое. Всѣ стремились скорѣе отбыть повинность — и домой. Характеренъ разговоръ, происшедшій между красноармейцами и группой женщинъ-демонстрантокъ: „Вы чего, бабье, пришли?" — „А вы зачѣмъ?" — „Да мы люди казенные — насъ погнали". — „Ну и насъ погнали".

Разумѣется, были мобилизованы для участія въ манифестаціи и всѣ силы „комъячеекъ", всѣ тѣ рабочіе, которые до сихъ поръ вѣрятъ большевикамъ, и которымъ правительственныя „Извѣстія" и „Правды", путемъ повторяемой изо дня въ день клеветы, сумѣли внушить изступленную ненависть противъ соціалистовъ.

Эти элементы составляли въ толпѣ незначительное меньшинство, но они то и придавали манифестаціи желательный для иниціаторовъ этого зрѣлища характеръ „народнаго гнѣва".

Такъ былъ подготовленъ этотъ позоръ — манифестація, въ которой смѣшались обманутые большевистской демагогіей или запуганные угрозами начальства рабочіе, развращенные преторіанцы совѣтскаго строя и тѣ лумпены, которые еще недавно составляли главное ядро толпы, громившей евреевъ подъ руководствомъ царской полиціи, и которые теперь готовы идти туда, куда поведутъ ихъ совѣтскіе чекисты.

Въ 4 часа дня къ толпѣ, наполнявшей Красную площадь, вышли члены ревтрибунала, генералъ-прокуроръ Крыленко, предсѣдатель Московскаго совѣта Каменевъ и представители Коминтерна Радекъ, Клара Цеткинъ, Садуль и Шмераль. Первымъ ораторомъ выступилъ предсѣдатель Трибунала Пятаковъ, заявившій толпѣ, что хотя онъ и не можетъ предупреждать событій, но можетъ съ увѣренностью сказать, что ревтрибуналъ сурово накажетъ подсудимыхъ, которые посягали на совѣтскую власть.

Вслѣдъ за нимъ говорилъ Радекъ, осыпавшій ругательствами иностранныхъ защитниковъ. Затѣмъ Бухаринъ произнесъ рѣчь въ прославленіе Семенова и Коноплевой, которые дали въ руки совѣтской власти матеріалъ для суда надъ соціалистами-революціонерами.

И вотъ манифестанты дефилируютъ мимо суда. Члены Трибунала, вернувшіеся съ митинга на свои судейскія мѣста, приказываютъ подвести обвиняемыхъ къ открытому окну, подъ которымъ бушуетъ толпа. Соціалисты стоятъ подъ градомъ угрозъ, оскорбленій, издѣвательствъ. Впереди всѣхъ тѣ изъ подсудимыхъ, которые стояли во главѣ партіи и готовы первые встрѣтить смерть. Въ Гоца летитъ изъ толпы доска съ надписью „смерть соціалистамъ-революціонерамъ". Судьи гогочутъ; визжитъ, захлебываясь отъ восторга, прокуроръ; ликуютъ защитники провокаторовъ...

Пять часовъ продолжается эта потѣха. Но и этого мало большевикамъ.

Въ 10 час. вечера предсѣдатель сообщаетъ, что делегація митинга проситъ Трибуналъ впустить ее и выслушать.

Прокуроръ Крыленко даетъ „разъясненіе“, что, хотя это по законамъ не предусмотрѣно, но по духу совѣтской власти — вполнѣ возможно! И „народъ“ предсталъ въ „судѣ“, въ залѣ Трибунала бѣсновалась толпа наэлектризованныхъ демагогами фанатиковъ, разнузданныхъ чекистовъ и темныхъ лумпеновъ. Раздавались дикія угрозы, лилась грязная ругань.

И судьи внимательно выслушивали „ораторовъ“, жали имъ руки, благодарили за проявленную преданность совѣтской власти, обѣщали все сдѣлать согласно волѣ народа!

Два съ половиной часа подлинной пытки выдержали соціалисты-революціонеры. Но, можетъ быть, переживанія этихъ закаленныхъ борцовъ ничто по сравненію съ тѣми муками, которыя перенесли за эти часы ихъ близкія — ихъ жены, матери, сестры, допущенныя присутствовать въ судѣ въ качествѣ зрителей.

Я не могу воспроизвести здѣсь письма этихъ мученицъ большевистскаго правосудія, письма, писанныя кровью сердца, письма, которыхъ нельзя читать безъ слезъ жалости и негодованія. Мысленно онѣ уже простились съ дорогими для нихъ людьми: онѣ были увѣрены, что приблизился послѣдній часъ, что этотъ ужасный день закончится самосудомъ, линчеваніемъ подсудимыхъ.

И такъ же оцѣнивали свое положеніе сами подсудимые, до конца сохранявшіе полное спокойствіе, — ласковую, ободряющую улыбку для своихъ, взглядъ, полный мужественнаго презрѣнія, для палачей.

Но ни подсудимые, ни ихъ родные не знали, что наемная сволочь, изображавшая въ трибуналѣ „разгнѣванный народъ“, получила отъ начальства приказъ — болтать языкомъ, но рукамъ воли не давать; кричать, ругаться, но не убивать тѣхъ, на кого у большевиковъ были иные виды...

Послѣ манифестацій 20-го іюня кампанія народнаго гнѣва какъ будто пріутихла.

Почему? Устыдились ли большевики? Испугались ли они впечатлѣнія, произведеннаго на общественное мнѣніе Европы? Или просто изсякла ихъ изобрѣтательность? Или появились у нихъ новые планы? — Не знаю.

Обратимся къ тому, какъ шла въ эти дни работа Верховнаго Трибунала. Прослѣдимъ прежде всего, въ какихъ ф о р м а х ъ протекалъ процессъ.

6. Комедія суда.

Первоначально большевики предполагали предать суду Верховнаго Трибунала 47 человѣкъ, затѣмъ, уже послѣ берлинской конференціи трехъ интернаціоналовъ, число обвиняемыхъ было сокращено до 32. Въ этомъ числѣ было 22 человѣка, дѣйствительно принадлежащихъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, они представляли въ процессѣ „1-ю группу обвиняемыхъ". Рядомъ съ ними на скамьѣ подсудимыхъ сидѣла еще „2-я группа", состоящая изъ десяти человѣкъ и возглавляемая Семеновымъ и Коноплевой: это были перебѣжчики изъ эсэровскаго лагеря, по большей части, давно уже вступившіе въ ряды правящей партіи и предательствомъ товарищей заранѣе купившіе себѣ прощеніе и милость.

Точно такъ же дѣлилась и защита: обвиняемыхъ „1-й группы" защищали русскіе адвокаты Муравьевъ, Тагеръ и др. и представители западно-европейскаго соціализма Вандервельде, Либкнехтъ и Розенфельдъ; въ роли защитниковъ „2-ой группы" выступалъ десятокъ коммунистовъ съ Бухаринымъ во главѣ, и рядомъ съ ними Граціадеи, Садуль, Шмераль и Феликсъ Конъ.

Свою позицію въ процессѣ защитники „2-й группы" опредѣлили слѣдующимъ оффиціальнымъ, скрѣпленнымъ ихъ подписями, заявленіемъ:

> „Защитники, какъ единое цѣлое, не считаютъ себя солидарными въ защитѣ. Мы не имѣемъ ничего общаго съ господами Вандервельде и Розенфельдомъ. Мы не считаемъ возможнымъ защищать враговъ пролетарской революціи, находящихся въ лагерѣ русской Вандеи. Однако, среди обвиняемыхъ имѣется группа лицъ, которыя признали, что участвовали въ контръреволюціонныхъ дѣяніяхъ и убѣдились въ томъ, что политика Ц. К. П. С.-Р. была преступной. Эти лица честно перешли въ лагерь пролетарской революціи. На этомъ основаніи мы считаемъ своимъ революціоннымъ долгомъ взять на себя ихъ защиту."

Обвиненіе поддерживали: генеральный прокуроръ Крыленко, членъ правительства Луначарскій, Покровскій, Клара Цеткинъ, Муна, Садуль, Бокани.

Въ качествѣ членовъ Трибунала засѣдали три большевика. „Публику" или „народъ" изображали 1200 человѣкъ

коммунистовъ и чекистовъ, — семьямъ обвиняемыхъ было предоставлено всего лишь 22 билета.

Въ рукахъ коммунистической охранки были и стенографированіе, и переводы.

Фактически обвиненіе противъ 22 соціалистовъ-революціонеровъ велось съ четырехъ сторонъ:

1) со стороны оффиціальной прокуратуры,
2) со стороны предателей (т. н. 2-ой группы),
3) со стороны защитниковъ этихъ предателей,
4) со стороны членовъ Трибунала.

И это — въ обстановкѣ непрерывной газетной травли, посреди разнузданной, спеціально подобранной толпы!

Защитникамъ „1-й группы" не давали говорить, ихъ слова искажались переводчиками, ихъ ходатайства съ издѣвательствами отклонялись Трибуналомъ.

Рѣчи обвиняемыхъ, какъ это показываютъ даже большевистскіе тенденціозные отчеты о процессѣ, прерывались на каждомъ словѣ и предсѣдателемъ, и прокуроромъ, и рядовыми чекистами изъ публики.

Трибуналъ отказался выслушать вызываемыхъ обвиняемыми свидѣтелей, отказался допустить къ участію въ процессѣ четырехъ приглашенныхъ ими русскихъ защитниковъ-соціалистовъ, отказался отъ пріобщенія къ дѣлу документовъ, вскрывавшихъ лживость и вздорность обвиненія.

Нужно ли упоминать еще о томъ, что обвиняемые „1-ой группы" не были своевременно допущены къ ознакомленію съ обвинительнымъ матеріаломъ, что иностранные защитники были лишены права свободнаго общенія со своими русскими товарищами по защитѣ, что стенограммы преній велись до такой степени недобросовѣстно, что ни обвиняемые, ни защитники не могли узнать въ нихъ свои собственныя рѣчи?

Вся комедія суда была лишь подготовкой кровавой развязки.

На первомъ же засѣданіи предсѣдатель трибунала Пятаковъ заявилъ, что судъ заранѣе отказывается отъ безпристрастнаго разсмотрѣнія дѣла и намѣренъ руководствоваться исключительно соображеніями объ интересахъ совѣтской власти.

Это не былъ с у д ъ, какъ представляютъ себѣ судъ въ Европѣ. Это была пляска канибаловъ вокругъ связанныхъ и ждущихъ смерти плѣнниковъ.

Когда защита попыталась ссылаться на берлинское соглашеніе, большевики возразили, что это соглашеніе для нихъ необязательно, что они имъ не связаны, и что Трибуналъ можетъ дѣлать все, что пожелаетъ.

Послѣ 7 дней отчаянной борьбы за справедливость, за соблюденіе берлинскаго соглашенія, за жизнь обвиняемыхъ, иностранные защитники подали въ Трибуналъ слѣдующее заявленіе:

„Мы констатируемъ, что во время засѣданія Трибунала постановленія берлинскаго соглашенія трехъ интернаціоналовъ неоднократно нарушались:

„1. Судъ отклонилъ допущеніе четырехъ новыхъ защитниковъ и не разрѣшилъ, вопреки берлинскому соглашенію, вести стенографическую запись.

„2. Судъ объявилъ о своемъ желаніи при извѣстныхъ условіяхъ поставить вопросъ о томъ, должны ли иностранные защитники быть допущены въ дальнѣйшемъ къ участію въ процессѣ.

„3. Обвинители Крыленко и Луначарскій заявили, что берлинское соглашеніе не является для суда связывающимъ.

„4. Представитель делегаціи 3-го интернаціонала на берлинской конференціи Бухаринъ заявилъ, что берлинское соглашеніе разорвано.

„Мы руководствуемся исключительно интересами защиты и потому, несмотря на изложенные выше факты, находимся въ распоряженіи обвиняемыхъ, если они того пожелаютъ."

Къ этому моменту характеръ суда выяснился настолько, что дальнѣйшее участіе въ немъ европейскихъ защитниковъ было явно безцѣльно. Они не могли обезпечить соблюденіе на судѣ нормъ процессуальной справедливости, не могли своимъ присутствіемъ гарантировать гласность разбирательства, а фактически, благодаря фальсификаціи переводовъ и стенограммъ и превращенію судебныхъ засѣданій въ сплошной митингъ, лишены были даже возможности активнаго участія въ преніяхъ.

Съ другой стороны, присутствіе европейскихъ защитниковъ на процессѣ создавало иллюзію, будто судъ протe-

кается нормально, согласно условіямъ берлинской декларації трехъ интернаціоналовъ. Защитники чувствовали, что укрѣпленіе этой иллюзіи приноситъ дѣлу больше вреда, чѣмъ та польза, которую могутъ принести ихъ выступленія передъ судомъ.

Это подсказало имъ рѣшеніе отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ процессѣ, — рѣшеніе, которое было одобрено единодушно и обвиняемыми.

19-го іюня Вандервельде, Либкнехтъ, Розенфельдъ и Вотерсъ покинули Москву (при чемъ имъ пришлось объявить голодовку, чтобы получить отъ большевиковъ разрѣшеніе на выѣздъ!)

Вернувшись въ Европу, защитники въ обращеніи къ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ дали отчетъ объ обстоятельствахъ, заставившихъ ихъ уйти съ суда:

„Берлинское соглашеніе, — писали они, — имѣло цѣлью создать для пролетаріата увѣренность, что московскій процессъ противъ соціалистовъ-революціонеровъ будетъ вестись при соблюденіи всѣхъ правовыхъ гарантій свободной защиты и на строго объективной почвѣ...

„Тотъ способъ, которымъ ведется процессъ, не оправдалъ нашихъ ожиданій, и съ самаго начала стало ясно, что вопреки обѣщаніямъ, даннымъ третьимъ интернаціоналомъ въ Берлинѣ, обвиняемые были поставлены не передъ судьями, а передъ своими политическими противниками, намѣреніемъ которыхъ было осудить обвиняемыхъ по государственнымъ соображеніямъ. Было уже знаменательно, что предсѣдатель суда вскорѣ послѣ открытія засѣданія сдѣлалъ заявленіе, что этотъ судъ является классовымъ судомъ и будетъ сознательно проводить классовую юстицію.

„Предсѣдатель верховнаго трибунала Крыленко явился передъ подчиненнымъ ему, какъ предсѣдателю, судомъ въ качествѣ обвинителя, вопреки сдѣланному имъ самимъ только что распоряженію, которое воспрещаетъ, по само собой понятнымъ основаніямъ, предсѣдателю суда выступать на своемъ же судѣ въ качествѣ обвинителя. Вмѣсто себя Крыленко назначилъ предсѣдателемъ подчиненнаго ему въ извѣстномъ смыслѣ Пятакова, зятя его жены. Послѣдняя, то есть жена Крыленко, вела слѣдствіе и подписала обвини-

тельный актъ. Предъ началомъ процесса Крыленко лично предлагалъ на публичныхъ собраніяхъ резолюціи, въ которыхъ требовалось осужденіе обвиняемыхъ.

„Когда мы пріѣхали въ Москву, мы были встрѣчены демонстраціей, повидимому, хорошо подготовленной; демонстранты несли знамена и плакаты съ оскорбительными для насъ надписями. По нашему адресу раздавались ругательства и угрозы. Требовали бросить насъ въ тюрьму. Правительство утверждало совершенно ложно, что настроеніе, сказавшееся противъ насъ на демонстраціи, господствуетъ во всемъ рабочемъ классѣ Москвы, и подъ этимъ предлогомъ заставило насъ поселиться въ двухъ часахъ ѣзды отъ города и приставило къ намъ нѣсколькихъ чиновниковъ для наблюденія за всей нашей дѣятельностью. Поэтому мы чувствовали себя въ Москвѣ плѣнниками, да и были ими.

„Наканунѣ процесса арестовали двухъ свидѣтелей и произвели обыскъ у одного изъ русскихъ защитниковъ. У этого защитника конфисковали на время часть его защитительнаго матеріала.

„Судъ, у котораго имѣлось въ распоряженіи 1200 входныхъ билетовъ, не далъ изъ нихъ обвиняемымъ достаточнаго числа даже для ихъ ближайшихъ родственниковъ. Почти всѣ эти билеты, несмотря на наши возраженія, были распредѣлены при помощи политическихъ и профессіональныхъ организацій коммунистовъ между надежными членами партіи и агентами Чеки. Вслѣдствіе этого въ залѣ суда происходили порою такія шумныя манифестаціи, что, въ концѣ концовъ, долженъ былъ вмѣшаться даже предсѣдатель.

„На 20-ое іюня въ годовщину смерти Володарскаго, московская коммунистическая партія организовала большую демонстрацію передъ судомъ съ лозунгомъ: „Строгое наказаніе для обвиняемыхъ". Въ самомъ зданіи суда, рядомъ съ заломъ засѣданій, была устроена выставка брошюръ и картинъ, которыя имѣли цѣлью наглядно представить мнимыя „преступленія" соціалистовъ-революціонеровъ. Въ то время, какъ тѣ изъ обвиняемыхъ, которые оспаривали всякое свое участіе въ террористическихъ актахъ, содержались въ тюрьмѣ, доносчики Семеновъ и Коноплева, которые признались въ томъ, что они убили Володарскаго и

совершили покушеніе на Ленина, — были оставлены на свободѣ. Во время перерывовъ можно было видѣть, какъ они самымъ дружескимъ образомъ разговаривали съ коммунистическими вождями, близкими партійными товарищами тѣхъ, кого они убили и на кого совершали покушеніе. На самомъ процессѣ происходили инциденты, которые вызвали въ обвиняемыхъ и въ насъ окончательное рѣшеніе оставить защиту... Берлинское соглашеніе не было соблюдено. Этимъ была отнята почва у нашей защиты. Наше дальнѣйшее пребываніе могло бы вызвать ложное впечатлѣніе, будто обѣщанія, данныя въ Берлинѣ, были сдержаны.

„Вслѣдствіе нарушенія берлинскаго соглашенія ставилось подъ вопросомъ и важнѣйшее изъ его постановленій: на процессѣ соціалистовъ-революціонеровъ исключается вынесеніе смертныхъ приговоровъ. Въ теченіе цѣлыхъ недѣль коммунисты въ печати и на собраніяхъ ведутъ кампанію, чтобы не только добиться осужденія на смерть соціалистовъ-революціонеровъ, но и исполненія смертныхъ приговоровъ. Судъ заявляетъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до берлинскаго соглашенія. Представители 3-го интернаціонала утверждаютъ, что соглашеніе порвано, и что всѣ обѣщанія 3-го интернаціонала потеряли значеніе. Если бы мы выслушивали такія заявленія, не выражая противъ нихъ немедленно же самаго рѣзкаго протеста и не обращаясь всѣми нашими силами къ международной соціалистической совѣсти, то мы подвергались бы опасности внезапно очутиться передъ совершившимся фактомъ.

„Но до этого не должно дойти! Ни при какихъ условіяхъ смертный приговоръ не пріемлемъ. Жизнь обвиняемыхъ должна быть сохранена!

„Пропасть, раздѣляющая рабочія партіи, уже затруднила всякое общее дѣйствіе противъ капитализма и реакціи. Этой пропасти не должно углублять. Если она будетъ залита кровью обвиняемыхъ эсэровъ, то черезъ нее долго нельзя будетъ переступить.

„Лозунгомъ рабочихъ партій всѣхъ странъ и всѣхъ направленій должно быть: „Да не будетъ вынесено смертнаго приговора обвиняемымъ эсэрамъ!“

Такъ изъ проституированнаго, опозореннаго зданія московскаго Трибунала процессъ соціалистовъ-революціонеровъ былъ перенесенъ на судъ мірового пролетаріата.

Три дня спустя послѣ того, какъ европейскіе соціалисты покинули Москву, отказались отъ участія въ процессѣ и русскіе защитники. Ихъ отказъ былъ вызванъ всѣмъ тѣмъ, что разыгрывалось въ стѣнахъ Трибунала и передъ его окнами 20-го іюня.

По поводу событій этого дня Муравьевъ отъ имени всей защиты первой группы обвиняемыхъ подалъ Трибуналу слѣдующее заявленіе:

„20-го іюня предсѣдательствующимъ, несмотря на нашъ протестъ и отказъ государственнаго обвинителя высказаться по формальнымъ соображеніямъ по поводу допущенія оглашенія въ залѣ засѣданія резолюцій, принятыхъ на митингѣ 20-го іюня, были допущены демонстранты, нанесшіе оскорбленія защитѣ и подсудимымъ и огласившіе резолюцію о примѣненіи высшей мѣры наказанія къ обвиняемымъ, которая была принята на митингѣ якобы отъ имени всѣхъ рабочихъ организацій Москвы и Петрограда.

„Появленіе демонстрантовъ въ залѣ суда и объявленіе ими Трибуналу резолюціи митинга нарушило нормальное теченіе процесса и предрѣшило приговоръ суда, лишивъ его законной силы, и уронило значеніе высшаго судебнаго органа республики — процессуальнымъ нарушеніемъ судебнаго разбирательства. Указанныя данныя заставляютъ защиту просить прервать процессъ и возобновить его при новомъ составѣ Трибунала и при участіи другихъ государственныхъ обвинителей".

Трибуналъ отвѣтилъ на это, что „просьба защиты о перерывѣ процесса и о самораспущеніи Трибунала не подлежитъ разсмотрѣнію, такъ какъ Трибуналъ допустилъ рабочія депутаціи на засѣданіе, вполнѣ сознавая значеніе своихъ дѣйствій".

Защита настаивала на своемъ требованіи, ссылаясь на законы совѣтской Россіи, въ которыхъ предусмотрѣнъ вопросъ о появленіи въ засѣданіи суда постороннихъ лицъ.

Въ самомъ дѣлѣ, наказъ кассаціоннымъ коллегіямъ Верховнаго Трибунала о поводахъ къ отмѣнѣ приговоровъ (см. сборникъ циркуляровъ пленума трибунала В. Ц. И. К., изд. управленія

судебнаго надзора Верх. Трибунала В. Ц. И. К., 1922 г., Москва) прямо указываетъ, что, независимо отъ содержанія кассаціонныхъ жалобъ, приговоръ подлежитъ безусловной отмѣнѣ „во всѣхъ случаяхъ допущенія къ участію въ дѣлѣ лицъ, не предусмотрѣнныхъ процессуальными нормами трибунальнаго производства, то есть, кромѣ членовъ суда, обвиняемыхъ, обвинителей и защитниковъ, свидѣтелей, экспертовъ по дѣлу, и во всѣхъ случаяхъ допущенія, въ теченіе судебнаго разбирательства, не предусмотрѣнныхъ тѣми же процессуальныии нормами моментовъ, имѣвшихъ или могшихъ имѣть вліяніе на существо приговора."

Текстъ совершенно ясенъ. Выступленіе на судѣ делегацій и обмѣнъ рѣчами между ними и членами суда, какъ справедливо отмѣтилъ это „Соціалистическій Вѣстникъ", былъ именно „моментомъ, не предусмотрѣннымъ процессуальными нормами", и столь же несомнѣнно этотъ моментъ „могъ имѣть вліяніе на существо приговора". Стало быть, даже и юридически приговоръ Верховнаго трибунала заранѣе подлежалъ безусловной отмѣнѣ.

Но законъ для большевиковъ имѣетъ не больше значенія, чѣмъ подписанныя ими обязательства: члены Трибунала лишь смѣялись надъ ссылками защитника на законъ. Муравьевъ бросилъ имъ съ гнѣвомъ: „Горе той странѣ, горе тому народу, которые съ неуваженіемъ относятся къ своимъ законамъ и смѣются надъ людьми, законъ защищающими".

Отвѣтомъ было возбужденіе противъ защитника судебнаго преслѣдованія за оскорбленіе совѣтскаго правительства!

Защитники, послѣ совѣщанія съ обвиняемыми, заявили тогда, что не могутъ дальше участвовать въ процессѣ. Верховный Трибуналъ отвѣтилъ на это постановленіемъ, которое 24-го іюня было опубликовано въ совѣтскихъ газетахъ. Вотъ это произведеніе творчества совѣтскихъ судей:

> „Только полной безграмотностью защитника Муравьева и его полнымъ непониманіемъ юридической природы суда можно объяснить ходатайство, направленное къ данному составу суда объ его самоликвидаціи. Верховный Трибуналъ съ полнымъ сознаніемъ того, что

онъ дѣлаетъ, допустилъ делегацію рабочихъ въ залъ засѣданія и самъ присутствовалъ на демонстраціи 20-го іюня. Трибуналъ дѣйствовалъ не случайно, а съ полнымъ пониманіемъ смысла и значенія своихъ дѣйствій. Трибуналъ усматриваетъ въ заявленіи защитниковъ, что подъ прикрытіемъ юридической аргументаціи ведется опредѣленная политическая борьба противъ того приговора, который будетъ вынесенъ революціоннымъ Трибуналомъ. Только полной заскорузлостью буржуазнаго мышленія Трибуналъ объясняетъ себѣ тотъ аргументъ защитника Муравьева, который былъ направленъ на то, что судъ можетъ выносить свой приговоръ лишь въ томъ случаѣ, если онъ находится подъ стекляннымъ колпакомъ. Судьи живые люди и изолировать ихъ отъ общественной жизни нельзя. Въ данномъ случаѣ, важно не то, что произошло, а какъ судъ реагировалъ на происшедшее. Трибуналъ считаетъ, что многое изъ того, что было заявлено здѣсь 20-го іюня, неправильно, но онъ заявилъ, что, можетъ быть, кое-что изъ заявленнаго правильно. Трибуналу важно было установить только два факта, которые и были засвидѣтельствованы делегаціей рабочихъ: 1) что рабочія массы поддерживаютъ совѣтскую власть и 2) что судъ дѣйствуетъ не изолированно отъ рабочихъ массъ, а въ атмосферѣ довѣрія и поддержки этихъ массъ. Поэтому предсѣдателемъ Трибунала было заявлено, что намъ цѣнны тѣ заявленія, которыя были сдѣланы демонстрантами.

„Что касается до протеста защиты противъ оскорбленій, нанесенныхъ демонстрантами подсудимымъ, то Трибуналъ заявляетъ, что рабочіе не окончили юридическаго факультета и не знаютъ правилъ хорошаго тона, почему и позволили себѣ такія выраженія, которыя не слѣдовало произносить въ залѣ засѣданія. Исходя изъ этихъ соображеній, Трибуналъ считаетъ недопустимымъ придираться къ грубымъ выраженіямъ, раздавшимся изъ устъ рабочихъ.

„Относительно пристрастности суда, то Трибуналъ еще въ первый день заявилъ, что онъ смѣется надъ лицемѣрными заявленіями буржуазныхъ странъ о томъ, что судъ долженъ стоять внѣ классовой борьбы и выносить приговоры какого то неземного безпристрастія. Поэтому опорочить приговоръ пролетарскаго классо-

ваго суда защитнику Муравьеву, можетъ быть, удастся въ какой либо другой странѣ, но не въ рабоче-крестьянскомъ государствѣ. Поэтому Верховный Трибуналъ оставляетъ заявленіе защиты безъ разсмотрѣнія и предлагаетъ ей, въ случаѣ недовольства дѣйствіями Трибунала, направить свою жалобу народному комиссаріату юстиціи и президіуму ВЦИК-а."*)

Нѣтъ надобности останавливаться на оцѣнкѣ этого документа . . .

Итакъ, защита вынуждена была покинуть Трибуналъ. Съ 23-го іюня обвиняемые остались одни лицомъ къ лицу со своими палачами.

Гендельманъ отъ имени своихъ товарищей въ этотъ же день сдѣлалъ судьямъ слѣдующее, дышащее гордой смѣлостью заявленіе:

— „Съ перваго дня процесса всѣ законныя требованія нашихъ защитниковъ неизмѣнно отклонялись Трибуналомъ и всегда сопровождались ироническими замѣчаніями. Такое поведеніе Трибунала заставило покинуть процессъ сначала иностранныхъ защитниковъ, которыхъ къ тому же буквально травили вездѣ и всюду — даже это высокое учрежденіе, именуемое Верховнымъ Революціоннымъ Трибуналомъ, не спасало ихъ отъ оскорбленій и насмѣшекъ со стороны не только откомандированной на процессъ публики, но и со стороны прокуратуры и членовъ Трибунала. Въ дальнѣйшемъ — вчера и русская защита была вынуждена сложить съ себя свои обязанности въ виду явнаго нарушенія революціоннаго закона его блюстителями.

„При такомъ положеніи едва ли нашъ процессъ можетъ быть названъ судомъ: его члены и его обвинители во время перерывовъ выступаютъ на митингахъ, устраиваемыхъ компартіей, гдѣ дѣлятся своими впечатлѣніями и заключеніями, вынесенными ими за время процесса.

„И если мы до конца остаемся здѣсь и не требуемъ отправить насъ обратно въ тюрьму, то только для того, чтобы доказать иниціаторамъ настоящаго процесса, что онъ намъ не страшенъ.

---

*) Эти высокія учрежденія уже разсмотрѣли заявленія защитниковъ и вынесли свое рѣшеніе: защитники арестованы и высылаются въ Архангельскую губернію.

„Участіе членовъ Трибунала и обвиненія на митингѣ, гдѣ была вынесена резолюція о примѣненіи къ намъ высшей мѣры наказанія, то есть смертной казни, заставляетъ насъ предполагать о солидарности нашихъ судей съ тѣми руководителями и организаторами казенной демонстраціи, которые угрозами сгоняли рабочихъ для одобренія нужной имъ резолюціи. Намъ извѣстно, что передъ демонстраціей и митингомъ 20-го іюня на фабрикахъ и заводахъ были произведены среди рабочихъ массовые аресты..."

Предсѣдатель перебилъ обвиняемаго:

— Трибуналъ ни отрицать, ни утверждать указаннаго факта участія его членовъ на митингѣ не можетъ, но проситъ доказательствъ объ арестахъ рабочихъ и о сгонѣ ихъ на демонстрацію.

Гендельманъ указываетъ:

— Массовые аресты были произведены на фабрикахъ Прохорова, Носова, Рябова, Раненберга, въ ж.-д. мастерскихъ и пр., при чемъ рабочимъ было заявлено, что если они не пойдутъ на демонстрацію, то тѣмъ самымъ признаются, что они за одно съ эсэрами, а передъ выходомъ на демонстрацію съ каждой фабрики и завода рабочіе провѣрялись по спискамъ.

Предсѣдатель вторично прерываетъ Гендельмана и требуетъ не оскорблять московскихъ рабочихъ, пошедшихъ на демонстрацію добровольно. Тогда Гендельманъ, указывая рукой на листки, имѣющіеся у нѣкоторыхъ лицъ изъ публики, заявляетъ:

— Я всегда воздерживался отъ голословныхъ утвержденій. Прошу Трибуналъ разсмотрѣть выпущенное московскими рабочими воззваніе, протестующее противъ оперированія ихъ именемъ въ резолюціи, вынесенной 20-го іюня.

Предсѣдатель спрашиваетъ Гендельмана:

— Больше вы ничего не можете добавить?

Гендельманъ:

— Мнѣ кажется, ко всему мною сказанному и указанному вообще трудно что либо добавить — и такъ все ясно*).

Да, все было ясно. „Судъ" продолжался.

---

*) Передаю эту сцену по отчету „Голоса Россіи".

7. Въ чемъ ихъ обвиняли.

Вандервельде въ слѣдующихъ словахъ резюмировалъ политическое и юридическое содержаніе московскаго процесса:

„Большевики выставили противъ эсэровъ четыре обвиненія:

1. — эсэры съ оружіемъ въ рукахъ защищали Временное Правительство.

Эсэры признаютъ этотъ фактъ и гордятся этимъ.

2. — эсэры съ оружіемъ въ рукахъ защищали Учредительное Собраніе.

Эсэры признаютъ это и жалѣютъ, что имъ этой защиты не удалось довести до конца.

3. — эсэры вели вооруженную борьбу съ совѣтской властью.

Эсэры признаютъ, что это несомнѣнно историческій фактъ. Но всѣ три обвиненія теперь падаютъ, такъ какъ совѣтская властъ издала по этимъ дѣяніямъ актъ объ амнистіи и даже легализировала партію.

4. — эсэры принимали участіе въ убійствѣ Володарскаго и въ покушеніи на Ленина.

Но этому нѣтъ ни одного доказательства, ни одного свидѣтеля, — кромѣ признаній провокаторовъ Семенова и Коноплевой, словамъ которыхъ никто не вѣритъ."

Первыя три обвиненія относятся къ участію партіи соціалистовъ - революціонеровъ въ гражданской войнѣ за время отъ конца 1917 года до начала 1919 г.

Эта гражданская война была начата б о л ь ш е в и к а м и, которые путемъ заговора захватили въ октябрѣ 1917 г. власть, разогнали всенародное Учредительное Собраніе, отвергли всѣ предложенія соціалистическихъ партій объ единомъ фронтѣ. Поэтому на коммунистической партіи лежитъ вся отвѣтственность за пролитую въ ходѣ этой войны кровь крестьянъ и рабочихъ.

Память у большевиковъ не настолько коротка, чтобъ они могли забыть, какъ Ленинъ у ж е в ъ а п р ѣ л ѣ 1917 г. призывалъ рабочихъ къ гражданской войнѣ. Это было его первое слово послѣ переѣзда русской границы. Большевики помнятъ, какъ въ і ю л ѣ т о г о ж е г о д а двигались по улицамъ Петрограда и х ъ грузовики съ воору-

женными людьми, съ пулеметами и съ плакатомъ: „Да здравствуетъ гражданская война!“ Они помнятъ, какія усилія прилагали въ то время соціалисты-революціонеры и меньшевики, чтобы спасти единство демократіи, чтобы предупредить братоубійственную войну въ ея средѣ. Какое же право имѣютъ эти люди обвинять теперь соціалистовъ-революціонеровъ за то, что тѣ участвовали въ гражданской войнѣ, защищая Временное Правительство и Учредительное Собраніе?

Можно какъ угодно оцѣнивать политику Временнаго Правительства перваго періода россійской революціи. Какъ угодно можно оцѣнивать и лежавшую въ основѣ этой политики идею коалиціи соціалистовъ съ буржуазно-демократическими элементами. Но одно ни въ комъ не можетъ вызывать ни малѣйшаго сомнѣнія: что партія, делегировавшая въ составъ правительства своихъ членовъ, не только имѣла право, но была о б я з а н а всѣми силами защищать его противъ посягательствъ заговорщиковъ-путчистовъ, каковыми были большевики, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи штыки, но не имѣвшіе за собой большинства народа.

Точно также по разному можно смотрѣть на принципы народовластія и на Учредительное Собраніе, являющееся воплощеніемъ этихъ принциповъ. Но ясно, что партія, стоящая на почвѣ народовластія и получившая при всенародномъ голосованіи большинство голосовъ, была о б я з а н а исчерпать всѣ средства для защиты Учредительнаго Собранія отъ насильственныхъ посягательствъ на его суверенныя права.

А гражданская война и Волжскій фронтъ весны 1918 г. явились историческимъ продолженіемъ защиты Учредительнаго Собранія, той защиты, которую большевики такъ легко сломили въ январѣ 1918 г. И опять таки, можно по разному оцѣнивать политику партіи соціалистовъ-революціонеровъ въ этотъ періодъ; можно осуждать линію поведенія, которой слѣдовали въ это время отдѣльные члены партіи, входившіе въ составъ правительства, руководившаго борьбой на Волжскомъ фронтѣ и въ Сибири (такъ называемой „Директоріи“), — но это — вопросъ п о л и т и ч е с к о й или и с т о р и ч е с к о й оцѣнки, вопросъ, который ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть подмѣненъ вопросомъ объ ю р и д и ч е с к о й, судебной отвѣтственности партіи, защищавшей въ ходѣ гражданской войны

идею народовластія, передъ партіей, затѣявшей эту войну ради утвержденія своей диктатуры.

Съ точки зрѣнія юридической вопросъ исчерпывается тѣмъ, что послѣ рѣшенія партіи соціалистовъ-революціонеровъ отказаться отъ вооруженной борьбы съ совѣтской властью — рѣшенія, окончательно утвержденнаго совѣтомъ партіи въ февралѣ 1919 года, — большевистское правительство объявило амнистію всѣмъ членамъ партіи, участвовавшимъ въ гражданской войнѣ.

Партія была вслѣдъ за этимъ легализована и получила даже возможность издавать въ Москвѣ свой органъ.

Правда, этотъ органъ былъ закрытъ на десятомъ номерѣ; правда, двѣ недѣли спустя послѣ легализаціи партіи начались массовые аресты ея членовъ; правда, въ томъ же 1919 году партіи пришлось вновь уйти въ подполье, — но въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ оставалось все же безспорнымъ, что амнистія, объявленная совѣтскимъ правительствомъ, исключаетъ всякую возможность судебнаго преслѣдованія за дѣянія, покрытыя этимъ актомъ.

И вотъ теперь, въ 1922 году, большевистскій судъ подымаетъ вновь эти старыя дѣла.

Побѣдители гражданской войны, захватчики власти судятъ, какъ мятежниковъ, тѣхъ людей, которые пытались $4-4^1/_2$ года тому назадъ защитить народныхъ избранниковъ отъ насилія! Судятъ ихъ въ нарушеніе собственнаго закона, въ нарушеніе собственной клятвы, — ибо актъ объ амнистіи является одновременно и закономъ, и клятвеннымъ обѣщаніемъ!

Повидимому, большевики сами чувствовали невозможность подобнаго суда. Но совѣтскіе юристы нашли выходъ изъ положенія и внесли въ обвинительный актъ по дѣлу соціалистовъ-революціонеровъ слѣдующія соображенія:

„Члены Центральнаго Комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ руководили контръ-революціонной дѣятельностью партіи с.-р. по подготовкѣ вооруженнаго свержения совѣтской власти, какъ до амнистіи 1919 года, такъ и послѣ указанной амнистіи, въ силу чего, согласно точному смыслу амнистіи, таковая на нихъ распространена быть не можетъ."

Справедливую отповѣдь творцамъ этого толкованія далъ въ „Соціалистическомъ Вѣстникѣ“ Мартовъ:

„Отцы-іезуиты, — писалъ онъ, — во истину, „мальчишки и щенки“ въ сравненіи съ коммунистическими казуистами. Воображаемъ, какой взрывъ негодованія поднялся бы въ Коминтернѣ, если бы какое-нибудь буржуазное правительство попыталось истолковать данную имъ коммунистамъ амнистію въ томъ смыслѣ, что она распространяется лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые, будучи освобождены, не возобновили своей прежней дѣятельности по борьбѣ съ буржуазіей! Даже царское правительство, амнистировавъ насъ въ октябрѣ 1905 года, не придумало послѣ посадить насъ обратно въ казематы для наказанія за старыя „преступленія“ на томъ основаніи, что мы занялись новыми!“

Но сами обвиняемые въ московскомъ процессѣ не пользовались этимъ мѣткимъ и сильнымъ аргументомъ: согласно своему пониманію политическаго смысла процесса, они не хотѣли формально-юридическими доводами парировать направленные противъ нихъ удары и предпочитали отвѣчать на нихъ ссылками на свой революціонный долгъ.

Такъ, Гоцъ, въ отвѣтъ на запросъ предсѣдателя, имѣетъ ли онъ что-нибудь добавить къ обвинительному акту, заявилъ:

„Какъ членъ Ц. К. партіи, пославшей своихъ членовъ во Временное Правительство, обязанный поддерживать послѣднее и всегда бывшій въ курсѣ правительственныхъ рѣшеній, я принимаю на себя всю отвѣтственность за вооруженное выступленіе въ октябрѣ 1917 г. Другого исхода для Центральнаго Комитета быть не могло, тѣмъ болѣе, что наши политическіе противники во время борьбы съ нами въ октябрѣ выкинули народнымъ массамъ лозунгъ: „миръ во что бы то ни стало“!

„Послѣ октябрьскаго переворота мы считали своимъ прямымъ долгомъ передъ родиной начать вооруженную борьбу съ захватчиками власти, подписавшими позорныя условія Брестъ-Литовскаго соглашенія и готовыми на дальнѣйшія уступки, ведущія къ порабощенію русскаго народа, только что сбросившаго съ себя оковы самодержавной власти.“

Эта позиція обвиняемыхъ сдѣлала безцѣльными и жалкими попытки обвиненія „разоблачить" борьбу соціалистовъ-революціонеровъ противъ совѣтской власти. И потому кремлевская прокуратура перенесла свое вниманіе съ общаго вопроса о гражданской войнѣ на частный вопросъ о сношеніяхъ соціалистовъ-революціонеровъ, во время гражданской войны, съ иностранными миссіями.

Отвѣтъ на эти обвиненія далъ Тимофеевъ въ своихъ объясненіяхъ по поводу обвинительнаго акта:

„Выставленныя противъ насъ обвиненія въ сношеніяхъ съ иностранными державами и полученіи отъ нихъ военной и финансовой помощи въ 1917 году слѣдуетъ адресовать Временному Правительству, признанному всѣмъ русскимъ народомъ, въ составъ котораго, на правахъ членовъ правительства, входили члены нашей партіи. Это правительство стояло на стражѣ соблюденія договоровъ и обязательствъ съ союзниками, и члены нашей партіи, входившіе въ его составъ, считали охраненіе чести русскаго народа и насущныхъ интересовъ Родины своими высшими обязательствами. Они признавали необходимымъ дальнѣйшее участіе Россіи въ міровой войнѣ, надѣясь, исходя изъ своихъ соціалистическихъ идей мира, добиться при будущихъ переговорахъ пріемлемыхъ для Россіи условій. Заключенный въ 1918 году Брестъ-Литовскій договоръ вызвалъ дальнѣйшее сотрудничество съ союзниками, необходимое для спасенія Родины отъ германскаго имперіализма, поддерживаемаго совѣтской властью. Нашъ контактъ съ союзниками продолжался до германской революціи."

Показанія свидѣтелей, прошедшихъ передъ судомъ, въ полной мѣрѣ подтвердили эти объясненія.

Единственной опорой обвиненія въ этомъ пунктѣ остались голословныя утвержденія предателей-перебѣжчиковъ. Но и они не могли привести ни одного существеннаго факта и лишь ссылались другъ на друга, какъ на первоисточникъ освѣдомленія.

Тринадцать засѣданій Трибуналъ посвятилъ на уличеніе соціалистовъ-революціонеровъ въ террористическихъ актахъ противъ представителей совѣтской власти. Конкретно рѣчь шла о двухъ актахъ, — объ убійствѣ Володарскаго 20 іюня 1918 г. и о покушеніи на Ленина въ сентябрѣ того же года.

Относительно перваго террористическаго акта съ полной точностью установлено, что это убійство было совершено рабочимъ Сергѣевымъ, входившимъ въ Семенов-

скій отрядъ, и что Центральный Комитетъ партій не только не санкціонировалъ этого акта, но отнесся къ нему съ самымъ рѣзкимъ осужденіемъ.

Что же касается до покушенія на Ленина, то оно было совершенно безъ вѣдома партіи экзальтированной дѣвушкой Дорой Капланъ, бывшей анархисткой, чуть ли не наканунѣ покушенія вступившей въ партію соціалистовъ-революціонеровъ, доведенной до изступленія зрѣлищемъ звѣрствъ большевизма и мечтавшей своей смертью купить русскому народу освобожденіе отъ ярма диктатуры. На выстрѣлъ Доры Капланъ большевики отвѣтили массовыми убійствами заложниковъ. Тысячи ни въ чемъ неповинныхъ людей были перебиты и звѣрски замучены.

Но эта груда труповъ показалась главарямъ большевизма недостаточно высокой. И вотъ, четыре года спустя, выдвигается вопросъ объ отвѣтственности партіи соціалистовъ-революціонеровъ за этотъ роковой выстрѣлъ Доры Капланъ.

Доказать прямо связь партіи съ этимъ дѣломъ, разумѣется, невозможно. Но пускаются въ ходъ косвенныя улики: партія обсуждала вопросъ о террорѣ, сочувствовала террористическимъ актамъ, была склонна приступить къ террористической борьбѣ...

Въ самомъ началѣ процесса Гоцъ заявилъ:

„Что касается предъявленныхъ мнѣ, какъ члену Центральнаго Комитета, обвиненій въ санкціи отдѣльныхъ выступленій нѣкоторыхъ членовъ партіи, покушавшихся на жизнь вождей нашихъ политическихъ противниковъ, то эти обвиненія я отвергаю, какъ необоснованныя, неимѣющія фактическихъ данныхъ и построенныя исключительно на голословныхъ показаніяхъ, данныхъ бывшими членами нашей партіи при переходѣ ихъ въ коммунистическую партію. Такія выступленія рѣзко расходятся съ постановленіями Центральнаго Комитета."

По вопросу объ обсужденіи партіей вопроса о террористической борьбѣ противъ большевиковъ, Тимофеевъ привелъ слѣдующую справку:

„Первый разъ Ц. К. обсуждалъ вопросъ о террорѣ въ серединѣ января 1918 г., но абсолютнымъ большинствомъ вопросъ былъ снятъ съ очереди. Второй разъ тотъ же вопросъ былъ поднятъ въ январѣ, и въ третій разъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ, и всегда рѣшался отрицательно тѣмъ же абсолютнымъ большинствомъ."

Но почему же этотъ вопросъ снова и снова вставалъ передъ партіей?

Свидѣтельскія показанія съ полной несомнѣнностью доказали, что всѣ террористическіе планы исходили отъ Семенова и Коноплевой, и что этой же четой провокаторовъ и завербованными и обманутыми ею людьми, безъ вѣдома партійнаго центра, были совершены тѣ дѣйствія, отвѣтственность за которыя большевики хотѣли взвалить на партію соціалистовъ-революціонеровъ. Это былъ рѣшительный провалъ главнаго пункта обвиненія.

Тогда большевики выдвинули противъ подсудимыхъ новое обвиненіе — принялись судить ихъ за дѣянія парижскаго „внѣпартійнаго объединенія".

Это новое обвиненіе большевики основывали на документахъ, выкраденныхъ монархистами изъ парижскаго архива руководящаго центра названной организаціи.

Когда большевистскій прокуроръ Крыленко возбудилъ передъ Трибуналомъ вопросъ о пріобщеніи къ дѣлу полученнаго матеріала, Гоцъ отъ имени обвиняемыхъ заявилъ:

„Мы, обвиняемые, члены Ц. К., не разъ заявляли Трибуналу, что принимаемъ на себя всю отвѣтственность за дѣйствія всѣхъ группъ партіи, поскольку эта дѣятельность имѣла мѣсто въ Россіи, а также отвѣчаемъ за всѣ выступленія нашей заграничной делегаціи въ настоящее время. Что же касается предъявленія намъ Трибуналомъ совершенно новыхъ, сомнительнаго происхожденія документовъ, освѣщающихъ якобы дѣятельность какихъ то группъ, которыя выступали заграницей отъ имени нашей партіи и, по мнѣнію государственнаго обвинителя, были тѣсно связаны съ нашей работой, мы заявляемъ Трибуналу, что принять на себя отвѣтственность за неизвѣстную намъ дѣятельность неизвѣстныхъ намъ лицъ — мы не можемъ, а потому ходатайствуемъ объ изъятіи полученныхъ документовъ изъ судебнаго производства, какъ не имѣющихъ прямого отношенія къ приписываемымъ намъ обвиненіямъ."

Судъ отказалъ обвиняемымъ въ ихъ ходатайствѣ. Документы были пріобщены къ дѣлу. Съ вопроса о томъ, что дѣлали въ Россіи Гоцъ, Тимофеевъ и другіе обвиняемые, Трибуналъ перешелъ, такимъ образомъ, къ вопросу о томъ, что дѣлали третьи лица въ Парижѣ въ то время, какъ обвиняемые томились въ тюрьмѣ.

Тогда Гоцъ обратился къ суду съ новымъ заявленіемъ:

„Подсудимые первой группы поручили мнѣ передать Трибуналу, что они отказываются участвовать въ обсужденіи новыхъ документовъ и просятъ Трибуналъ избавить ихъ отъ присутствія въ залѣ засѣданія при оглашеніи и обсужденіи этихъ документовъ".

Эта просьба подсудимыхъ была удовлетворена. Имъ предоставлено было покинуть залъ, и судьи безъ нихъ занялись разсмотрѣніемъ доставленныхъ изъ Парижа бумагъ.

Что это за бумаги? Что представляло собой „безпартійное объединеніе", и какое отношеніе имѣютъ къ этой организаціи московскіе узники совѣтской власти?

На эти вопросы отвѣчаетъ опубликованное 14-го іюля заявленіе заграничной делегаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ:

Большевики совмѣстно съ монархистами выкрали нѣкоторые документы изъ парижскаго архива бывшаго Административнаго Центра Внѣпартійнаго Демократическаго Объединенія. Крыленко черезъ нѣсколько дней послѣ кражи передалъ часть этихъ документовъ „ревтрибуналу", прося пріобщить ихъ къ дѣлу о членахъ Ц. К. ПСР. Большевистскій судъ, несмотря на протесты обвиняемыхъ, удовлетворилъ это ходатайство.

„Заграничная делегація ПСР заявляетъ:

„1. Ни одинъ изъ членовъ партіи с.-р. обвиняемыхъ на московскомъ процессѣ не принадлежалъ къ заграничному безпартійному объединенію.

„2. Во время дѣятельности этого объединенія (1920-21 г.г.) обвиняемые находились въ тюрьмѣ.

„3. Дѣятельность объединенія протекала заграницей и, какъ явствуетъ изъ декларацiи Административнаго Центра, опубликованной годъ тому назадъ въ газетѣ „Воля Россіи", заключалась въ содѣйствіи объединенію силъ революціонной демократіи, въ созданіи и поддержкѣ органовъ печати, ставящихъ своей задачей борьбу съ интервенціей и бѣлой и большевистской диктатурами, и въ освѣдомленіи въ духѣ этихъ задачъ европейскаго общественнаго мнѣнія.

„4. Отдѣльные члены партіи с.-р., находящіеся заграницей, входили въ это объединеніе и принимали участіе въ такихъ созданныхъ имъ или пользовавшихся его поддержкой органахъ, какъ „Воля Россіи" и

„Пуръ ля Руси", которые, не будучи партійными, ни въ чемъ не расходились, однако, съ политическими директивами партіи.

„5. Административный Центръ этой внѣпартійной организаціи не находился ни въ какой зависимости отъ партійныхъ центровъ и дѣйствовалъ внѣ контроля партіи, которая поэтому никакой политической отвѣтственности за его дѣйствія нести не можетъ.

„6. Попытка „уличить" партію с. р. въ организаціи возстаній на основаніи выкраденной у заграничнаго внѣпартійнаго объединенія информаціонной и административной переписки (не говоря уже объ уголовныхъ пріемахъ добыванія документовъ для обвиненія и о нелѣпости самой попытки установить связь между организаціей даннаго типа и мѣстными возстаніями въ Россіи) свидѣтельствуетъ лишь о полномъ безсиліи большевистскихъ прокуроровъ найти въ полицейскихъ доносахъ и провокаторскихъ показаніяхъ достаточный матеріалъ для обоснованія заготовленнаго заранѣе приговора.

„Партія с.-р. не намѣрена уклоняться отъ исторической и политической отвѣтственности за всю ту борьбу, которую она вела и ведетъ противъ большевистской и бѣлогвардейской диктатуръ, въ томъ числѣ и за тотъ періодъ ея, когда она подымала оружіе на защиту народовластія. Но она съ презрѣніемъ отметаетъ полицейскія попытки навязать ей отвѣтственность за дѣйствія, въ которыхъ она не принимала и не принимаетъ участія."

Я не буду останавливаться здѣсь на разсмотрѣніи по существу украденныхъ изъ парижскаго архива документовъ, не буду оцѣнивать дѣятельность „внѣпартійнаго объединенія". Ибо я говорю здѣсь не о преимуществахъ той или иной доктрины, той или иной тактики, а о двѣнадцати смертникахъ. И возможны ли два мнѣнія о судѣ, который изрекъ имъ смертный приговоръ за дѣйствія организаціи, въ которую они, обвиняемые, не входили, о которой они знали лишь по смутнымъ слухамъ, и на которую они не могли оказывать ни малѣйшаго вліянія!

Но чтобы оцѣнить въ полной мѣрѣ этотъ моментъ московскаго процесса, нужно припомнить еще, что люди,

сидѣвшіе на скамьѣ подсудимыхъ, давно уже, задолго до начала процесса, открыто и со всей рѣшительностью выступили противъ тенденцій парижскаго „внѣпартійнаго объединенія“ и примыкающаго къ нему „совѣщанія членовъ Учредительнаго Собранія“ — я имѣю въ виду опубликованное въ № 14—15 „Революціонной Россіи“ (ноябрь — декабрь 1921 г.) письмо „къ зарубежнымъ товарищамъ“, подписанное Тимофеевымъ, Гендельманомъ, Гоцемъ, Донскимъ, Б. Ивановымъ, Лихачемъ, Раковымъ, Евгеніей Ратнеръ и другими.

„Въ чемъ на нашъ взглядъ состоитъ основная задача зарубежныхъ представителей партіи? — писали товарищамъ заключенные въ Бутырской тюрьмѣ соціалисты-революціонеры: Въ томъ, чтобы связать ту борьбу, которую ведетъ наша партія, какъ партія соціалистическая и революціонная, въ Россіи, съ борьбой международнаго рабочаго класса. Знакомить европейское соціалистическое мнѣніе съ уроками русской революціи, съ опытомъ русскихъ соціалистическихъ партій, съ ихъ ошибками, пораженіями и побѣдами, съ одной стороны, и съ другой — интернаціонализировать нашу борьбу съ диктатурой большевистской партіи, пріобщать, вовлекать въ нее рабочій классъ всѣхъ странъ, подкрѣплять усилія нашихъ организацій, борющихся въ неимовѣрно тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, моральной и идейной поддержкой международнаго рабочаго класса — вотъ на что должно быть устремлено главное вниманіе нашихъ зарубежныхъ товарищей, долженствующихъ всегда помнить, что наша партія является лишь однимъ изъ отрядовъ международнаго рабочаго класса. И съ этой точки зрѣнія мы самымъ рѣшительнымъ образомъ отметаемъ всѣ попытки „великодержавной“ политики, которой такъ увлекаются нѣкоторые изъ заграничныхъ товарищей. Какія бы широкія перспективы въ будущемъ ни открывались предъ нашей партіей, какія бы заманчивыя дали ни рисовались въ воображеніи отдѣльныхъ ея руководителей, — надо помнить постоянно о нашемъ — увы — скромномъ настоящемъ. Здѣсь не должно быть мѣста никакимъ иллюзіямъ, самообольщеніямъ, „насъ возвышающимъ обманамъ.“ Съ одной стороны, загнанная въ подполье, израненная, жестоко-преслѣдуемая партія, а съ другой, распылен-

ныя, усталыя, истекающія кровью народныя массы — такова дѣйствительность. Въ этихъ условіяхъ было бы непоправимой ошибкой отрывать партію отъ той единственно правильной работы собиранія, накопленія, воспитанія народныхъ массъ въ процессѣ напряженной политической борьбы противъ диктатуры большевистской власти, которой заняты въ Россіи всѣ активные ея элементы.

„Въ этой борьбѣ у русскихъ соціалистическихъ партій и русскихъ трудящихся массъ — одинъ только союзникъ въ Европѣ и Америкѣ: это международный рабочій классъ. И въ эту сторону должны быть направлены всѣ усилія нашихъ зарубежныхъ товарищей. Всѣ демарши передъ европейскими правительствами и такъ называемыми „серьезными" кругами, предпринимаемые отдѣльными товарищами, опирающимися либо на свой личный авторитетъ, связанный съ дѣятельностью въ прошломъ, либо на надежды, возлагаемыя тѣми или иными западно-европейскими правительствами и кругами на партію соціалистовъ-революціонеровъ въ связи съ ея ролью въ будущемъ, — не только не способны облегчить ту трудную задачу по борьбѣ съ большевистской диктатурой, которую возложила исторія на плечи нашей партіи, но, наоборотъ, лишь запутываютъ положеніе, затемняютъ нашу линію, отбрасываютъ отъ насъ европейскія соціалистическія партіи и широкія народныя массы и этимъ самымъ затрудняютъ и безъ того трудную борьбу съ большевистской властью. Изоляція большевизма въ международномъ рабочемъ движеніи, — вотъ первая и основная задача, стоящая передъ зарубежными представителями партіи. Тактика же нѣкоторыхъ изъ в а с ъ приводитъ лишь къ изоляціи партіи отъ международнаго рабочаго движенія. Если партіи соціалистовъ-революціонеровъ волею трудящихся массъ суждено будетъ снова стать во главѣ русской революціи, — тогда она, въ мѣру реальныхъ силъ, представляемой ею государственной власти, сумѣетъ установить съ западно-европейскими правительствами отношенія, соотвѣтствующія интересамъ государства и народа. Но такое предвосхищеніе грядущихъ событій, безполезное для будущаго, для настоящаго только вредно, отвлекая вниманіе товарищей — повторяемъ — отъ единственной задачи,

стоящей передъ ними, — установленія тѣсной идейной и организаціонной связи между партіей соціалистовъ-революціонеровъ и международнымъ рабочимъ классомъ.

„Ту же подстановку партійной работы заграницей фиктивнымъ государственнымъ представительствомъ должны мы отмѣтить и въ другомъ вопросѣ, продолжающемъ волновать умы дѣйствующихъ товарищей въ Россіи, въ вопросѣ о такъ называемомъ Парижскомъ Совѣщаніи. Партія въ лицѣ X Совѣта уже достаточно отчетливо высказала свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ и въ цѣломъ рѣшительно и безповоротно осудила все это начинаніе, какъ безпочвенную затѣю группы лицъ, никѣмъ не управомоченныхъ, никого не представляющихъ, ни на кого не опирающихся. Уже тотъ фактъ, что партія въ этомъ вопросѣ со столь поразительнымъ единодушіемъ отвернулась отъ столь многихъ заслуженныхъ своихъ вождей и не постѣснялась дезавуировать ихъ передъ лицомъ соціалистическаго европейскаго общественнаго мнѣнія, — уже одно это должно было дать понять всѣмъ участникамъ этого злополучнаго совѣщанія, на сколько ихъ предпріятіе въ корнѣ противорѣчитъ всей политикѣ партіи и бьетъ по интересамъ русской революціи. Не боязнь демагогической травли большевистской прессы, какъ повидимому склонны думать вы, — а сознаніе опасности, которая грозитъ срывомъ основной линіи, съ такимъ трудомъ вырабатываемой сейчасъ партіей, — вотъ та единственная причина, которая заставляетъ сейчасъ всѣхъ членовъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, работающихъ въ Россіи, и ея руководящіе органы съ такимъ единодушіемъ и настойчивостью требовать отъ зарубежныхъ товарищей ликвидаціи всего парижскаго начинанія. И если на одну чашку вѣсовъ положить м и ѳ и ч е с к і я политическія выгоды, вытекающія изъ коалиціи или блока съ группой Милюкова, являющейся, по вашимъ же словамъ, „жалкимъ осколкомъ кадетской партіи", никого не представляющей, а на другую р е а л ь н ы я о п а с н о с т и, связанныя для дѣла единства партіи съ дальнѣйшимъ упорствованіемъ въ курсѣ политики, намѣченномъ нѣкоторыми изъ зарубежныхъ товарищей, намъ думается, что выборъ для каждаго, дорожащаго интересами партіи, не труденъ.

„Изъ очерченной выше концепціи, вытекаетъ для зарубежныхъ представителей партіи только одна позиція по отношенію къ западно-европейскому и американскому правительствамъ, — неустанная борьба со всякаго рода интервенціонистскими поползновеніями въ скрытой или явной формѣ.

„Высшей инстанціей въ рѣшеніи вопросовъ тактики являются потребности текущаго момента. А если бы вы болѣе внимательно отнеслись ко всѣмъ указаніямъ, исходящимъ отъ товарищей, работающихъ въ Россіи, то вы легко согласились бы съ нами, что не коалиція или блокъ съ „осколками партіи", представляющей въ Россіи въ данный политическій моментъ лишь ирреальныя величины, а соглашеніе съ соціалъ-демократами меньшевиками съ цѣлью координаціи политической борьбы и установленія единаго развернутаго демократически-соціалистическаго фронта — вотъ, что стоитъ р е а л ь н о въ порядкѣ сегодняшняго дня. И, несмотря на рядъ значительныхъ расхожденій въ позиціи нашей партіи съ партіей с.-д. меньшевиковъ, объединенное наступленіе по отдѣльнымъ вопросамъ двухъ делегацій передъ лицомъ международнаго рабочаго класса мы считали бы наиболѣе цѣлесообразной защитой интересовъ русской революціи на Западѣ. Подобное болѣе тѣсное координированіе съ заграничной делегаціей с.-д. меньшевиковъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большую реальность, чѣмъ быстрѣе происходитъ среди с.-д. меньшевиковъ процессъ изживанія подъ ударами „упрямыхъ" фактовъ русской дѣйствительности и большевистской практики утопическихъ представленій о соціалистическомъ характерѣ русской революціи въ д а н н о й е я б о л ь ш е в и с т с к о й с т а д і и и мечтаній о возможности мирнаго перерожденія „кремлевской диктатуры" въ „рабоче-крестьянскую демократію".

„Таковы, по нашимъ убѣжденіямъ, задачи, стоящія сейчасъ передъ зарубежными представителями партіи. Мы считаемъ своимъ долгомъ высказать свое мнѣніе со всей рѣшительностью и рѣзкостью, чтобы устранить почву для всякой неясности и недоговоренности. Мы никогда не считали возможнымъ посягать на безспорное признаніе въ нашей партіи права свободнаго высказыванія своихъ воззрѣній. Партія с.-р.

никогда не страдала порокомъ догматизма и сектантской непримиримостью. Но никогда еще партія не нуждалась такъ въ единствѣ дѣйствія, въ сплоченности, сомкнутости рядовъ, какъ сейчасъ. Преодолѣніе большевистской диктатуры, поставленное въ порядокъ дня всѣмъ ходомъ событій русской революціи и выдвинутое въ качествѣ тактическаго задания Х-мъ совѣтомъ партіи, требуетъ отъ партіи с.-р. огромнаго напряженія всѣхъ силъ, выдержанности и методичности работы, ликвидаціи въ ея рядахъ шатанія и колебаній, прекращенія междоусобной борьбы внутри ея. Таковъ единодушный голосъ всѣхъ товарищей съ „передовыхъ позицій" революціи. Прислушайтесь къ нему."

Авторовъ этого письма большевики осмѣлились обвинять въ интригахъ съ Антантой, въ подготовкѣ интервенціи, въ поддержкѣ блокады вокругъ Россіи! Этихъ людей они приговорили къ смертной казни за тѣ самыя дѣйствія, которымъ подсудимые дали въ цитируемомъ документѣ столь полную критику съ точки зрѣнія революціоннаго соціализма!

Впрочемъ, будемъ справедливы къ большевикамъ! Не будемъ представлять московскихъ судей глупѣе, наивнѣе, чѣмъ они суть на самомъ дѣлѣ.

Не за гражданскую войну, покрытую амнистіей, осудили они соціалистовъ-революціонеровъ, и не за террористическіе акты и грабежи, совершенные Семеновымъ и Коноплевой, и не за документы, выкраденные въ Парижѣ монархистами. Нѣтъ! Они приговорили обвиняемыхъ къ смерти за то, что тѣ, сидя на скамьѣ подсудимыхъ, оставались грозными обвинителями совѣтскаго самодержавія.

Можетъ быть, заявленія обвиняемыхъ, приведенныя на предыдущихъ страницахъ, уже пріоткрыли передъ читателемъ души этихъ людей. Но я хотѣлъ бы представить здѣсь ихъ образъ полнѣе и ярче. И можно ли сдѣлать это лучше, чѣмъ воспроизведя ихъ письма, ихъ слова, ихъ рѣчи?

Вотъ, что писали обвиняемые своимъ иностраннымъ защитникамъ на другой день послѣ описанной выше демонстраціи у Виндавскаго вокзала:

„Дорогіе товарищи! Съ тяжелымъ чувствомъ мы узнали, что кампанія клеветы и заушеній, поднятая противъ васъ всей большевистской прессой, привела къ тому, къ чему она должна была неизбѣжно привести: къ дикимъ сценамъ, разыгравшимся около вокзала въ моментъ вашего пріѣзда въ Москву. Раболѣпно привѣтствуя въ свое время представителей германскаго имперіализма графа Мирбаха и Гельфериха въ „красной" Москвѣ и расцѣнивая ихъ пріѣздъ, какъ „побѣду революціи", большевики нынѣ въ прибытіи представителей международнаго соціализма усматриваютъ оскорбленіе русскаго рабочаго класса... Русскій рабочій классъ такъ же мало повиненъ въ этихъ отвратительныхъ эксцессахъ, какъ мало повиненъ и въ той политикѣ кроваваго террора и насилія, которую ведетъ большевистское правительство, кощунственно прикрываясь именемъ рабочихъ и крестьянъ.

„Инсценировка „народнаго негодованія" съ помощью платныхъ агентовъ чрезвычаекъ и комъячеекъ настолько очевидна, что она врядъ ли кого способна ввести въ заблужденіе даже изъ лицъ, мало знакомыхъ со всѣми методами и пріемами большевистскаго властвованія.

„Подобные факты, безсильные въ какой бы то ни было мѣрѣ оскорбить васъ, старыхъ испытанныхъ вождей международнаго пролетаріата, обрушиваются всей тяжестью позора лишь на подлинныхъ организаторовъ — Центр. Ком. Росс. Ком. Партіи, лишній разъ свидѣтельствуя передъ лицомъ всего мірового соціализма, что нѣтъ тѣхъ безчестныхъ средствъ, передъ которыми останавливались бы большевики въ борьбѣ со своими противниками. „Народное негодованіе", инсценируемое агентами чека, такъ же мало выражаетъ подлинное настроеніе русскихъ широкихъ народныхъ массъ, какъ мало пышные военные парады, устраиваемые въ честь третьяго интернаціонала, свидѣтельствуютъ о приверженности русскаго пролетаріата и крестьянства идеямъ большевистскаго коммунизма. Къ подобнаго рода „народнымъ" движеніямъ мы уже привыкли со временъ самодержавія, когда царская полиція съ такимъ же успѣхомъ, какъ нынѣшняя большевистская чрезвычайка, инсценировала вѣрноподданическій восторгъ и негодованіе противъ соціалистовъ.

„Но въ большевистскихъ эксцессахъ, связанныхъ съ вашимъ пріѣздомъ, было нѣчто такое, что заставляетъ насъ, слишкомъ хорошо знакомыхъ съ практикой большевистской власти, поднять свой предостерегающій голосъ. Къ обычнымъ пріемамъ коммунистической партіи — клеветѣ, лжи, инсинуаціямъ — прибавились и откровенные призывы къ самосуду уличной толпы. Иначе мы не можемъ расцѣнивать резолюціи, принимаемыя комъячейками, якобы отъ имени рабочихъ отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ, съ требованіемъ безпощадной расправы надъ членами партіи соціалистовъ-революціонеровъ, привлеченными къ суду, и ихъ защитниками — представителями второго и вѣнскаго интернаціоналовъ, и циничныя кровожадныя пѣсенки, спеціально изготовленныя казенными поэтами къ вашему пріѣзду. У насъ нѣтъ увѣренности, что къ моменту суда эти сцены въ увеличенномъ масштабѣ вновь не будутъ имѣть мѣста. Мы, плѣнники большевистской власти, давно уже свыклись съ мыслью о возможности расправы надъ нами, въ видѣ инсценированнаго чекой самосуда. Но мы чувствуемъ себя не въ правѣ подвергать той же опасности и васъ, вождей международнаго пролетаріата. И если власть не откажется немедленно отъ травли противъ васъ, грозящей вылиться въ форму самосуда, и не прекратитъ инсценировки уличныхъ сценъ, мнимаго „народнаго негодованія“, — мы готовы скорѣе лишиться васъ, какъ защитниковъ въ предстоящемъ процессѣ, нежели подвергать международный соціалистическій пролетаріатъ опасности гибели, въ настоящій напряженный моментъ борьбы мірового капитала съ соціализмомъ, его наиболѣе выдающихся вождей.

„Заключенные въ Лефортовской тюрьмѣ члены Ц. К. и члены партіи С.-Р.

А. Гоцъ, М. Гендельманъ, С. Марковъ, Е. Ратнеръ, М. Веденяпинъ, П. Злобинъ, Л. Герштейнъ, В. Утгофъ, Д. Донской, Е. Горьковъ, Добролюбовъ, Ф. Федоровичъ, Е. Тимофеевъ, Д. Раковъ, Н. Ивановъ, Е. Иванова, А. Либеровъ, М. Лихачъ, Н. Артемьевъ, В. Агаповъ, А. Альтовскій, Б. Ивановъ.“

Поведеніе обвиняемыхъ на судѣ было проникнуто тѣми же чувствами, которыми дышитъ это благородное и смѣлое письмо.

Съ перваго же момента появленія этихъ людей на „судѣ", всѣ почувствовали, что это пришли не подсудимые, а неумолимые обвинители. Громовыми волнами прокатились первыя же слова оглашенной Гендельманомъ деклараціи:

— Мы не признаемъ вашего суда, не признаемъ не только въ силу вопіющихъ нарушеній вашихъ же законовъ, но главнымъ образомъ потому, что здѣсь будетъ политическій бой между партіей соціалистовъ-революціонеровъ и партіей большевиковъ, а судьи этого боя не третья, не нейтральная сторона, не безпартійные или члены другихъ партій, свободно избранные народомъ, а члены той же партіи большевиковъ, назначенные ихъ Центральнымъ Комитетомъ и явившіеся на судъ съ заготовленнымъ Ц. К. РКП приговоромъ.

— Въ вашемъ обвинительномъ актѣ имѣются не только неточности, съ которыми и вы соглашаетесь, но и прямые подлоги, — бросаетъ далѣе въ лицо Трибуналу тотъ же Гендельманъ.

— Не за головами ли подсудимыхъ пріѣхала издалека Клара Цеткинъ? — спрашиваетъ Евгеній Тимофеевъ.

— Гдѣ ваши клятвы, данныя на берлинскомъ совѣщаніи интернаціоналовъ о свободѣ суда и защиты — спрашиваютъ подсудимые, — когда 11 свидѣтелей защиты вы не приводите въ судъ и держите подъ стражей?

— Мы пришли сюда только потому, что вы передъ лицомъ международнаго пролетаріата обѣщались въ Берлинѣ и увѣряли въ вашей прессѣ, что судъ будетъ свободный, гласный и доступный для всѣхъ. Но ваша каучуковая честь и темная совѣсть не помѣшали вамъ нагнать въ этотъ залъ злопыхательствующихъ и жаждущихъ крови коммунистовъ — бросаетъ въ лицо Трибуналу Лихачъ.

— Вы отказываете намъ въ вызовѣ нашихъ свидѣтелей, потому что боитесь ихъ, а мы — заявляетъ Тимофеевъ — просимъ вашихъ свидѣтелей, ждемъ всѣхъ ихъ сюда.

Какимъ гордымъ презрѣніемъ къ смерти проникнуты обращенныя къ судьямъ слова Гендельмана:

— Съ того момента, какъ мы попали въ ваши руки, мы были увѣрены въ томъ, что вы намъ вынесете смертный приговоръ. Но съ этихъ скамей вы просьбы о помилованіи не услышите!

Вотерсъ такъ обрисовалъ въ брюссельскомъ „Пепль" подсудимыхъ на московскомъ процессѣ:

„Они сидятъ сзади насъ. Они торжествуютъ. Ихъ дѣятельность обсуждаютъ публично! И они съ гордостью принимаютъ на себя отвѣтственность за все содѣянное ими.

„Первымъ выступаетъ Гендельманъ. Онъ начинаетъ съ рѣзкаго нападенія:

„— Мы не признаемъ вашего трибунала. Онъ получилъ приказъ насъ осудить. Онъ получилъ свои полномочія отъ правительства, подобнаго правительству 18 брюмера, которое состояло изъ осужденныхъ преступниковъ, бродягъ, сутенеровъ, проститутокъ и продажныхъ журналистовъ.

„Выступаетъ Тимофеевъ:

„— Мы пришли сюда не для того, чтобы спасать свои головы — онѣ принадлежатъ революціи!

„И дальше: — Отказаться отъ священнаго права на возстаніе — никогда! Это священное наслѣдіе французской революціи и неписанный законъ каждой соціалистической партіи.

„Лихачъ, такъ хорошо владѣющій собой, выжидающій, когда толпа перестанетъ неистовствовать противъ нихъ, обдающій ее презрительнымъ взглядомъ; Гоцъ, привѣтствуемый оскорбленіями, этотъ вождь съ его ясной головой; рабочій Бергъ, который на вопросъ: „признаете ли вы себя виновнымъ?" — отвѣчаетъ: „да, я признаю себя виновнымъ передъ революціей въ томъ, что слишкомъ мало сдѣлалъ для того, чтобы уничтожить вашу зловредную диктатуру."

„Ихъ нужно цитировать всѣхъ, потому что они всѣ равны между собою по мужеству и смѣлости...

„Среда, 14-го іюня. Обвиняемые просили насъ сложить съ себя ихъ защиту. Мучительная минута. Мы разстаемся съ ними, мы обнимаемъ ихъ, эти двадцать двѣ головы, надъ которыми продолжаетъ висѣть мрачная угроза.

„Раздаются звуки „Интернаціонала“ — меланхолическіе, раздирающіе душу... Мы уходимъ потрясенные...“

Деспоты рубятъ негнущіяся передъ ними головы. При Николаѣ Романовѣ эти люди томились въ каторжныхъ тюрьмахъ, при Ленинѣ они приговорены къ смертной казни.

8. Приговоръ.

Послѣ допроса свидѣтелей говорили обвинители. Изъ нихъ одинъ лишь Садуль попытался отграничить свою роль отъ роли чекистскаго палача: онъ обвинялъ партію соціалистовъ-революціонеровъ, но не требовалъ казни подсудимыхъ.

Остальные — отъ Луначарскаго до Клары Цеткинъ — если не вызывались сами расправиться съ подсудимыми, то проявили готовность намыливать веревку передъ ихъ казнью. Наиболѣе кровожадную рѣчь произнесъ Крыленко.

Затѣмъ слово было предоставлено подсудимымъ. Тимофеевъ закончилъ свою рѣчь словами:

— У насъ съ вами нѣтъ общихъ путей. Мы остаемся тѣми, кѣмъ были.

Гоцъ подтвердилъ:

— Мы были и останемся навсегда соціалистами.

И со своимъ обычнымъ спокойнымъ мужествомъ онъ прибавилъ:

— За эти годы я не могъ дать отчета моей партіи о своей работѣ, пусть же мой отчетъ съ высоты этой трибуны — скамьи подсудимыхъ — послужитъ завѣщаніемъ для оставшихся членовъ партіи. Если насъ ожидаетъ смерть, мы ее примемъ безъ страха, если же мы останемся въ живыхъ, то мы послѣ нашего освобожденія будемъ вести съ вами борьбу такъ же, какъ вели до сихъ поръ.

Снова получилъ слово обвинитель. Въ своей рѣчи онъ коснулся мѣры наказанія и сказалъ, что съ точки зрѣнія пользы или опасности, которую могутъ принести обвиняемые, этотъ вопросъ рѣшенъ заявленіями Гоца, Гендельмана и Тимофеева, сказавшихъ, что пока они живы, они будутъ дѣйствовать, какъ они дѣйствовали до сихъ поръ, и что отъ нихъ нельзя ожидать ни отказа отъ ихъ тактики, ни просьбы о помилованіи. „Что можно сдѣлать послѣ такихъ за-

явленій? Что мы видимъ, обращаясь къ прошлому? Въ Петроградѣ юнкерское возстаніе и кровь, въ Москвѣ октябрьское возстаніе и кровь, въ Архангельскѣ кровь, въ Самарѣ и Сибири кровь, въ Тамбовѣ и недавно въ Кронштадтѣ опять кровь. Поэтому я совершенно спокойно заявляю: „Кровь должна быть пролита здѣсь, чтобы въ будущемъ не проливалось крови, или, по крайней мѣрѣ, проливалось ея меньше."

Не иначе говорили версальцы, разстрѣливая коммунаровъ, не иначе мотивировали казни Деникинъ и Хорти...

Но мы знаемъ уже, что большевикамъ мало физическаго убійства, что они стремятся къ „моральному уничтоженію" противниковъ. Съ этой цѣлью послѣ повторныхъ призывовъ обвинителя къ разстрѣлу подсудимыхъ, обвиняемымъ было предложено заявить о раскаяніи и объ отреченіи отъ партіи. Передъ подсудимыми пріоткрылась дверь къ жизни, къ свободѣ. Никто изъ нихъ не вошелъ въ эту дверь.

Отвѣчалъ судьямъ Тимофеевъ.

— Государственные обвинители Луначарскій и Крыленко, поддерживая противъ насъ обвиненіе по всѣмъ пунктамъ и будучи сами не вполнѣ увѣрены въ нашей виновности, сочли необходимымъ въ облегченіе своей задачи предложить намъ покаяться и отречься отъ прошлой дѣятельности. Въ отвѣтъ на это предложеніе я уполномоченъ отъ имени всѣхъ подсудимыхъ первой группы категорически заявить Трибуналу и государственнымъ обвинителямъ: ни о раскаяніи, ни о какомъ либо отреченіи рѣчи быть не можетъ, и вы никогда съ нашихъ скамей ничего подобнаго не услышите. Какъ мы стояли раньше, такъ и въ дальнѣйшемъ мы будемъ всегда стоять на своихъ прежнихъ позиціяхъ, и въ этомъ отношеніи мы всегда останемся для васъ нераскаянными рецидивистами.

Не довольствуясь этимъ заявленіемъ, Трибуналъ, удаляясь на совѣщаніе для вынесенія приговора, вторично обратился къ подсудимымъ первой группы съ вопросомъ: „каково было бы ихъ отношеніе къ совѣтской власти, если бы вынесеннымъ приговоромъ они получили свободу?"

На это послѣдовалъ отвѣтъ Тимофеева:

G. Gorkov - Г. Горьков

A. Liberov - А. Либеров

M A.Védéniapine
М.А.Веденяпин

F.F. Fedorovitch
Ф.Ф.Федорович

E. Berg - Е. Берг

S. T. Rakov - Л. Ф. Раков

— Мы остаемся при неизмѣнномъ рѣшеніи, каковое вамъ извѣстно изъ первоначальныхъ допросовъ каждаго изъ насъ на прошлыхъ засѣданіяхъ.

7-го августа Трибуналъ вынесъ свой приговоръ:

а) Двѣнадцать человѣкъ — Гоца, Донского, Герштейна, Гендельмана, Лихача, Николая Иванова, Елену Иванову, Евгенію Ратнеръ, Тимофеева, Морозова, Агапова, Альтовскаго — р а з с т р ѣ л я т ь.

б) Десять человѣкъ: Злобина, Утгофа, Берга, Львова, Либерова, Артемьева, Ракова, Федоровича, Веденяпина, Горькова — з а к л ю ч и т ь в ъ т ю р ь м у на сроки отъ 2 до 10 лѣтъ.

в) Предателей о с в о б о д и т ь.

Этотъ приговоръ поступилъ на разсмотрѣніе происходившей въ то время въ Москвѣ конференціи большевистской партіи. Здѣсь члены совѣтскаго правительства, за исключеніемъ Троцкаго, часть президіума ВЦИК-а, члены конференціи, прибывшіе изъ провинціи, и начальники совѣтскихъ заграничныхъ миссій высказались за замѣну приговора изгнаніемъ осужденныхъ навсегда изъ предѣловъ РСФСР. Группа Троцкаго, Сталина и Бухарина, возражая противъ этой мѣры, предложила потребовать отъ всѣхъ осужденныхъ первой группы дать въ 24-хъ часовой срокъ обязательство отказаться навсегда отъ всякихъ выступленій противъ совѣтской власти, порвать сношенія съ партіей и ея членами, и если такое обязательство будетъ ими дано, замѣнить разстрѣлъ — пятилѣтней ссылкой въ Сѣверныя губерніи на принудительныя работы, а тюремное заключеніе — принудительными работами въ концентраціонныхъ лагеряхъ срокомъ на одинъ годъ. Въ случаѣ же отказа осужденныхъ дать такое обязательство — приговоръ привести немедленно въ исполненіе.

Послѣ бурныхъ преній засѣданіе приняло компромиссное предложеніе Каменева: считать вынесенный приговоръ *условнымъ* и не приводить его въ исполненіе, если члены партіи с.-р. откажутся отъ фактическихъ выступленій въ Россіи и заграницей противъ совѣтской республики.

Въ такомъ видѣ приговоръ былъ утвержденъ и опубликованъ Всероссійскимъ Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ — въ формулировкѣ, которая ясно показываетъ, какъ далеки большевики отъ мысли выпустить изъ своихъ рукъ добычу:

„Относительно двѣнадцати обвиняемыхъ приговоренныхъ къ высшей мѣрѣ наказанія ВЦИК постановилъ: приговоръ утвердить, а исполненіе его пріостановить.

„Если партія соціалистовъ-революціонеровъ фактически и на дѣлѣ прекратитъ подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпіонскую, повстанческую работу противъ совѣтской республики, приговоръ въ исполненіе приведенъ не будетъ".

„Если же партія соціалистовъ-революціонеровъ въ дальнѣйшемъ будетъ примѣнять методы вооруженной борьбы противъ совѣтской власти, то это неизбѣжно приведетъ къ разстрѣлу осужденныхъ вдохновителей и организаторовъ контръ-революціоннаго террора и мятежа."

Большевики квалифицируютъ свой приговоръ, какъ примѣненіе принципа условнаго осужденія.

Невѣжество это или лицемѣріе?

Если партія прекратитъ подпольно-заговорщическую работу...

Но кто будетъ рѣшать, носитъ ли работа партіи соціалистовъ-революціонеровъ подпольно-заговорщическій характеръ, или нѣтъ? Чека? И если въ рядахъ чекистовъ возникнутъ разногласія по вопросу о характерѣ работы эсэровской партіи, то къ какимъ экспертамъ обратятся кремлевскіе комиссары для разрѣшенія этого спора? Къ Семенову, Коноплевой и другимъ предателямъ! И развѣ не ясно заранѣе, что въ каждомъ выступленіи партіи, лишенной возможности дѣйствовать открыто, легально, можно найти признаки подпольно-заговорщической работы?

Если партія откажется отъ террористической борьбы противъ совѣтской власти...

Но и подсудимые, и центральныя учрежденія партіи соціалистовъ-революціонеровъ уже неоднократно заявляли о томъ, что партія въ борьбѣ съ совѣтской властью никогда не прибѣгала къ террору. И несмотря на это, руководители партіи приговорены къ смертной казни, на основаніи оговоровъ проникшихъ въ ея среду авантюристовъ-предателей. Что же стоитъ Чека выдвинуть на сцену новаго Іуду, который по приказу начальства покажетъ, что такой то эсэръ подговаривалъ его взорвать на воздухъ всю Москву?

Если партія откажется отъ военно-шпіонской дѣятельности...

Въ чемъ проявлялась до сихъ поръ подобная дѣятельность партіи соціалистовъ революціонеровъ? На этотъ вопросъ московскіе судьи не дадутъ отвѣта. Но мы помнимъ, какъ у большевиковъ чуть-чуть не попалъ въ польскіе шпіоны благонамѣреннѣйшій французскій коммунистъ Лафонъ. Мы помнимъ, какъ большевики разстрѣляли русскаго ученаго Ухтомскаго, подведя подъ понятіе шпіонажа его корреспондеціи о состояніи музейнаго дѣла въ Россіи. Что же помѣшаетъ имъ объявить шпіонажемъ любую эсэровскую газету, выходящую въ Россіи или заграницей и освѣщающую положеніе совѣтской Россіи иначе, чѣмъ казенныя „Извѣстія" и „Правды"?

Повстанческая работа...

Но мы знаемъ, что большевики возлагаютъ на эсэровъ и меньшевиковъ отвѣтственность за выступленія контръ-революціонныхъ генераловъ, за мѣстныя возстанія, за дѣйствія бандитскихъ отрядовъ. И при первомъ же военномъ возстаніи, при первой вспышкѣ крестьянскихъ или рабочихъ волненій, при первомъ выступленіи Врангеля, Петлюры или Савинкова, московскіе самодержавцы могутъ заявить:

— Итакъ, повстанческая дѣятельность партіи соціалистовъ-революціонеровъ не прекратилась — къ стѣнкѣ осужденныхъ соціалистовъ, къ стѣнкѣ Гоца, Тимофеева, Гендельмана, Донского и ихъ товарищей!

Короче: по точному смыслу московскаго приговора, двѣнадцать смертниковъ могутъ быть казнены въ любой день, въ любой часъ.

Недаромъ московская „Правда" (въ № 178) пишетъ: „Первый подожженый заводъ, первое убійство изъ за угла, — и эсэры будутъ наказаны по закону."

„Наказаны по закону" — это значитъ, убиты. И для этого не требуется даже, чтобы поджигателями или убійцами были соціалисты-революціонеры, — достаточно факта поджога или убійства.

И вотъ сейчасъ я пишу о нихъ, вижу передъ собой Гоца, этого стойкаго революціонера, которому страхъ столь же невѣдомъ, какъ тщеславіе, вижу его милое, ласково улыбающееся, умное лицо, припоминаю его спокой-

ную, всегда увѣренную, всегда цѣломудренно простую рѣчь, — и не знаю, не прикончатъ ли его въ блнжайшіе дни московскіе палачи.

Вспоминаю Тимофеева, его гордую голову, къ 30 годамъ уже бѣлую какъ снѣгъ, его полные огня, мысли и воли глаза, его быстрыя движенія, вспоминаю его такимъ, какимъ былъ онъ на каторгѣ, въ годы реакціи, и не знаю, что съ нимъ теперь . . .

Мы, русскіе революціонеры, помнимъ смертницкія секретки царизма. Никогда ничто не сотретъ изъ нашей памяти то, что переживалось въ камерахъ приговоренныхъ къ казни. Но даже въ худшія времена чернаго террора при самодержавіи не былъ возможенъ приговоръ, хоть сколько нибудь приближающійся къ приговору московскаго трибунала.

Передовая въ № 102 „Голоса Россіи" даетъ вѣрную оцѣнку этому приговору, когда пишетъ:

„Онъ хуже и безстыднѣе голаго убійства."

„Жажда крови и гнусный политическій шантажъ соединились въ немъ съ утонченнѣйшей пыткой смертью.

„Что означаетъ условность приговора?

„Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ оставляетъ себѣ право привести въ исполненіе приговоръ, когда ему вздумается. Осужденные подвергнуты постоянной пыткѣ смертнаго ожиданія. Они пожизненные заложники. Они отвѣчаютъ своими головами за каждую новую клевету на партію с.-р., за каждое выступленіе своихъ товарищей, находящихся на свободѣ.

„Большевикамъ мало простого разстрѣла. Они — точно торговцы живой человѣческой кровью — устраиваютъ небывалую въ исторіи политическую спекуляцію головами своихъ жертвъ. Они хотятъ вѣчной угрозой казнью Гоца, Тимофеева, Донского и другихъ приговоренныхъ — связать, привести къ бездѣйствію всю партію с.-р.

„Они надѣются обмануть возмущенное чувство рабочихъ всѣхъ странъ, протестовавшихъ противъ смертной казни: они не разстрѣливаютъ сейчасъ подсудимыхъ, но они могутъ разстрѣлять ихъ каждую минуту. Когда движеніе протеста затихнетъ, когда

вниманіе соціалистической Европы будетъ чѣмъ либо отвлечено — тогда, втихомолку, въ какомъ нибудь изъ чекистскихъ застѣнковъ или каторжныхъ централовъ, большевики прикончатъ этихъ „вѣчныхъ смертниковъ", прикончатъ поодиночкѣ или всѣхъ вмѣстѣ.

„Самая изощренная фантазія можетъ ли вообразить себѣ болѣе острое надругательство, болѣе утонченное мучительство?

„Наши товарищи приговорены къ ужасающей, мучительной, каждодневной казни."

Эта казнь началась сразу вслѣдъ за вынесеніемъ приговора.

Осужденные переведены въ ужасныя „секретки" внутренней тюрьмы при Чека. Строжайшимъ образомъ изолированные отъ внѣшняго міра, они похоронены заживо. Ни свиданій съ родными, ни писемъ, ни газетъ, ни передачъ, ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей. Близкіе не знаютъ, что съ ними.

Ходятъ слухи объ объявленной осужденными голодовкѣ.

Ходятъ слухи о новомъ изобрѣтеніи большевистскихъ палачей: будто осужденнымъ умышленно не сообщено о пріостановкѣ исполненія смертнаго приговора, будто тюремщики держатъ ихъ въ ежечасномъ ожиданіи казни.

Эта безчеловѣчная игра усугубляется прямымъ издѣвательствомъ совѣтскихъ властей надъ родными и близкими осужденныхъ. Такъ, сразу послѣ суда, еще до объявленія приговора въ окончательной формѣ, были арестованы и въ неизвѣстномъ направленіи отправлены изъ Москвы жены подсудимыхъ Лихача, Герштейна, Либерова и другихъ.

Вотъ этотъ приговоръ, эти мѣропріятія восхваляетъ Исполнительный Комитетъ Коминтерна въ своемъ воззваніи, обращенномъ къ рабочимъ всѣхъ странъ. Въ этомъ приговорѣ онъ видитъ доказательство того, что „революціонное рабочее правительство не знаетъ политики мести и руководится исключительно соображеніями революціонной цѣлесообразности".

Если имѣются въ Коминтернѣ отдѣльные порядочные, искренніе люди, лишь по ошибкѣ попавшіе сюда, привлеченные не звономъ московскаго золота, а блуждающими огнями демагогіи, которые они приняли за маякъ революціи; если имѣются здѣсь, въ толпѣ уго-

дливой московской челяди, люди, въ душахъ которыхъ горитъ огонь революціоннаго идеализма, люди, которымъ дороги лучшія стремленія пролетаріата и ненавистно варварство стараго міра; если еще не настолько одурачены они большевиками, чтобы утратить навсегда способность соображать и судить о томъ, что они дѣлаютъ — то они сгорятъ отъ стыда, когда поймутъ, какую невыразимую низость совершили они, приложивъ свою руку къ этой бумажкѣ, подписавъ ее въ то самое время, когда двѣнадцать смертниковъ съ гордо поднятыми головами возвращались въ тюрьму, а во слѣдъ имъ смотрѣли затуманенные слезами глаза ихъ близкихъ, — ихъ женъ, матерей, — уже при царизмѣ извѣдавшихъ пытку ожиданія казни любимыхъ людей.

9. Московскій процессъ и Европа.

Уже при первомъ сообщеніи о подготовкѣ суда надъ соціалистами-революціонерами міровая совѣсть почувствовала, что въ Москвѣ готовится не судъ, а кровавая расправа.

Это впечатлѣніе усиливалось по мѣрѣ того, какъ приближался день суда и все громче становились злобныя завыванія большевистской и оплачиваемой большевиками печати.

И когда взвился занавѣсъ и на подмосткахъ московскаго трибунала показались съ одной стороны узники-подсудимые, а съ другой стороны ихъ судьи и палачи, сдержанное до этой поры возмущеніе вырвалось наружу, и по Европѣ прокатилась волна единодушнаго протеста.

Затѣмъ — клятвопреступническій отказъ отъ берлинскаго соглашенія, уходъ иностранныхъ защитниковъ, „манифестація“ 20-го іюня, уходъ русскихъ защитниковъ, длинный рядъ издѣвательствъ надъ всѣми принципами судебной справедливости.

И, наконецъ, приговоръ и кампанія политическаго шантажа, поднятая Коминтерномъ вокругъ двѣнадцати смертниковъ.

Совѣсть культурнаго міра и, въ частности, совѣсть пролетаріата не могла примириться съ подобнымъ надругательствомъ, — какъ 20 лѣтъ тому назадъ не могла она примириться съ осужденіемъ Дрейфуса во Франціи, какъ

10 лѣтъ тому назадъ протестовала она противъ суда надъ Бейлисомъ въ царской Россіи.

Оба эти дѣла приходятъ на память, когда думаешь о московскомъ процессѣ. Но между этими, уже вошедшими въ исторію дѣлами, и московскимъ судомъ остается огромная разница.

Дѣло Дрейфуса было соткано изъ лжи. Но какъ низко ни стоялъ судъ, отправившій завѣдомо невиннаго человѣка на Чортовъ Островъ, рядомъ съ московскимъ трибуналомъ онъ показался бы все же с у д о м ъ.

Дѣло Бейлиса по своей природѣ ближе къ московскому процессу. Тогда — это было незадолго до войны, въ разгаръ безпросвѣтной реакціи въ Россіи — русское правительство прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы натравить темный народъ на евреевъ. Съ этой цѣлью, при помощи лжесвидѣтелей, былъ инсценированъ процессъ, который долженъ былъ доказать, что евреи для своихъ обрядовъ употребляютъ христіанскую кровь. За основу процесса было принято убійство подъ Кіевомъ мальчика Ющинскаго: на судѣ было установлено, что онъ былъ убитъ шайкой воровъ съ нѣкоей Вѣрой Чеберякъ во главѣ; но эта шайка купила себѣ прощеніе и милость правительства тѣмъ, что свалила убійство на евреевъ. Вѣра Чеберякъ была, такимъ образомъ, въ дѣлѣ Бейлиса К о н о п л е в о й. Былъ въ этомъ дѣлѣ и свой С е м е н о в ъ. Эту роль игралъ ренегатъ-ксендзъ Пранайтисъ, взявшійся доказать по еврейскимъ книгамъ, что евреи ловятъ христіанскихъ младенцевъ, убиваютъ ихъ и употребляютъ ихъ кровь.

Судьи превосходно знали, что представляютъ собой Чеберякъ и Пранайтисъ, но дѣлали видъ, будто вѣрятъ имъ. Правыя газеты прославляли безкорыстіе и правдивость этихъ свидѣтелей.

Одновременно шла и н с ц е н и р о в к а н а р о д н а г о г н ѣ в а. Отдѣлы Союза Русскаго Народа (игравшіе въ Россіи временъ Николая II роль нынѣшнихъ комъячеекъ) выносили резолюціи съ требованіемъ безпощадной кары обвиняемымъ. Устраивались уличныя демонстраціи подъ лозунгомъ истребленія убійцъ христіанскихъ младенцевъ. Раздавались угрозы самосудомъ и еврейскими погромами, въ случаѣ если судьи проявятъ „преступную мягкость“.

Правительство, поддерживавшее всю эту кампанію и втайнѣ руководившее ею, дѣлало видъ, будто прислуши-

вается къ голосу общественнаго мнѣнія. Въ то же время оно закрывало газеты, писавшія правду объ этомъ процессѣ.

Въ концѣ концовъ, судъ вынесъ приговоръ, заявлявшій, что убійство мальчика Ющинскаго съ ритуальной цѣлью доказано. Но въ царской Россіи, гдѣ были уже свои Коноплезы и Семеновы, не нашлось судей, равныхъ по низости Пятакову, Бухарину или Крыленко: Бейлисъ, какъ и другіе обвиняемые, былъ оправданъ.

Какъ видитъ читатель, московскій Верховный Трибуналъ во многомъ просто *повторилъ* дѣло Бейлиса, лишь расширивъ его рамки, замѣнивъ обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови обвиненіемъ соціалистовъ въ грабежахъ, убійствахъ и шпіонажѣ, да еще придѣлавъ къ процессу трагическую развязку въ видѣ извѣстнаго приговора.

Что же удивительнаго въ томъ, что общественное мнѣніе, въ свое время возмущавшееся дѣломъ Бейлиса, съ двойной энергіей возстало противъ московскаго суда надъ соціалистами-революціонерами?

Можно было бы наполнить десятки и сотни страницъ резолюціями, телеграммами, всевозможными выраженіями протеста противъ этого суда, гнусность котораго была разоблачена передъ Европой заграничными делегаціями партіи С-Р. и Р. С. Д. Р. П. и вернувшимися изъ Москвы представителями Интернаціонала.

Во главѣ движенія шли соціалистическія партіи. Второй Интернаціоналъ и Вѣнское Объединеніе въ числѣ первыхъ бросили міру призывный кличъ — энергичнымъ протестомъ вырвать жертвы изъ рукъ московскихъ палачей. Къ ихъ голосу присоединились: французскіе соціалисты (S. F. I. O и P. S. F), Германская соціалъ-демократическая партія, германскіе независимые соціалисты, Британская Рабочая Партія (L. P.), Англійская независимая соціалистическая партія (I. L. P.), Британская соціалъ-демократическая федерація, Бельгійская соціалистическая рабочая партія, соціалистическая и соціалъ-демократическая партіи Чехо-Словакіи, соціалистическая партія Италіи, соціалъ-демократическія партіи Швеціи и Голландіи, соціалистическія партіи Болгаріи, Польши, Латвіи, Литвы, Бѣлоруссіи, Украины, Бундъ и партія соціалистовъ-сіонистовъ, объединенныя соціалистическія партіи Индіи.

Возстали противъ московской комедіи суда также и синдикальныя организаціи пролетаріата всего міра съ Амстердамскимъ Интернаціоналомъ во главѣ. Протестовали: Всеобщая Конфедерація Труда Франціи (C. G. T.), конгрессъ профессіональныхъ союзовъ въ Германіи, Всеобщее Германское объединеніе профессіональныхъ союзовъ, Національный Комитетъ бельгійскихъ рабочихъ синдикатовъ, Генеральная Конфедерація Труда Италіи. Протестовали и въ отдѣльности крупнѣйшіе рабочіе синдикаты Европы, и рабочіе митинги, собиравшіеся во всѣхъ концахъ міра.

Особенно широко разлилось движеніе во Франціи. Въ этой странѣ, гдѣ большая часть рабочаго класса до сихъ поръ хранитъ завѣты Великой Революціи, пролетаріатъ боролся за жизнь и свободу русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ 20 лѣтъ тому назадъ, подъ руководствомъ Жореса, боролся онъ за торжество правды въ дѣлѣ Дрейфуса.

Вотъ опубликованный въ № 1023 „Голоса Россіи" списокъ французскихъ рабочихъ организацій, которыя выступили съ протестами противъ московскаго суда за первыя три недѣли процесса:

1) Федераціи синдикатовъ. Федерація кожевниковъ, Федерація транспортныхъ рабочихъ, Федерація шляпочниковъ, Фед. рабочихъ химической промышленности, Фед. синдикатовъ банковскихъ служащихъ, Фед. портовыхъ и доковыхъ рабочихъ, Фед. строительныхъ рабочихъ, Федерація рабочихъ, работающихъ подъ землей, Фед. моряковъ, Фед. санитаровъ, Фед. рабочихъ, занятыхъ въ государственномъ флотѣ, Фед. текстильщиковъ (80.000 чел. синдицированныхъ), Фед. рабочихъ, изготозляющихъ одежду, Фед. рабочихъ, занятыхъ на общественныхъ службахъ, Федерація земледѣльцевъ, Фед. парикмахеровъ, Фед. гражданскаго персонала военнаго министерства.

2) Департаментскіе союзы и Биржи труда. Союзъ металлургическихъ рабочихъ Сены, Союзъ федеральныхъ синдикатовъ Сены, Союзъ синдикалистовъ Илль и Вилэнъ, Союзъ Биржъ труда Роны, Союзъ синдикатовъ Дромы, Союзъ синдикатовъ въ Эпернэй, Союзъ синдикатовъ на Сѣверѣ, Союзъ синдикатовъ Коррезы, Сѣверный Союзъ. Союзъ синдикатовъ Сены и Уазы, Союзъ синдикатовъ Объ и Іоннъ, Союзъ синдикатовъ Жиронды, Союзъ синдикатовъ Финистеръ, Союзъ синдикатовъ Соммы, Союзъ

синдикатовъ Бельфора, Союзъ синдикатовъ Кальвадоса, Союзъ биржъ труда въ Рубэ, Туркоинъ и Ланнуа.

3) Рабочіе синдикаты. Синдикальная палата служащихъ Сенской области, Синдикатъ рабочихъ химической промышленности, Синдикатъ горно-рабочихъ Сѣвера Синдикатъ служащихъ парижскихъ колоніальныхъ магазиновъ, Синдикатъ горнорабочихъ Гардъ и Ардешъ, Синдикатъ шляпочниковъ въ Сенфондѣ, Главный синдикатъ служащихъ почты и телеграфа, Синдикатъ горнорабочихъ въ Па-де Калэ, Синдикатъ служащихъ госпиталей и больницъ. Синдикатъ рабочихъ газовой промышленности въ Либурнѣ, Синдикатъ работающихъ подъ землей во Флэ. Синдикатъ работающихъ по изготовленію одежды въ Сенскомъ департаментѣ, Синдикатъ портнихъ и портныхъ Сены, Синд. желѣзнодорожниковъ линіи Парижъ-Сѣверъ, Синдикатъ горнорабочихъ бассейна Анзенъ, Синдикатъ металлургистовъ въ Коментри, Синдикатъ желѣзнодорожниковъ линіи Парижъ — Орлеанъ, Синдикатъ кровельщиковъ въ Трелазѣ, Синдикатъ металлургистовъ Лиля, Главный синдикатъ муниципальныхъ служащихъ въ Виллербанѣ.

4) Политическія организаціи. Соціалистическая группа въ Пантэнъ, Секція въ Авэнь, 14-ая секція Сенскаго департамента, 5-ая секція Сенскаго департамента, Молодежь Юры, Федерація Нижней Сены, Соціалистическая федерація Юры, Соціалистическая федерація въ Бувэ, 20-ая секція Сенскаго департамента, 18-ая секція Сенскаго департамента, Соціалистическая федерація Роны, Соціалистическая федерація Верхней Саоны.

Пусть Троцкій утѣшаетъ своихъ приближенныхъ увѣреніями, что это — западно-европейская буржуазія заступается за соціалистовъ-революціонеровъ, какъ за своихъ союзниковъ въ борьбѣ противъ совѣтской власти! Единодушный крикъ негодованія, рвущійся изъ груди милліоновъ рабочихъ, нельзя заглушить подобной мелочной и неумной ложью.

Къ протестамъ пролетаріата противъ московскаго процесса присоединили свой голосъ также лучшіе представители науки, литературы, искусства всего міра. Подъ обращеннымъ къ московскому правительству призывомъ „отказаться во имя человѣчности и всеобщаго примиренія отъ того, что будетъ воспринято всѣмъ цивилизованнымъ человѣчествомъ, какъ актъ мести“ подписались: А. Оларъ, профессоръ Сорбонны; Поль Пенлевэ, членъ Института; А.

Мельэ, профессоръ Коллежъ де Франсъ, корреспондентъ Петербургской Академіи Наукъ; Габріэль Сеайль, профессоръ Сорбонны; Эмиль Борель изъ Академіи Наукъ; Р. Шнейдеръ, профессоръ Сорбоны; Аллеманъ, бывшій депутатъ Сены; Ксавье Леонъ; Анри Озеръ, профессоръ Сорбонны; Шарль Жидъ; Эмель Терквамъ, инженеръ; Ж. Адамаръ, членъ Института; Анри Леви-Брюль, профессоръ права въ Лиллѣ; П. Альфандери, профессоръ Высшей школы; Жанна П. Альфандери; Л. Леви-Брюлль, проф. Сорбонны; Докторъ Марсель Леви-Брюлль; Л. Брунвигъ,профессоръ Сорбонны; Ж. Бруншвигъ; Викторъ Башъ, профессоръ Сорбонны; Ш. Сеньобосъ, профессоръ Сорбонны и многіе другіе.

Англійскій писатель Г. Уэллсъ также подписалъ этотъ протестъ.

Въ Германіи съ протестами выступили: Проф. Эйнштейнъ; Г. фонъ Герлахъ; Гарри графъ Кесслеръ; Эрнстъ Федеръ; д-ръ Фортманъ, главный редакторъ „Парламентскорреспонденцъ" центра; д-ръ Рудольфъ Гильфердингъ, членъ рейхстага; д-ръ Пауль Натанъ; проф. Гуго Прейсъ, бывшій министръ, членъ Ландтага; Фридрихъ Штампферъ, гл. редакторъ „Форвертса"; Карлъ Феттеръ, редакторъ „Берлинеръ Фольксъцейтунгъ"; д-ръ Б. Гутманъ, редакторъ „Франкфуртеръ Цейтунгъ"; Габріеле Рейтеръ, Бернгардъ Келлерманъ, Феликсъ Либерманъ, проф. Алоизъ Риль,д-ръ Рудольфъ Брейтшейдъ, Г. Зудерманъ, Г. Штребель, І. Сассенбахъ, и др.

Но наиболѣе краснорѣчивымъ показателемъ того, какъ глубоко взволновалъ московскій процессъ совѣсть всего человѣчества, является публичное выступленіе противъ него цѣлаго ряда общественныхъ дѣятелей, которыхъ Европа знаетъ, какъ пламенныхъ поклонниковъ и защитниковъ совѣтской власти.

На первомъ мѣстѣ я хочу поставить Максима Горькаго, который нашелъ на этотъ разъ слова, достойныя его большого таланта и его большого сердца: онъ первый изъ защитниковъ совѣтской власти крикнулъ большевикамъ, что своими дѣйствіями они провоцируютъ моральную блокаду Россіи соціалистами всего міра.

Къ протесту Горькаго присоединились во Франціи Анатоль Франсъ, Анри Барбюсъ и Ромэнъ Ролланъ, — три яркихъ имени, которыми французскій коммунизмъ старался всѣ эти годы прикрыть свое ничтожество и идейное

безсиліе. Протестовала, вмѣстѣ со всѣмъ соціалистическимъ пролетаріатомъ, и большевиствующая синдикальная организація Франціи (C.G.T.U).

Въ Италіи выступилъ противъ московскаго преступленія старый анархистъ Малатеста. Громко прозвучалъ здѣсь и голосъ Туринскаго конгресса рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, конгресса, гдѣ, казалось бы, было обезпечено преобладаніе друзьямъ московскихъ диктаторовъ.

Въ Англіи рѣшительно отмежевались отъ палачей такіе проповѣдники большевизма, какъ Тернеръ и редакторъ „Дейли Геральдъ" Ленсберри.

Но нѣтъ возможности перечислить всѣхъ . . . Волна протестовъ растетъ и ширится, каждый день приноситъ большевистской власти новыя доказательства того, что даже самодержавцамъ **не все дозволено.**

Политическое значеніе этой волны протестовъ далеко не исчерпывается непосредственнымъ вліяніемъ ея на рѣшенія и дѣйствія московскаго правительства. Значеніе ея неизмѣримо глубже и шире, — въ ходѣ ея пролетаріатъ Европы освобождается отъ остатковъ иллюзій относительно русскаго большевизма, научается понимать его истинную сущность.

Такъ, полтора года тому назадъ, предательское нападеніе большевистскихъ армій на демократическую Грузію и порабощеніе этой маленькой свободолюбивой страны „красными" штыками открыло европейскимъ рабочимъ глаза на внѣшнюю политику Коминтерна, вскрыло имперіалистическія вожделѣнія царизма, лежащія въ основѣ интригъ кремлевскихъ комиссаровъ съ реакціонными силами Востока. Этимъ была убита легенда о миротворческой международной миссіи большевизма, о роли Москвы, какъ защитницы угнетенныхъ народностей. Осталась другая легенда, — легенда о томъ, что свирѣпствующій въ совѣтской Россіи терроръ является самообороной рабоче-крестьянской власти противъ происковъ контръ-революціонеровъ. И вотъ теперь московскій процессъ показалъ Европѣ, противъ кого въ дѣйствительности направлено оружіе большевистскаго террора.

Завоеваніе Грузіи разоблачило **имперіалистическую внѣшнюю политику** большевизма, — судъ надъ соціалистами-революціонерами вскрылъ гнойникъ его **террористической внутренней политики.**

Недаромъ оба вопроса были поставлены рядомъ на берлинской конференціи трехъ интернаціоналовъ, недаромъ II Интернаціоналъ ввелъ оба вопроса въ свой ультиматумъ, предъявленный Коминтерну...

Двѣнадцать смертниковъ, отдавшіе всю свою жизнь освобожденію трудящихся массъ Россіи и международному соціализму, оставались на скамьѣ подсудимыхъ вѣрны своему двойному призванію: разоблачая диктаторовъ Россіи, они бились за освобожденіе русскихъ крестьянъ и рабочихъ — отъ цѣпей рабства, за освобожденіе рабочихъ всего міра — отъ послѣднихъ иллюзій. Бились съ беззавѣтной храбростью, не думая о спасеніи своей жизни.

Теперь за ихъ жизнь, за ихъ головы идетъ борьба: за нихъ — совѣсть человѣчества, общественное мнѣніе мірового пролетаріата, противъ нихъ — Чека.

Кто побѣдитъ?

Нужно ли говорить о неисчислимыхъ послѣдствіяхъ того или другого исхода этого спора? Побѣда Чека и примиреніе съ нею совѣсти человѣчества не только означали бы смерть двѣнадцати стойкихъ борцовъ за соціализмъ, не только явились бы сигналомъ къ новому небывалому разгулу террора въ Россіи и въ завоеванныхъ большевиками странахъ, но привели бы къ новому усиленію волны одичанія во всемъ мірѣ. Побѣда человѣческой совѣсти въ этомъ вопросѣ, напротивъ, явилась бы, быть можетъ, прологомъ къ ея торжеству на болѣе широкомъ міровомъ фронтѣ.

Моральная блокада тюремщиковъ и палачей соціализма — вотъ оружіе всемірнаго пролетаріата въ разгорѣвшейся борьбѣ.

Пользуясь этимъ оружіемъ, идя твердо и послѣдовательно по пути соціалистической моральной интервенціи, всемірный пролетаріатъ добьется того, что намыленная веревка спадетъ съ шеи двѣнадцати смертниковъ, и будетъ положенъ конецъ красному террору въ Россіи.

Вл. Войтинскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ

P. Zlobin - П. Злобин

S. Morosov - С. В. Морозов

L.Guerstein - Л.Я.Герштейн

M. A. Likhatch - М. А. Лихач

W. Agapov - В. Агапов

A.Altovsky - А.И.Альтовскій

Le verdict que vous vous préparez à prononcer ou, plutôt, que le Comité Central de votre parti a déjà prononcé, je l'attends avec la plus grande indifférence, sinon avec mépris. Morosov

Dem Urteil, das zu fällen Ihr im Begriffe seid, oder das vielmehr das Zentralkomitee Eurer Partei bereits gefällt hat, sehe ich mit größter Gleichgültigkeit, um nicht zu sagen Verachtung, entgegen. . . . Morosow

I am completely indifferent as to the sentence, which you are about to pass, which has allready actually been voted by the Central Committee of your party. I despise it. Morozoff

Къ приговору, который вы собираетесь вынести, вѣрнѣе, который уже вынесенъ Центральнымъ Комитетомъ Вашей партіи, я отношусь съ величайшимъ равнодушіемъ, чтобы не сказать презрѣніемъ. . . . . Морозовъ

Na rozsudek který se chystate vynésti, lépe řečeno, který byl již vynesen Ústředním Komitetém vaší strany, pohlížím s naprostou lhostejnosti, abych neřekl s pohrdáním. . . Morozov

Vous avez oblié cette vérité: on peut tuer les hommes, mais les idées ne peuvent pas être atteintes par des baionnettes et des balles. En nous fusillant, vous n'exterminerez pas notre parti. Guerstein

Ihr habt die Wahrheit vergessen, daß man die Menschen wohl töten kann, daß aber die Idee sich nicht auf Bajonette und Kugeln einfangen läßt. Indem Ihr uns erschießt, werdet Ihr unsere Partei nicht vernichten. . . Gerstein

You forget this: that you can kill men, but you are powerless to annihilate ideas by the means of bullets and bayonets. Through murdering us you cannot destroy our party. Gerstein

Вы забыли истину, что людей убить можно, но идеи на штыки и пули не улавливаются. Разстрѣлявъ насъ — вы не уничтожите нашей партіи. . . . Герштейнъ

Zapomněli jste té pravdy že zabíti lidí, ale ideje bodaky a kulkami že odpraviti nelze. Tim, že nas postřelite, nezničíte naši strany. . . Gerstein

Et même s'il arrivait un miracle et les portes de vos Bastilles s'ouvraient pour nous — nous ne serions pas pour cela libres, puisque vous avez transformé la Russie entière en un immense prison. Altovsky

Sollte sogar ein Wunder geschehen und die Türen euerer Bastille sich auftun — wir würden dennoch nicht in Freiheit sein, denn Ihr habt ganz Rußland in einen ungeheuren Kerker verwandelt. . . . Altowski

Even should a miracle happen, should the gates of your Bastilles open — nevertheless there would be no freedom for us, as you have turned Russia into one gigantic gaol. Altovsky

И если бы даже случилось чудо и двери вашихъ бастилій раскрылись — мы все же не оказались бы на свободѣ, ибо всю Россію вы превратили въ огромную каторжную тюрьму. . . . . Альтовскій

A i kdyby se stal zázrák a dveře ruských Bastil se otevřelymy přes to neocitli bychom se na svobodě, mebot celé Rusko učinili jste ohromným žalařem. . Altovsky

Тактическія позиціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ по документамъ.

Хотя формально партія соціалистовъ-революціонеровъ образовалась только въ 1901 году, а первый съѣздъ ея могъ собраться лишь во время революціи 1905 года (29 декабря 1905 г. — 4 января 1906 г.), она является старѣйшей русской соціалистической партіей.

Въ 1901 году объединились между собой и образовали единую партію различныя соціально-революціонныя группы въ Россіи и среди заграничной политической эмиграціи. Но эти группы лишь продолжали традицію разбитой правительственными репрессіями въ 1881-85 гг. «соціально-революціонной партіей Народной Воли».

Наиболѣе видные дѣятели этой партіи были казнены или осуждены на пожизненное заточеніе въ Шлиссельбургской крѣпости, другіе сосланы на Сибирскую каторгу, третьи скрылись заграницу.

Лишь лѣтъ черезъ десять послѣ этого пораженія начали вновь возникать въ Россіи соціально-революціонныя группы, которыя постепенно разростались, параллельно съ оживленіемъ рабочаго и политическаго движенія въ Россіи къ началу новаго столѣтія.

Въ возрожденіи соціально-революціонной партіи приняли дѣятельное участіе вернувшіеся изъ ссылки или находившіеся заграницей члены разбитой партіи «Народной Воли». Когда П. С. Р. была, наконецъ, создана они заняли въ ней, наряду съ новыми молодыми дѣятелями, руководящее мѣсто. Заграницей это были старые члены партіи «Народной Воли» Феликсъ Волховской, Шишко, Егоръ Лазаревъ, а изъ болѣе молодого поколѣнія того времени—Михаилъ Гоцъ, Викторъ Черновъ. Въ Россіи — бѣжавшая изъ Сибири и ведшая необычайно

энергичную пропаганду среди крестьянства, рабочихъ и интеллигентной молодежи «бабушка» Екатерина Брешковская, Григорій Гершуни, Степанъ Слетовъ и др.

Въ промежуткѣ между пораженіемъ партіи «Народной Воли» и возникновеніемъ ея идейной и политической преемницы — партіи с. р., въ Россіи образовались соціалъ-демократическія группы, которыя тоже къ концу девяностыхъ годовъ слились и образовали Россійскую соціалъ-демократическую рабочую партію, которая, какъ извѣстно, въ 1903 году распалась на большевиковъ и меньшевиковъ.

Соціалъ-демократы отличались отъ эсэровъ тѣмъ, что все вниманіе обращали исключительно на городскихъ рабочихъ, главнымъ образомъ, на промышленный пролетаріатъ.

Они смотрѣли на мелкое трудовое крестьянство, какъ на классъ, по своему соціальному положенію и интересамъ, близкій буржуазіи, и поэтому долгое время не выставляли никакой аграрной программы, не вели въ деревнѣ пропаганды (за исключеніемъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ) и считали, что аграрная программа, которую эсэры предлагали крестьянамъ, «реакціонна», такъ какъ она задерживаетъ развитіе капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ. Эсэры же, продолжая въ этомъ вопросѣ политику соціалистовъ 1878—1885 гг., полагали, что интересы громадной массы малоземельнаго трудового крестьянства, эксплоатируемаго помѣщиками, капиталистами и государствомъ, могутъ быть согласованы съ интересами городскихъ рабочихъ. Они видѣли въ крестьянствѣ ту основную революціонную силу, безъ которой невозможно было свергнуть самодержавное правительство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ соціалисты-революціонеры всегда стремились объединить трудовое крестьянство и промышленный пролетаріатъ въ одинъ міръ труда, полагая, что осуществленіе соціалистическихъ задачъ лежитъ въ интересахъ всего трудового народа Россіи. Объединеніе крестьянства, пролетаріата и трудовой интеллигенціи всегда составляло основу соціально-революціоннаго міросозерцанія.

Партія с. р. выдвинула аграрную программу, требовавшую соціализаціи всей частной земельной собственности.

Программа эта скоро создала партіи большую популярность среди массъ крестьянства.

Во время революціи 1905 года партія с. р. вела успѣшную агитацію въ деревнѣ, во время выборовъ въ первую Государственную Думу (1906 г.) многочисленныя сельскія общества выносили резолюціи въ духѣ ея программы и посылали въ Петербургъ въ этомъ смыслѣ наказы своимъ избранникамъ. Партія с. р. не выставила своихъ кандидатовъ на этихъ выборахъ (она бойкотировала выборы, находя избирательный законъ слишкомъ недемократичнымъ и самое Государственную Думу слишкомъ несовершеннымъ учрежденіемъ); но въ Государственную Думу прошло большое количество крестьянскихъ депутатовъ-трудовиковъ, которые приняли основы земельной программы партіи с. р. и во всѣхъ политическихъ вопросахъ согласовали свои дѣйствія съ партіей с. р., поддерживавшей съ ихъ фракціей живѣйшую связь.

На выборахъ во вторую Государственную Думу (1907 г.) партія с. р. выставила своихъ кандидатовъ. Было выбрано нѣсколько десятковъ эсэровскихъ депутатовъ, а аграрный законопроектъ партіи с. р. собралъ подписи 106 депутатовъ.

Въ третью и четвертую Госуд. Думу партія с. р. своихъ кандидатовъ не выставляла. Керенскій, будучи эсэромъ, былъ выбранъ отъ крестьянъ-трудовиковъ и былъ качествѣ депутата отъ крестьянъ-трудовиковъ, и былъ предсѣдателемъ ихъ фракціи.

Аграрный законопроектъ былъ партіей разработанъ заново въ 1917 году и былъ внесенъ въ Учредительное Собраніе, которое засѣдало только одинъ день—5 января 1918 года—и было разогнано большевиками. Этотъ законопроектъ былъ составленъ въ согласіи съ Совѣтомъ Крестьянскихъ Депутатовъ, собравшихся въ 1917 году, предсѣдателемъ котораго былъ членъ партіи Авксентьевъ, въ періодъ Временнаго Правительства; въ громадномъ большинствѣ Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ поддерживалъ партію с. р. Въ Учредительномъ Собраніи, какъ извѣстно, партія с. р. получила абсолютное большинство. (На первомъ засѣданіи Учр. Собранія было 244 депутата с. р. и 153 большевиковъ и такъ называемыхъ «лѣвыхъ» с. р., вышедшихъ изъ партіи).

Считаемъ нужнымъ привести текстъ основныхъ положеній аграрнаго законопроэкта, принятыхъ Учредительнымъ Собраніемъ по предложенію партіи с. р.

«1. Право собственности на землю въ предѣлахъ Россійской республики отнынѣ и навсегда отмѣняется.

«2. Всѣ находящіеся въ предѣлахъ Россійской республики земли со всѣми ихъ нѣдрами, лѣсами и водами составляютъ народное достояніе.

«3. Распоряженіе всей землей съ ея нѣдрами, лѣсами и водами принадлежитъ республикѣ въ лицѣ ея центральныхъ органовъ и органовъ мѣстнаго самоуправленія, на основаніяхъ, установленныхъ настоящимъ закономъ.

«4. Самоуправляющіяся на государственно-правовыхъ началахъ области Россійской республики осуществляютъ свои земельныя права на основаніяхъ сего закона и въ согласіи съ федеральной конституціей.

«5. Задачи государственной власти въ области распоряженія землей, нѣдрами, лѣсами и водами составляютъ: а) созданіе условій, благопріятствующихъ для наилучшаго использованія естественныхъ богатствъ страны и для наивысшаго развитія производительныхъ силъ; б) справедливое распредѣленіе всѣхъ естественныхъ благъ среди населенія.

«6. Права лицъ и учрежденій на землю, нѣдра, лѣса и воды осуществляются только въ формѣ использованія.

«7. Пользователями этой земли, нѣдрами, лѣсами и водами могутъ быть всѣ граждане Россійской республики, безъ различія національностей и вѣроисповѣданія, и ихъ союзы, а равно государственныя и общественныя учрежденія.

«8. Земельныя права пользователей пріобрѣтаются, осуществляются и прекращаются на началахъ, установленныхъ настоящимъ основнымъ закономъ.

«9. Принадлежащія нынѣ отдѣльнымъ лицамъ, союзамъ и учрежденіямъ земельныя права, поскольку они противорѣчатъ настоящему закону, отмѣняются.

«10. Отчужденіе въ народное достояніе земель, нѣдръ, лѣсовъ и водъ, находящихся нынѣ у лицъ, союзовъ и учрежденій на правѣ собственности, или иномъ вещномъ правѣ, производится безъ выкупа».

Большевики изъ демагогическихъ цѣлей заимствовали у П. С. Р. нѣкоторыя положенія этого закона, въ

виду его громадной популярности, но не сумѣли ни приспособить его къ реальнымъ потребностямъ и условіямъ сельскаго хозяйства, ни провести его въ жизнь — что требовало большой статистической и землеустроительной работы, при поддержкѣ населенія и съ участіемъ всѣхъ необходимыхъ для этого интеллигентныхъ силъ. Всѣ эти условія были уничтожены большевистской диктатурой и замѣнены анархическимъ призывомъ, обращеннымъ въ деревню: берите землю сами, гдѣ, какъ и сколько хотите!

Ленинъ и другіе большевики сами впослѣдствіи признавали, что они не вѣрили въ возможность разрѣшенія аграрной проблемы въ Россіи при помощи закона, который они провели на съѣздѣ совѣтовъ — демонстративное принятіе этого закона продиктовано имъ было исключительно тактическими соображеніями: они хотѣли продемонстрировать передъ россійскимъ крестьянствомъ, что большевики защищаютъ крестьянскіе интересы; этимъ они стремились укрѣпить въ крестьянскихъ массахъ свою власть.

Что касается программныхъ требованій партіи с. р. въ сферѣ рабочаго вопроса, то въ этой области с. р. мало чѣмъ отличались отъ любой европейской соціалистической партіи. Конечная цѣль была — обобществленіе средствъ производства, ближайшія задачи — введеніе 8-часового рабочаго дня, контроль производства и пр.

Кромѣ аграрной программы, другой особенностью партіи с. р, были ея рѣзко-революціонные, наступательные и террористическіе методы борьбы съ самодержавіемъ.

Соціально-революціонныя группы, возникшія въ 1895—1899 гг., видѣли свое отличіе отъ существовавшихъ тогда соціалъ-демократическихъ группъ въ томъ, что эти послѣднія на первый планъ выдвигали защиту **экономическихъ** интересовъ рабочихъ и относились очень сдержанно къ непосредственной политической борьбѣ, тогда какъ эсэровскія группы призывали рабочихъ къ революціонной борьбѣ за политическую свободу и республику. Эти первыя группы занялись агитаціей и устройствомъ политическихъ уличныхъ демонстрацій, не останавливаясь передъ неизбѣжнымъ столкновеніемъ съ полиціей, имѣя въ виду необходимость развитія революціоннаго движенія въ народѣ и полагая, что смѣ-

лая революціонная иниціатива можетъ его стимулировать.

Въ дальнѣйшемъ, когда въ 1901 году была основана партія с. р., она признала необходимость рѣзкой политической борьбы, а въ отвѣтъ на репрессіи царскаго правительства рѣшила отвѣчать прямымъ нападеніемъ на отвѣтственныхъ сановниковъ и членовъ царствующаго дома, иначе говоря, высказалась за примѣненіе террористической тактики.

Необходимо отмѣтить, что терроръ партіи с. р. не имѣлъ ничего общаго съ «краснымъ терроромъ большевиковъ». Партія с. р. считала возможнымъ казнь такихъ враговъ народа, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ и Плеве, или вел. кн. Сергѣй Александровичъ потому, что они были отвѣтственны за политику подавленія всякой свободы и самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ, за безпримѣрное угнетеніе, голодъ и нищету трудящихся массъ и свирѣпыя расправы со всѣми попытками освободиться отъ этого гнета или даже помочь народу понять и улучшить свое положеніе.

Лишь полное отсутствіе возможности призвать къ отвѣтственности передъ народомъ, парламентомъ или судомъ самодержавныхъ повелителей Россіи и беззащитность противъ ихъ произвола всего населенія и, въ особенности, рабочаго класса и соціалистическихъ партій, скрывавшихся, разумѣется, «въ подпольѣ», оправдывало въ глазахъ партіи с. р. примѣненіе кровавыхъ методовъ убійства царскихъ министровъ и руководителей царской политической полиціи.

При этомъ партія публично всегда принимала на себя отвѣтственность за всѣ совершаемые ею террористическіе акты и оглашала ихъ.

Партія с. р. всегда рѣшительно осуждала тактику политическихъ убійствъ въ странахъ съ демократическимъ образомъ правленія и со свободой печати и общественнаго мнѣнія. Она всегда заявляла, что немедленно прекратитъ террористическую борьбу, лишь только въ Россіи будутъ осуществлены элементарныя политическія гарантіи, существующія во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Она всегда категорически осуждала послѣреволюціонный терроръ — то есть смертныя казни и убійства побѣжденныхъ представителей стараго режима. Партія с. р. полагала, что побѣжденный рабочій классъ можетъ и долженъ быть великодушенъ и не долженъ

слѣдовать примѣру французскихъ буржуазныхъ революціонеровъ 1793 года. И морально, и политически террористическіе акты революціонеровъ, шедшихъ всегда на вѣрную смерть для того, чтобы поразить какого нибудь всемогущаго временщика въ родѣ фонъ Плеве въ самомъ центрѣ его власти, окруженнаго тучами сыщиковъ и жандармовъ, — самымъ рѣзкимъ образомъ отличаются отъ приказа члена Ч. К. о разстрѣлѣ какого нибудь бывшаго полицейскаго офицера или даже министра, великаго князя или самого царя, обезоруженныхъ, беззащитныхъ, безсильныхъ, жалкихъ.

Въ то время, какъ террористическая борьба партіи с.-р. съ самодержавіемъ выковывала самоотверженныхъ, благородныхъ, беззавѣтно преданныхъ революціи, глубоко-человѣчныхъ **героевъ,** — чрезвычайная комиссія при большевистскомъ режимѣ открыла широкое поприще для дѣятельности людей нравственно тупыхъ, озлобленныхъ, мрачныхъ фанатиковъ или просто преступныхъ садистовъ, не героевъ, а палачей.

Нужно отмѣтить, что большевики всегда осуждали до 1917 г. партію с. р. за примѣненіе ею террористическихъ методовъ и, вообще, считали ее партіей мелко-буржуазной интеллигенціи, по недоразумѣнію называющей себя соціалистической.

Главнымъ теоретикомъ партіи с. р. былъ Викторъ Черновъ.

Наиболѣе видными дѣятелями партіи со времени ея образованія были: Михаилъ Гоцъ, Шишко, Лазаревъ, Волховской, Гершуни, Брешковская, Миноръ, Рубановичъ, Слетовъ.

Позиція партіи с. р. во время революціи была опредѣлена третьимъ съѣздомъ партіи (Москва, май 1917 г.), четвертымъ съѣздомъ (Петроградъ, декабрь, 1917 г.) и затѣмъ восьмымъ (май 1918 г.), девятымъ (іюнь 1919 г.) и десятымъ (іюль 1921 г.) совѣтами партіи. Для сужденія объ ея политикѣ и тактикѣ необходимо ознакомиться также съ резолюціями и письмами ея Ц. К., которому, въ виду невозможности въ условіяхъ совѣтскаго режима созвать партійныя конференціи, приходилось самостоятельно принимать важныя политическія рѣшенія.

Изъ постановленій московскаго съѣзда партіи въ 1917 г. отмѣтимъ относящіяся къ войнѣ, къ Интернаціоналу и о Временномъ Правительствѣ.

Объ отношеніи къ войнѣ.

Настоящая война возникла на почвѣ имперіалистическихъ стремленій господствующихъ классовъ всѣхъ великихъ державъ, направленныхъ къ захвату новыхъ рынковъ и подчиненію своему экономическому и политическому вліянію мелкихъ и отсталыхъ государствъ, стремленій, эксплоатировавшихъ въ своихъ цѣляхъ какъ желанія національностей, еще не получившихъ своего самоопредѣленія, такъ и пережитки безсознательнаго шовинизма. До сихъ поръ правящіе классы воюющихъ странъ питаютъ эти захватныя стремленія, враждебныя интересамъ трудового народа.

Мы призываемъ народы воюющихъ странъ заставить свои правительства и господствующіе классы отказаться отъ захватныхъ стремленій и взять дѣло мира въ свои руки. Съ своей стороны, мы заявляемъ, что русскому народу, широкимъ массамъ рабочихъ и крестьянства имперіалистическія цѣли войны чужды, и что русская демократія не желала и не желаетъ никакихъ захватовъ.

Исходя изъ этихъ положеній и стоя на точкѣ зрѣнія совпадающихъ между собою идеаловъ международнаго соціализма и насущныхъ интересовъ трудящихся массъ Россіи, III Съѣздъ партіи с. р. полагаетъ, что передъ русской демократіей въ настоящій моментъ стоятъ слѣдующія ближайшія задачи:

1. Въ виду того, что ликвидація войны возможна лишь при условіи объединенныхъ усилій демократіи всѣхъ странъ, партія с. р. признаетъ необходимымъ:

а) чтобы соціалистическая демократія Россіи всѣми мѣрами содѣйствовала скорѣйшему возсозданію революціоннаго Интернаціонала и созыву международнаго соціалистическаго съѣзда для возстановленія международной солидарности трудящихся, выработки окончательныхъ условій мира и мѣръ къ проведенію ихъ въ жизнь;

б) чтобы соціалистическая демократія Россіи обратилась съ призывомъ къ демократіи всѣхъ государствъ съ тѣмъ, чтобы онѣ присоединились къ лозунгу «миръ безъ аннексій и контрибуцій» и въ этомъ направленіи воздѣйствовали на свои правительства.

2. III Съѣздъ партіи с. р., признавая, что Временное Революціонное Правительство въ основу своей международной политики положило выдвинутую россійской демократіей программу мира безъ аннексій и контрибуцій съ осуществленіемъ права всѣхъ народовъ на самоопредѣленіе, и полагая, что вопросъ о спорныхъ областяхъ долженъ быть разрѣшенъ путемъ свободнаго и обставленнаго международными гарантіями опроса самого населенія считаетъ необходимымъ, чтобы Временное Революціонное Правительство въ кратчайшій срокъ приняло всѣ зависящія отъ него мѣры для присоединенія остальныхъ союзныхъ Россіи державъ къ этой программѣ мира. Равнымъ образомъ, путемъ международнаго соглашенія должны быть переложены финансовыя—какъ въ отношеніи государствъ, такъ и въ отношеніи частныхъ хозяйствъ — послѣдствія войны на господствующіе классы всѣхъ странъ, захваченныхъ прямо или косвенно войной.

3. III Съѣздъ партіи с. р. требуетъ, чтобы Временное Революціонное Правительство приняло всѣ мѣры къ пересмотру и ликвидаціи тайныхъ договоровъ, заключенныхъ царскимъ правительствомъ съ союзными державами и чтобы въ своей дальнѣйшей международной политикѣ оно руководствовалось исключительно интересами трудового населенія Россія и интересами демократіи всего міра.

4. III Съѣздъ партіи с. р., полагая, что осуществленіе этихъ задачъ возможно лишь въ международномъ масштабѣ и объединенными усиліями трудовыхъ массъ всѣхъ воюющихъ странъ, категорически отвергаетъ сепаратный миръ и сепаратное перемиріе, какъ въ корнѣ противорѣчащее методамъ интернаціональнаго дѣйствія.

5. Отвергая безотвѣтственную пропаганду шовинистской прессы въ пользу форсированія наступленія во что бы то ни стало, способную при недостаточной организованности революціонной арміи толкнуть ее на гибельную авантюру, чреватую самыми опасными послѣдствіями для всего дѣла русской революціи, и усматривая въ этомъ газетномъ походѣ стремленіе снять съ очереди вопросъ о цѣляхъ войны, III Съѣздъ партіи с. р. равнымъ образомъ считаетъ недопустимымъ внесеніе въ армію демагогической проповѣди отказа отъ всякаго движенія впередъ изъ окоповъ и неповиновеніе распоряженіямъ

революціоннаго правительства и полагаетъ, что какъ первое, такъ и второе можетъ лишь затормозить созданіе, ростъ и укрѣпленіе новой революціонной арміи, способной быть надежной опорой для всей новой международной политики революціоной Россіи.

6. Пока эта война продолжается, революціонная Россія идетъ навстрѣчу необходимости стратегическаго единства фронта съ союзниками и выдвигаетъ въ то же время необходимость единства фронта политическаго, считая ихъ двумя необходимыми сторонами одного и того же дѣла — прокладыванія дороги миру на основѣ самоопредѣленія національностей и отказа отъ политики аннексій и контрибуцій.

7. III Съѣздъ партіи с. р., настаивая на веденіи со всей энергіей борьбы за всеобщій миръ, считаетъ необходимымъ въ то же время, въ интересахъ самой борьбы за миръ, въ интересахъ защиты русской революціи и ея политическихъ и соціальныхъ завоеваній отъ всякихъ посягательствъ какъ извнутри такъ и извнѣ, приведеніе арміи въ полную боевую готовность и созданіе изъ нея силы, способной къ активнымъ операціямъ во имя осуществленія задачъ русской революціи и ея народной политики.

Объ отношеніи къ Временному Правительству.

III Съѣздъ партіи с. р. видитъ въ созданіи коалиціоннаго Временнаго Правительства, съ одной стороны, новое свидѣтельство роста силы трудовой демократіи городовъ и деревень, съ другой стороны, неизбѣжный шагъ для неотложной борьбы съ грозной опасностью всероссійской разрухи, — борьбы, необходимой для укрѣпленія новой революціонной Россіи, этой первой цитадели «третьей силы» въ современной Европѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выражаетъ твердую увѣренность въ томъ, что только дальнѣйшій ростъ общественно-организаціонныхъ силъ соціалистической демократіи въ странѣ можетъ измѣнить еще болѣе въ пользу соціалистовъ соотношеніе силъ во Временномъ Правительствѣ.

Считая основной политической задачей момента реорганизацію мѣстной власти на началахъ органическаго народовластія и подготовленіе выборовъ въ Учредительное Собраніе, III Съѣздъ партіи с. р. отвергаетъ и осуждаетъ все, что можетъ затормозить или отодвинуть ихъ осуществленіе авантюристскими попытками захвата власти на мѣстахъ или въ центрѣ, и всякую безотвѣтственную проповѣдь въ этомъ направленіи.

III Съѣздъ полагаетъ, что только единая сплоченная соціалистическая группа во Временномъ Правительствѣ, соподчиняя всѣ выступленія отдѣльныхъ министровъ принятой ею общей линіи поведенія, при контролѣ какъ нашего рабочаго предпарламента, въ лицѣ совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, такъ и соотвѣтственныхъ соціалистическихъ партій, можетъ справиться съ неотложной задачей: приложить руки рабочей демократіи къ укрѣпленію завоеваній революціи въ то переходное время, когда цензовая Россія уже не въ состояніи справиться съ роковыми проблемами современности, а соціалистическія партіи еще не вынуждаются взять въ свои руки власть.

До тѣхъ поръ, пока рѣшеніемъ соціалистической демократіи группа министровъ-соціалистовъ остается въ составѣ Временнаго Правительства и черезъ нее осуществляется воля этой демократіи и ея контроль надъ всей внутренней и внѣшней политикой Правительства, послѣднему обезпечивается самая энергическая поддержка въ проведеніи его мѣропріятій противъ всѣхъ элементовъ распада и дезорганизаціи. III Съѣздъ партіи полагаетъ, что, идя этимъ путемъ, партія соціалистовъ-революціонеровъ совмѣстить двуединую задачу: участія въ строительствѣ настоящаго и подготовленія грядущаго, и тѣмъ подготовитъ свое торжество въ Учредительномъ Собраніи, завершая одновременно великую международную задачу русской революціи: ускореніе ликвидаціи войны силами воскрешеннаго русской революціей рабочаго интернаціонала.

III Съѣздъ партіи считаетъ необходимымъ, чтобы министры-соціалисты-революціонеры положили въ основу своей дѣятельности постановленія, принятыя высшей партійной инстанціей, то есть настоящимъ полномочнымъ собраніемъ представителей партійныхъ организацій.

Объ интернаціоналѣ.

I. III Съѣздъ партіи соц.-рев., руководясь воззрѣніями, выраженными въ принятыхъ имъ резолюціяхъ о текущемъ моментѣ и о войнѣ, постановляетъ послать своихъ делегатовъ:

1. на Международную Соціалистическую конференцію мира, созываемую по почину Совѣтовъ Рабочихъ, Крестьянскихъ и Солдатскихъ депутатовъ;

2. на иныя предварительныя конференціи, въ томъ числѣ и на третью Циммервальдскую, имѣющую задачей обмѣнъ мыслей между трудовыми демократіями всего міра.

II. Съѣздъ поручаетъ Ц. К. сформировать съ этой цѣлью соотвѣтствующія делегаціи.

Партія с. р. принимала участіе въ выработкѣ знаменитаго воззванія къ международному рабочему классу (14 марта 1917 г.) Петроградскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, въ которомъ ей, вмѣстѣ съ соціалъ-демократами меньшевиками, принадлежало въ то время большинство.

Въ согласіи съ этой позиціей, партія приняла дѣятельное участіе въ подготовкѣ Стокгольмской международной конференціи, для чего командировала въ 1917 г. заграницу Н. Русанова. Конференція эта, какъ извѣстно, не состоялась, ибо правительства Антанты отказались дать паспорта делегатамъ соціалистическихъ партій ихъ странъ.

Въ апрѣлѣ—маѣ 1917 г. партія с. р., какъ и соц.-дем. рабочая партія, рѣшила делегировать своихъ представителей въ коалиціонное Временное Правительство, предсѣдателемъ котораго былъ сначала кн. Г. Е. Львовъ, а затѣмъ А. Ф. Керенскій. Большевики до сихъ поръ обвиняютъ партію с. р. за это въ «измѣнѣ пролетаріату» и въ союзѣ съ буржуазіей. Въ дѣйствительности, партія вошла тогда въ коалиціонный кабинетъ для того, чтобы спасти нарождавшійся и еще слабый демократическій режимъ отъ возможнаго натиска контръ-революціи. Въ это время соціалистическія партіи, только что вышедшія изъ подполья, не успѣвшія еще организоваться и опиравшіяся на плохо организованныя, только что скинув-

шія съ плечъ трехвѣковое рабство рабочія массы, не могли взять полностью власть въ свои руки.

Революція развивалась во время войны съ сильнѣйшимъ врагомъ, и передъ правительствомъ стояла въ высшей степени сложная и опасная задача: произвести необходимыя преобразованія, не разрушая фронта, не губя народнаго хозяйства и ведя одновременно дипломатическіе переговоры съ союзниками для прекращенія войны на основахъ, пріемлемыхъ для всѣхъ. Вызывать въ этотъ моментъ гражданскую войну въ странѣ было чрезвычайно опасно и грозило потерей ея національной самостоятельности, а во всякомъ случаѣ, такимъ ея ослабленіемъ, которое могло свести на нѣтъ всѣ завоеванія революціи и сдѣлать возможными реставрацію и реакцію.

Поэтому партія с. р. пыталась заключить соглашеніе съ лѣвой, демократической частью буржуазіи, чтобы заставить реакціонное дворянство, а также правыя и имперіалистическія партіи подчиниться революціонному народу.

Однако, это соглашеніе не удалось. Буржуазія, въ массѣ своей испугавшись революціи, предпочла пойти съ дворянствомъ, а не съ рабочимъ классомъ, съ монархіей противъ демократіи и республики. Буржуазные члены кабинета чинили всякія препятствія революціоннымъ преобразованіямъ и саботировали дѣло Временнаго Правительства. Видные лидеры буржуазіи, одно время присоединившіеся къ революціи, начали конспирировать съ военными контръ-революціонными кругами (что привело къ памятному выступленію генерала Корнилова противъ Временнаго Правительства).

Коалиціонное правительство пережило нѣсколько кризисовъ. Партія с. р. продолжала участвовать въ правительствѣ, но поставила опредѣленныя условія, въ числѣ которыхъ было требованіе активной внѣшней политики, направленной къ скорѣйшему заключенію общаго и справедливаго мира. Съ этой цѣлью партія настаивала на созывѣ конференціи союзныхъ державъ, на которой должна была быть изложена точка зрѣнія революціонной Россіи, и на созывѣ Стокгольмской соціалистической конференціи. Ц. К. партіи не находилъ возможнымъ для соціалистическихъ партій брать цѣликомъ власть въ свои руки наканунѣ выборовъ въ Учредительное Собраніе, считая, что лишь оно установитъ

окончательно государственный строй Россіи и назначитъ «законное», отвѣтственное передъ Учредительнымъ Собраніемъ правительство. Наканунѣ самаго созыва Учредительнаго Собранія большевики произвели переворотъ 25 октября 1917 г. и немедленно стали осуществлять режимъ террористической диктатуры.

Партія осудила этотъ захватъ власти, но не отказывалась войти въ переговоры съ большевиками относительно возможнаго компромисса съ цѣлью образовать единое соціалистическое правительство. Компромиссъ этотъ оказался невозможнымъ. Опираясь на вооруженную силу, большевики хотѣли диктовать лишь свою волю. Партія с. р. рѣшила перенести борьбу на почву выборовъ въ Учредительное Собраніе, на созывѣ котораго большевики первоначально очень настаивали, но отъ котораго отреклись, когда увидѣли, что большинство на выборахъ получила партія с. р.

Четвертый съѣздъ партіи (декабрь 1917 г.) высказался противъ коалиціи съ буржуазными партіями и даже осудилъ политику Центральнаго Комитета, который, по мнѣнію съѣзда, слишкомъ затянулъ коалиціонный опытъ. Вотъ резолюція этого съѣзда:

«Съѣздъ партіи с. р. вынужденъ констатировать, что Ц. К. въ теченіе 6 мѣсяцевъ работы не всегда соотвѣтствовалъ своему назначенію быть органомъ, руководящимъ дѣятельностью партіи. Съѣздъ признаетъ, что Ц. К. не осуществлялъ въ должной мѣрѣ своей обязанности контроля надъ дѣятельностью членовъ партіи, занимавшихъ самые отвѣтственные посты въ органахъ государственнаго управленія и руководящихъ органахъ демократіи. Этимъ Ц. К. дѣлалъ партію отвѣтственной предъ трудящимися массами за политику, ею не санкціонированную, за событія, о которыхъ она даже была не освѣдомлена, за дѣйствія, не соотвѣтствующія ни партійной программѣ, ни ея коллективной волѣ. Этимъ Ц. К. невольно способствовалъ подрыву довѣрія массъ къ партіи, ея лозунгамъ, ея дѣятелямъ».

Другая резолюція того же съѣзда гласитъ:

«Современная русская революція является народно-трудовой, пробивающей первыя бреши въ крѣпости буржуазной собственности и буржуазнаго права; она открываетъ собою промежуточный переходный исто-

рическій періодъ между эпохой полнаго расцвѣта буржуазнаго строя и эпохой соціалистическаго переустройства. Истина эта не была достаточно осознана руководящими слоями нашей соціалистической демократіи, и въ результатѣ наша революція доселѣ не нашла для себя правильнаго и прочнаго русла...

«Для соціалистической демократіи нужно было пройти опытъ смѣшаннаго правительства съ цензовыми элементами. Этотъ опытъ сослужилъ свою службу, какъ только воочію показалъ всему народу, что цензовые элементы не могутъ примириться съ разрѣшеніемъ въ пользу трудового народа тѣхъ широкихъ соціальныхъ задачъ, которыя выдвинуты нашей революціей, въ особенности въ области неотложнаго и коренного переустройства нашихъ поземельныхъ отношеній. Начиная съ этого момента, повтореніе и продолженіе этихъ опытовъ съ коалиціей вело лишь къ тому, что творческая работа революціонной власти пріостанавливалась, борьба за демократическій миръ велась недостаточно энергично, а попытки идти навстрѣчу реальной потребности страны въ твердой власти, не сопровождаясь современнымъ удовлетвореніемъ жгучихъ потребностей трудового населенія, оставались безъ успѣха и вызывали недовольство.

«Наша партія, къ сожалѣнію, не проявила въ трудныя моменты достаточной рѣшимости, не взяла во время власти въ свои руки и оставляла ее до конца въ рукахъ ослабленнаго, обезцвѣченнаго, потерявшаго популярность правительства, сдѣлавшагося легкой добычей перваго же заговора.

«Партія обязана — гласилъ заключительный абзацъ резолюціи съѣзда — приложить всю энергію для того, чтобы сосредоточить вокругъ охраны всѣхъ правъ Учредительнаго Собранія достаточныя организованныя силы, чтобы въ случаѣ надобности принять бой съ преступнымъ посягательствомъ на верховную волю народа, откуда бы таковое ни исходило и какими бы лозунгами ни прикрывалось».

На выборахъ въ Учредительное Собраніе партія с. р., какъ мы уже сказали, получила подавляющее большинство. За эсэровъ голосовали 20.893.734 избирателей (52 проц.), за большевиковъ — 9.023.963 (25%), за всѣ буржуазныя партіи вмѣстѣ — 4.130.376 (меньше одной седьмой).

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на изложеніи событій, связанныхъ съ первымъ и единственнымъ засѣданіемъ Учредительнаго собранія, выбраннаго всеобщей подачей голосовъ по избирательному закону, изготовленному Временнымъ Правительствомъ Керенскаго. Но для того, чтобы положить конецъ клеветническимъ измышленіямъ коммунистовъ, необходимо привести подлинный текстъ постановленій, принятыхъ эсэровскимъ большинствомъ Учредительнаго Собранія на засѣданіи 5 января 1918 года, происходившимъ подъ предсѣдательствомъ Виктора Чернова. Мы привели уже первыя 10 статей аграрнаго закона. Приведемъ резолюцію о мирѣ и законъ о федеративномъ устройствѣ Россіи.

Резолюція о мирѣ.

«Именемъ Народовъ Россійской Республики Всероссійское Учредительное Собраніе, выражая непреклонную волю народа къ немедленному прекращенію войны и заключенію справедливаго всеобщаго мира, обращается къ союзнымъ съ Россіей державамъ съ предложеніемъ приступить въ совмѣстному опредѣленію точныхъ условій демократическаго мира, пріемлемыхъ для всѣхъ воюющихъ народовъ, дабы представить эти условія отъ имени всей коалиціи государствамъ, ведущимъ съ Россійской Республикой и ея союзниками войну.

«Учредительное Собраніе исполнено непоколебимой увѣренностью, что стремленіе народовъ Россіи къ прекращенію губительной войны встрѣтитъ единодушный откликъ въ народахъ и правительствахъ союзныхъ государствъ и что общими усиліями достигнутъ будетъ скорый миръ, обезпечивающій благо и достоинство всѣхъ воюющихъ народовъ.

«Выражая отъ имени народовъ Россіи сожалѣніе, что начатые безъ предварительнаго соглашенія съ союзными демократіями переговоры съ Германіей получили характеръ переговоровъ о сепаратномъ мирѣ, Учредительное Собраніе, именемъ народовъ Россійской Федеративной Республики, продолжая установившееся перемиріе, принимаетъ дальнѣйшее веденіе переговоровъ съ воюющими съ нами державами на себя, дабы, защищая инте-

ресы Россіи, добиваться, въ согласіи съ волей народной, всеобщаго демократическаго мира.

«Учредительное Собраніе заявляетъ, что оно окажетъ всемѣрное содѣйствіе начинаніямъ соціалистическихъ партій Россійской Республики въ дѣлѣ немедленнаго созыва международной соціалистическкой конференціи въ цѣляхъ достиженія всеобщаго демократическаго мира.

«Учредительное Собраніе постановляетъ избрать изъ своего состава полномочную делегацію для веденія переговоровъ съ представителями союзныхъ державъ и для врученія имъ обращенія о совмѣстномъ выясненіи условій скорѣйшаго окончанія войны, равно какъ и для осуществленія рѣшенія Учредительнаго Собранія по вопросу о мирныхъ переговорахъ съ державами, ведущими противъ насъ войну.

«Данная делегація имѣетъ подъ руководствомъ Учредительнаго Собранія немедленно приступить къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей».

Основной законъ о государственномъ устройствѣ Россіи. О контръ-революціонной опасности.

«Именемъ народовъ, Государство Россійское составляющихъ, Всероссійское Учредительное Собраніе постановляетъ: Государство Россійское провозглашается Россійской Демократической Федеративной Республикой, объединяющей въ неразрывномъ союзѣ народы и области, въ установленныхъ федеральной конституціей предѣлахъ, суверенные».

Послѣ того, какъ Учредительное Собраніе проголосовало эти законы, большевистскіе матросы, по приказанію Ленина, разогнали его якобы «за измѣну пролетаріату» и за союзъ съ помѣщиками, буржуазіей и монархіей. Невѣжественные и обманутые, возбужденные безсовѣстными демагогами, матросы по истинѣ «не вѣдали, что творили».

Въ то же время другіе матросы разстрѣливали на улицахъ Петрограда мирную манифестацію рабочихъ и убили крестьянскаго депутата с. р. Логинова, женщину соціалистку-революціонерку Горбачевскую и др.

Послѣ насильственнаго разгона большевиками Учредительнаго Собранія, партія с. р. рѣшила попытаться вести политическую борьбу за свое пониманіе задачъ революціи въ рамкахъ легальности. Но очень скоро выяснилось, что большевистское правительство не терпитъ никакой свободной критики и готово для сохраненія своей власти къ самымъ худшимъ видамъ насилія, не останавливаясь передъ нарушеніемъ даже собственной «совѣтской» конституціи. Эсэровскія газеты безпощадно закрывались, ихъ типографіи ликвидировались, соціалистическія организаціи разрушались, выборы въ совѣты производились въ атмосферѣ безпримѣрнаго административнаго давленія, совѣты съ сильной соціалистической оппозиціей систематически распускались. Постепенно совѣтское рабочее самоуправленіе было упразднено и замѣнено іерархической централизованной бюрократіей, которая только носитъ названіе «совѣтскаго сторя», но въ дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго съ нимъ. Международный соціализмъ теперь уже достаточно освѣдомленъ о банкротствѣ коммунистическаго эксперимента большевиковъ, объ уничтоженіи промышленности, о разореніи деревни, о разочарованіи массъ въ большевистской демагогіи и о борьбѣ, которую большевики ведутъ съ народомъ для сохраненія своей неограниченной власти. Извѣстно, что они держатся при помощи террора, насилія, безпощаднаго подавленія всякой оппозиціи, безпримѣрнаго политическаго гнета, при которомъ народъ осуждалъ на апатію, прозябаніе и медленное вымираніе отъ голода и эпидемій, прерываемыхъ стихійными возмущеніями, бунтами, слѣпыми вспышками голодныхъ, забитыхъ и измученныхъ массъ.

Лѣтомъ 1918 года конфликтъ власти съ народомъ принялъ характеръ гражданской войны. Партія с. р. была на сторонѣ народа. На Волгѣ и на Уралѣ она организовывала крестьянскіе и рабочіе полки, которые сражались съ большевиками на такъ называемомъ «фронтѣ Учредительнаго Собранія». Имъ помогали въ этомъ чехословацкіе легіоны, составленные изъ военноплѣнныхъ, которыхъ Троцкій попытался разоружить по требованію императорской Германіи. Уже въ то время большевики, подписавшіе позорный сепаратный Брестъ-Литовскій миръ, приглашали въ Россію германскихъ капитали-

«Соціализмъ и демократія» — таковъ нашъ лозунгъ.

«Объединеніе трудящихся города и деревни въ борьбѣ съ большевистской диктатурой во имя политическаго раскрѣпощенія рабочаго класса»—таковъ нашъ пароль.»

Подписали это письмо члены Центральнаго Комитета Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ: А. Р. Гоцъ, М. Я. Гендельманъ, М. А. Веденяпинъ, Д. Д. Донской, М. Я. Лихачъ, С. В. Морозовъ, Д. Ф. Раковъ, Е. М. Ратнеръ, Е. М. Тимофеевъ, М. С. Цетлинъ.

Такова въ общихъ и бѣглыхъ чертахъ политическая позиція партіи с.-р. Мы не могли, конечно, дать въ краткой статьѣ исчерпывающее освѣщеніе роли партіи с.-р. въ революціи, но того, что мы здѣсь сказали, достаточно для того, чтобы разсѣять клеветническія измышленія, распространяемыя о партіи заграницей большевистскими агентами.

Заграничная делегація
Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Les défenseurs étrangers en procès de Moscou.

Die ausländischen Verteidiger im Moskauer Prozeß.

E. Vandervelde - Э. Вандервельде

K. Rosenfeld - К. Розенфельд

Th. Liebknecht - Т. Либкнехт

A. Wauters - А. Вотерс

Foreign counsel at the Moscow trial. — Иностранные защитники на Московскомъ процессѣ. — **Zahraniční obhájcové na moskevském procesu.**

Nous avons quitté Moscou pour mieux défendre ceux qu'on y accuse. Nous portons la cause des S. R. devant le tribunal suprême de l'opinion socialiste; et, des à présent, nous donnons à tous les travailleurs ce mot d'ordre:

Pas de condamnation à mort au procès de Moscou. Ce seraient des assassinats politiques. Emil Vandervelde

---

Wir haben Moskau verlassen, um besser die zu verteidigen, die dort angeklagt sind. Wir übertragen die Angelegenheit der Sozialrevolutionäre vor das höchste Gericht der sozialistischen öffentlichen Meinung; und unverzüglich geben wir allen Arbeitern die folgende Parole: Es sei niemand im Moskauer Prozeß verurteilt! Es wäre sonst ein politischer Mord. Emil Vandervelde

---

We left Moscow better to defend the accused. We appeal to the Supreme Court — the Socialist Community. On the spur of the instant we deliver this parole to the workers of the world: let there be no death sentences at the Moscow trial! it would be political murder. Emil Vandervelde

---

Мы оставили Москву, чтобы лучше защитить тѣхъ, кого тамъ обвиняютъ. Мы переносимъ дѣло соціалистовъ-революціонеровъ на высшій судъ соціалистическаго мнѣнія; и немедленно же мы даемъ всѣмъ рабочимъ слѣдующій пароль; — да не будетн осужденій на смерть въ Московскомъ процессѣ! Это было бъ политическимъ убійствомъ. Эмиль Вандервельде

Opustili jsme Moskvu, abychom lépe obhájili těch, které tam obviňují. Přenášíme věc socialistů-revolucionářů před nejvyšší soud socialistického mínění a okamžitě jsme všem dělníkům dali toto heslo: „Nechť v moskevském procesu není rozsudků smrtil" Byla by to politická vražda. Emil Vandervelde

Gotz, à l'époque où il purgeait 10 ans de bagne, sous le tsarisme.
Gotz während der 10jährigen Kerkerstrafe unter dem Zarismus.

Le président du tribunal révolutionaire lit la sentence de mort.
Der Vorsitzende des Revolutionstribunals verliest das Todesurteil.